

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- БУДНИ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
- НЕСУНЫ И МЗДОИМЦЫ
- РУХНУВШИЙ ПРОЕКТ ВОЗВРАЩАЕТСЯ
- ШОФЕР И ЕГО НАЧАЛЬСТВО
- БУДИЛЬНИК — ОРУЖИЕ ПРОЛЕТАРИАТА
- РОБИН ГУД ИЗ МАЗОВШЕ
- ШТУРМ ПАРЛАМЕНТА В КОПЕНГАГЕНЕ
- ЛОШАДЬ АВСТРИЙСКОГО ПРЕЗИДЕНТА
- ПЕГАС ЮРИЯ АНДРОПОВА
- КОФЕ ПО-ГРЕЧЕСКИ
- БРОДСКИЙ ОБ АХМАТОВОЙ
- ВСЕГО ПРОЧНЕЕ НА ЗЕМЛЕ ПЕЧАЛЬ
- ГОСПОДУ ЖИВОТВОРЯЩЕМУ
- БОРХЕС И МИФОЛОГИЯ ОКРАИН

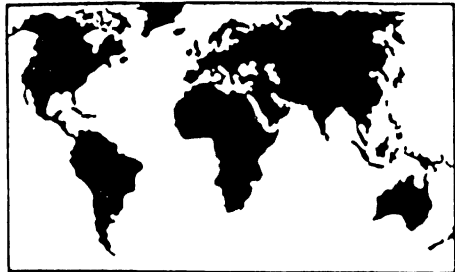
Ежемесячный общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Вадима Меникера. Оформление Б.Рабиновича. Представители журнала: в США Марк Поповский, в Израиле – Рафаил Шапиро. Корреспонденты журнала: Е.Фишер (Бони), В.Кучинский, Г.Ферон (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Я.Руссакис (Афины), Б.Шрагин (Нью-Йорк), П.Ростин (Рабат). Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок, в США, Канаде и Израиле – 100 нем. марок, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване – 110 нем. марок. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Цена одного номера – 6 н.м. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высылаемого в редакцию. Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Политический дневник	1
<i>Т.Зуншайн</i> . Черная дыра	14
Из газет: 50 лет назад	23
Дым Отечества	24
Вести из СССР	26
<i>Р.Бахтамов</i> . О мерах по усилению	31
<i>Д.Толмазин</i> . Прожект века	44
<i>Dominum et vivificantem. Энциклика папы римского Иоанна-Павла II</i>	54
Между прочим	68
Песочные часы, мифология окраин, игры с временем и пространством	69
<i>Х.Фридль Сапата</i> . Борхес в языке и традиции	70
<i>Я.Руссакис</i> . В стороне от Парфенона	74
<i>Иосиф Бродский</i> . Муза плача	77
<i>О.Максимова</i> . Я тебя люблю, но ты мне не нравишься	89
Между прочим	96

СТРАНА И МИР

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

Десять лет назад в Соуэто, пригороде Йоганнесбурга, состоялась демонстрация молодежи — на улицу вышло десять тысяч чернокожих студентов и школьников. Они протестовали против закона, по которому в половине школ преподавание должно было вестись только на языке африкаанс. Полиция круто расправилась с демонстрантами: было убито 575 человек. Волнения продолжались несколько месяцев. Нынешнее правительство в Претории имело все основания опасаться, что десятая годовщина драмы в Соуэто будет отмечена новым взрывом и заранее приняло меры. Было объявлено чрезвычайное положение.

Это означает, что полиции предоставлена вся полнота власти. Можно арестовать без санкции прокурора любого, кто покажется подозрительным. Очевидно, что потенциал ненависти между расовыми группами возрастает.

Власть в ЮАР сосредоточена в руках представителей белого населения, составляющего 4,3 миллиона человек. В августе 1984 г. правительство согласилось на кое-какие поправки для выходцев из Индии (800 тыс.) и метисов (2,6 млн.). Но и эти уступки были ликвидированы после введения чрезвычайного положения. Подавляющее большинство стран мира осуждает южноафриканский режим. Представитель Ватикана, председатель папской комиссии "Справедливость и мир" заявил недавно: "Апарtheid противоречит принципу равенства всех людей и идет вразрез с элементарными правами человека".

Правительство Претории утверждает, что оппозиционное движение в стране не выражает интересов всех чернокожих. Это, пожалуй, верно:

полицейские — тоже чернокожие. Для них, например, приход к власти черных означал бы нечто ужасное. Можно было бы назвать и другие группы черных-коллаборационистов. Стычки внутри негритянских гетто уже привели к гибели сотен людей.

Некоторые надежды возбудила миссия "7 мудрецов" — представителей стран Британского Содружества, — направленная в ЮАР в мае. Они предложили единственное приемлемое решение — переговоры между правительством и Африканским национальным конгрессом (АНК) — организацией негритянского сопротивления, которая была запрещена еще в 1960 г. Однако власти это предложение отвергли, ссылаясь на то, что целью АНК является изгнание или уничтожение всего белого населения Южной Африки. Между тем этот регион чрезвычайно важен для Запада в стратегическом отношении: достаточно сказать, что через порты Южной Африки проходит 60% нефти, поставляемой в страны Запада.

Делегаты стран Содружества не разделяют этой позиции Претории. Ясно, что условием для начала переговоров должно быть прекращение актов насилия. Претория потребовала, чтобы это сделала прежде всего АНК. Но это означало бы прекращение этого движения как такового, ибо с точки зрения существующего закона любые выступления против правительства вообще недопустимы. Миссия "мудрецов" потерпела неудачу, и тогда большинство государств, входящих в Содружество, потребовало экономических санкций против Южной Африки. Однако Великобритания в лице М. Тэтчер отвергла идею санкций, так как они-де, неэффективны. Это верно. Но верно и то,

что напуганные бесперспективностью ситуации иностранные поставщики, в чьих услугах нуждается ЮАР, в конце концов прекратят с ней деловые отношения сами по себе, без всяких санкций. Кстати, южноафриканские предприниматели тоже присоединяются к числу тех, кто требует уважать права черного населения в их стране. Это лишний раз показывает, что капитализм, расизм и империализм далеко не являются синонимами. Как бы то ни было, приняв – в известном смысле – сторону южноафриканского правительства, "железная леди" снова, в который раз, играет ва-банк. Правительство Претории выдвигает не новый, но и не лишенный резона довод, когда оно отказывается от диалога со своими противниками: нельзя вести разговор с террористами. Но рано или поздно наступит момент, когда придется каким-то образом вести переговоры хоть с самим дьяволом.

Кстати, именно это делают сейчас правительства, старающиеся выручить своих подданных, задержанных в качестве заложников в Ливане. Приходится так или иначе вступать в переговоры с режимами, которые отнюдь не являются образцом добродетели. Перед лицом современного международного терроризма, который распространяется по всей земле как зараза, приходится искать то, что в медицине называется первичным очагом. Кто покровительствует преступникам? Называют Иран, Сирию и Ливию. Последняя уже была наказана весной этого года американской авиацией, причем жестокий урок, как кажется, оказался небезрезультатным. Зато к двум другим странам отношение куда более терпимое. Прежде всего, они важнее чем Ливия в экономическом и стратегическом отношении. Кроме того, с этими государствами не стоит ссориться, так как они могут сыграть важную роль в освобождении заложников в Ливане. Не случайно два из девяти заложников-французов были отпущены после того, как Париж сделал несколько реверансов в сторону Дамаска и Тегерана.

Так как Франция связана договорами о продаже оружия Ираку, а Ирак воюет с Ираном, то в Тегеране на французов смотрят почти как на врагов. Известно, что одно из условий, выдвинутых проиранским движением в Бейруте, – теми, кто захватил французских заложников, – состоит в прекращении поставок оружия Ираку и "покровительства" врагам аятоллы Хомейни. Конечно, покровительство – это преувеличение.

Дело просто в том, что иранские граждане, противники теократического режима, пользуются правом политического убежища во Франции, как прежде пользовался этим правом сам Хомейни. Среди этих беженцев находится, или, вернее, находился, самый яркий враг режима аятоллы Массуд Раджави, глава иранских повстанцев.

Нужно сказать, что как бы ни был отвратителен режим Хомейни, фанатизм муджахиддинов, борющихся с ним, ничем не лучше. Недавно Массуд Раджави отбил жену одного из своих близких сотрудников. Последовало пространное заявление политбюро движения муджахиддинов с многочисленными рассуждениями на идеологические темы, где, тем не менее, факт адюльтера не отрицался. В то же время бывший муж заявил, что в соответствии с интересами революции он гордится тем, что его жена теперь стала подругой руководителя. В июне Массуд Раджави покинул, наконец, Францию и переехал в Ирак. Почти одновременно появились и другие признаки нового развития событий: поездка в Тегеран представителя французского МИД и визит во Францию официальной иранской делегации во главе с заместителем премьер-министра. Некоторые примирительные жесты по отношению к сирийскому правителю были сделаны в последнее время и Соединенными Штатами.

До истечения срока своих полномочий Рональду Рейгану остается два года. Он хочет войти в историю своей страны как президент, сумевший восстановить мощь и престиж Соединенных Штатов и пресечь советскую экспансию. Одно из последних событий, связанных с его именем, не привлекло, правда, внимания публики, однако, это действительно событие. Президент назначил новым председателем Верховного Суда США судью Ренквиста, который сменил ушедшего в отставку 10 июля Уоррена Бергера. Назначение председателя Верховного Суда – одна из наиболее серьезных и чреватых последствиями обязанностей главы американского государства. Можно сказать, что Верховный Суд есть, в некотором роде, прототип конституционного суда или конституционного совета. Этот орган состоит из девяти судей, которые не распоряжаются никакими фондами и не вмешиваются в политический процесс; их задача – толковать конституцию и законы. Члены суда назначаются без ограничения срока, хотя по достижении 65 лет и после десятилетнего пребывания в суде член суда обычно

складывает с себя половину обязанностей с тем, чтобы в 70 лет окончательно уйти в отставку. При желании, однако, судья может занимать свое кресло до конца жизни. Получается, что судья может "пересидеть" президента, который его назначил. Только что ушедший на покой Бергер был, например, назначен еще президентом Никсоном. Это не помешало ему занять активную позицию в Уотергейском деле, которое положило конец правлению Ричарда Никсона. Верховный Суд есть власть, не зависящая от власти президента и конгресса.

Вслед за своими предшественниками Рейган намерен на долгий срок сформировать "правительство судей", но это то самое творение, которое выходит из под контроля творца. Новый председатель Верховного Суда пользуется репутацией консерватора и в политике, и в морали, а это не может не нравиться Рейгану. Но Бергеру еще не приходилось бывать на вершине той пирамиды, о которой 100 лет тому назад с удивлением писал Алексис де Токвиль:

"Что труднее всего постичь иностранцу в Соединенных Штатах, так это судебное устройство. Не бывает такого политического события, при котором не приходилось бы в той или иной форме апеллировать к авторитету судьи. Отсюда следует, что в Соединенных Штатах судья есть фигура первостепенного политического значения... Верховный суд стоит выше любого другого трибунала и по природе своих прав, и по характеру рассматриваемых им дел. У всех цивилизованных народов Европы правительство всегда с большой неохотой допускает, чтобы юстиция вмешивалась в его компетенцию. Это отвращение к юстиции особенно велико там, где правитель пользуется абсолютной властью. Напротив, влияние судов растет там, где растет свобода, и все же ни одна из европейских наций не могла и помыслить о том, чтобы любой юридический вопрос, каково бы ни было его происхождение, был отдан на рассмотрение Уголовному Суду. В Америке эту теорию преворили в жизнь. Верховный Суд есть единственный и в своем роде уникальный трибунал нации".

С тех пор, как Токвиль написал эти слова, европейские государства тоже значительно усовершенствовались. Правда, не все.

Г. Ферон

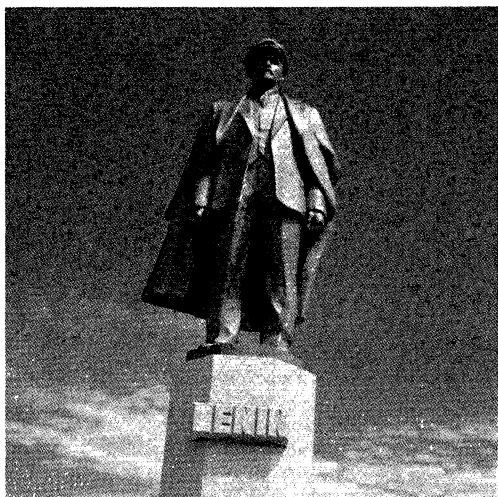
ИЛЬИЧ ШАГАЕТ ПО ПЛАНЕТЕ

Первый памятник В. И. Ленину в Западной Европе наконец открыт. Трехметровая – вместе с пьедесталом – скульптура Ильича воздвигнута в Дании, в деревне, находящейся в 20 км к северу от Копенгагена, на территории коммунистической партшколы.

Памятник установлен по инициативе Пребена Мюллера Хансена – руководителя датского профсоюза моряков. Многие годы он состоял в компартии Дании (КПД), но несколько лет назад вышел из нее и создал свою собственную компартию под названием "Общий курс". Как и КПД, "Общий курс" стопроцентно верен Москве и никаких еврокоммунистических ересей себе не позволяет. Зачем же надо было тогда создавать еще одну крохотную компартию? Хансен разъясняет, что КПД устарела, одряхла, недостаточно революционна. "Общий курс" будет более энергично бороться за социалистическую революцию в Дании. Хансен, очевидно, полагает, что к.п.д. его компартии будет значительно выше.

Несмотря на то, что Кремль недолюбливает такого рода раскольнические инициативы, справедливо видя в них угрозу единству, Хансен – желанный гость в Москве и продолжает дружить с ЦК КПСС. И его идея установить памятник Ленину в натовской стране получила, разумеется, благословение в Москве.

Автор монумента – советский скульптор А. И. Руквишников. На вопрос журналиста, почему именно советскому скульптору была заказана работа – ведь в Дании достаточно своих скульпторов, ищущих заказы, – Хансен ответил: "Советский Союз испытывает недостаток в иностранной валюте, вот я и хотел им помочь". Хан-

сен достаточно богатый человек. В качестве руководителя профсоюза он ворочает миллионными средствами, заправляет несколькими акционерными обществами, владеет бюро путешествий и т. д. Ему принадлежит и партшкола, на территории которой воздвигнут памятник Ленину.

7 июля в этой партшколе открылся VIII конгресс Международной ассоциации гомосексуалистов.

”Верной дорогой идете, товарищи”, – думает, возможно, бронзовый Ильич. ●

Б. Вайль

ДЕЛО ПРЕЗИДЕНТА АВСТРИИ

Прошедший 8 июня нынешнего года второй тур президентских выборов в Австрии принес победу кандидату Австрийской народной партии Курту Вальдхайму. Большинство 53,9% против 46,1% голосов Вальдхайм нанес поражение своему сопернику – кандидату от правящей Социалистической партии – Курту Штайреру. Закончилась 16-летняя гегемония социалистов в политической жизни страны. Не исключено, что и в ходе парламентских выборов, предстоящих весной 1987 г., социалисты также потерпят поражение.

Предвыборная кампания бывшего Генерального секретаря ООН К.Вальдхайма и самый факт его избрания на высокий пост президента Австрийской республики не только резко изменили расстановку политических сил в стране. Со-

бытия эти породили серьезный кризис в международных отношениях, который еще будет иметь далеко идущие последствия. Дело в том, что против К.Вальдхайма были выдвинуты обвинения в причастности к нацистским преступлениям: уничтожению борцов сопротивления, убийствам мирных жителей, вывозу евреев в лагерь смерти, расправе над британскими военнопленными и т.д.

Министерство юстиции США рекомендовало администрации Р.Рейгана запретить К.Вальдхайму въезд в США на основании закона 1978 г., лишаящего права на посещение этой страны всех лиц, причастных к нацистским преступлениям (правда, К.Вальдхайм всегда может воспользоваться дипломатическим паспортом). Аналогичные рекомендации были высказаны и в Великобритании. Премьер-министр Нидерландов заявил, что отношения его страны с новоизбранным президентом будут сведены до минимума, предусмотренного дипломатическим протоколом. Пока же Нидерланды (в вместе с ними Греция, Югославия и Албания) отказались от отправки поздравительных телеграмм Вальдхайму. Посол США в Вене заявил, что на инаугурации его страна будет представлена лишь поверенным в делах. Израильский посол был немедленно отозван домой ”для консультаций” – обычный символ выражения недовольства на уровне государства.

Лишь Советский Союз выступил с твердой поддержкой ”консерватора и антисоциалиста” К.Вальдхайма. Заявление ТАСС, выпущенное по этому поводу, клеймит ”вашингтонские круги” и ”сионистов” за развернутую против К.Вальдхайма кампанию. О сути ”кампании”, однако, не сообщается.

”Дело Вальдхайма” началось осенью 1985 г., когда бывший Генеральный секретарь ООН только объявил о своем намерении баллотироваться на президентский пост. Роясь в архивах, корреспондент австрийского либерального еженедельника ”Profil” обнаружил, что К.Вальдхайм был членом нацистского студенческого союза и членом СА – ”коричневорубашечником”. Удивителен был не сам этот факт – в любом тоталитарном государстве лишь немногим гражданам удавалось сохранить себя, не будучи ”членом чего-либо”. Непонятным было то, что в официально опубликованной автобиографии К.Вальдхайма об этом не говорится ни слова.

Вынужденный отвечать, К. Вальдхайм сослался на забывчивость. Свое членство в нацистских организациях он объяснил желанием учиться и необходимостью отвести подозрения от семьи. Что же, объяснения были правдоподобными: не всем дано быть героем, а отец Вальдхайма действительно был сторонником независимости Австрии и после "аншлюсса" (присоединения Австрии к нацистской Германии 12 марта 1938 г.) провел несколько месяцев в тюрьме. Но забывчивость производила впечатление странное.

Недоумения усилились, когда выяснилось, что К. Вальдхайм забыл не только членство в СА. В упомянутых выше мемуарах К. Вальдхайм живописал, что в 1941 г., после ранения на Восточном фронте, он получил инвалидность, был демобилизован и в 1942–1944 гг. мирно изучал в Вене право. Однако во время избирательной кампании за пост президента руководство Всемирного еврейского конгресса опубликовало документы, которые несколько освежили память кандидата. К. Вальдхайм вынужден был признать, что в действительности эти годы он служил в оккупационных частях на Балканах. Части эти получили печальную известность зверствами в отношении мирных жителей, депортацией евреев и другими преступлениями.

Что известно о деятельности самого К. Вальдхайма в эти годы?

С 20 апреля до середины июня 1942 г. Вальдхайм служил в качестве переводчика и офицера по снабжению в смешанном германо-итальянском воинском соединении Kampfgruppe General Bader, которое осуществляло операции против югославских партизан в районе Сараева, Дубровника и Плевли. Подпись Вальдхайма имеется на донесениях об "операциях по очистке" – так стерильно назывались акции по уничтожению гражданских объектов. После кровавых побоищ у рек Козара и Сутьеска, где погибли 18 тысяч партизан, свыше 60 тысяч мирных жителей, в основном старики, женщины и дети, были депортированы в лагеря, в которых большинство из них умерло. За эти подвиги в 1947 г. по приговору югославского суда был повешен генерал Лор – начальник обер-лейтенанта Вальдхайма. Пронацистское правительство хорватских усташей сочло необходимым после боев наградить Вальдхайма медалью "За храбрость" – такой чести удостоилось лишь десять человек. В декабре 1947 г. Югославия предста-

вила в Комиссию ООН по делам о военных преступлениях досье на Вальдхайма. Досье получило категорию А – "доказательств достаточно для судебного преследования". Однако тогда дело заглохло, сама Комиссия была расформирована через пять месяцев, а досье куда-то "завалилось" и было обнаружено лишь сейчас. Вальдхайм сначала вообще отрицал, что знал что-либо об "операциях по очистке", но потом изменил свою позицию, признав, что знать-то он знал, но лично в операциях участия не принимал.

Документы, обнаруженные в архивах ООН, США и Греции, показали, что и после ранения в ногу (в июне 1942 г.) обер-лейтенант не прекратил свой боевой путь. 31 марта 1943 г. он возвращается в штаб армейской группы Е, который тогда находился в Арсакли, в семи километрах от Салоник (Греция). Время было горячее – подразделение проводило вывоз 45 тысяч греческих евреев в лагерь уничтожения Освенцим – "операция" продолжалась до августа. Нет свидетельств о непосредственном участии Вальдхайма в загрузке поездов смерти. Сам он заявляет: "Я могу поклясться, что ничего не знал о депортации". Вальдхаймовское честное пионерское оспаривает Х. Флейшер – профессор современной истории университета острова Крит. Он обнаружил обширную переписку между итальянскими и немецкими властями, которые в то время совместно управляли оккупированной Грецией. Итальянцы противились уничтожению евреев. Такая переписка, как и сама массовая депортация, не могли пройти мимо старшего переводчика, осуществлявшего связь между немцами и итальянцами.

В апреле–мае 1943 г. армейская группа Е проводила карательные операции против мирного населения на территории Хорватии. Инициалы лейтенанта фигурируют на разведывательных донесениях тех месяцев. Вальдхайм заверил Министерство юстиции США, что это еще не означает, что он отдавал приказы о "ликвидациях". Однако в упомянутом югославском досье есть показания штабного писаря Иоганна Майера, который сообщил, что обязанностью Вальдхайма была разработка карательных мер против военнопленных, заложников и гражданского населения. Сам Майер скончался в 1971 г., и Вальдхайм отверг его свидетельство как данное под давлением.

Оберлейтенант Вальдхайм (второй слева)
в Подгорице (Югославия) в мае 1943 г.

В июле 1944 г., когда обер-лейтенант перешел в штаб разведки армейской группы Е, его инициалы, ставшие теперь знаменитыми, появляются под протоколами допросов двух британских командос, заброшенных в немецкий тыл. Один из "подопечных" лейтенанта через некоторое время умер в лагере, другой исчез бесследно. В других, более ранних сообщениях имеются сведения о том, что отдел Вальдхайма занимался "обработкой" материалов, в результате которой были казнены семеро других командос, захваченных в апреле (казни военнопленных противоречат Женевской конвенции 1929 г.). Вальдхайм свою причастность к этим казням отрицает.

В октябре 1944 г. отделение, где служил Вальдхайм, было переведено в поселок Митровица в нынешней области Косово в Югославии. Как раз в это время немецкие солдаты занимались массовым уничтожением жителей македонских городов Стип и Конаник. Вальдхайм и ряд свидетелей говорят, что он ко времени начала "акций" уже улетел из Митровицы. Однако в том же югославском досье есть свидетельство капитана Эгбертс-Хилькера (казненного позднее югославами за военные преступления), о том, что Вальдхайм непосредственно участвовал в осуществлении массовых убийств.

Все это, однако, лишь косвенные улики, которые суд едва ли счел бы достаточными для вынесения Вальдхайму обвинительного приговора. Законы и практика в отношении военных преступлений, совершенных при нацистском режиме, включают лишь понятие преступного деяния. В деле Вальдхайма пока можно гово-

рить лишь о преступном бездействии – но, как уже говорилось, не все могут быть героями. Впрочем, с такой оценкой ситуации согласны не все: министр юстиции Израиля Ицхак Модиаи заявил, что по израильским законам данных достаточно для предания К. Вальдхайма суду за военные преступления.

Возможно, он прав, возможно – нет. Но в любом случае остается вопрос – почему К. Вальдхайм так долго скрывал свое прошлое, и не просто скрывал, но сознательно лгал о нем? Почему, будучи уличенным, отступал постепенно, шаг за шагом, признавая лишь то, что не признать было невозможным?

Президент – пост преимущественно церемониальный. Реальная власть его невелика. Но он – один из символов нации, ее олицетворение. Он представляет народ в его сношениях с внешним миром. Как жена Цезаря, он должен быть выше подозрений. Возможно, Вальдхайм и не военный преступник. Но его нравственные качества сейчас уже вполне ясны.

Есть, впрочем, факт, который показывает, что избранный президент служил нацистскому режиму не за страх, а за совесть. В период своего отпуска после ранения, в июне 1942 – марте 1943 гг. он завершил и защитил диссертацию, которая с тех пор дает ему право сопровождать свое имя титулом "доктор". Диссертация была посвящена юридическому обоснованию возможного аншлюсса Швейцарии и стран Бенилюкса и была написана в духе гитлеровской идеологии "Heim ins Reich" ("На родину – в райх") – идеологии собиранья всех германоязычных народов "под одной крышей". Напомним, что в то время как раз была подавлена всеобщая забастовка в Нидерландах и в валлонских провинциях Бельгии и проходила всеобщая стачка в Люксембурге. Ценой тяжелых жертв народы трех малых стран заставили Гитлера отказаться от аншлюсса. Сотни тысяч людей были спасены от обязательной мобилизации, которой они подлежали бы как германские граждане. В те же месяцы нацистское командование усиленно готовилось к осуществлению программы оккупации Швейцарии (считается, что ей помешало лишь поражение под Сталинградом). Так что тема, выбранная докторантом, была весьма актуальной и диссертательной.

В послевоенной Австрии доктор Вальдхайм сделал хорошую карьеру и дослужился до

поста министра иностранных дел. Коллеги не любили его за странную смесь высокомерия и нерешительности.

Даже те, кто готов простить Вальдхайму его нацистское прошлое, испытывают смущение в связи с его ролью в событиях 1968 г., во время советской интервенции в Чехословакии. Тогда посол Австрии в ЧССР получил от своего министра инструкцию, согласно которой посольство должно было быть закрыто для всех, за исключением обладателей австрийских паспортов.

Это означало, что австрийскому послу запрещалось оказывать помощь беженцам: чехам и словакам, вопреки давней традиции Австрийской республики (в 1956 г., после венгерской революции в Австрии нашли убежище более 200 тысяч беженцев).

Послом Австрии в ЧССР был тогда Рудольф Кирхшлегер — предшественник Вальдхайма на посту президента. Он отказался выполнить приказ. "Перестаньте посылать мне инструкции, — заявил он. — Можете потом меня уволить". В результате твердой позиции Кирхшлегера удалось спасти более 100 тысяч человек, искавших политического убежища.

Своим критиком, обвинявшим его в трусости и угодничестве перед Советским Союзом, Вальдхайм возражал, что он "всего лишь" одобрил инструкцию своего коллеги из МВД. Возможно, что коллега действительно был инициатором этого дела. Но без визы Вальдхайма инструкция не пошла бы далее секретаря.

Противоречивы и оценки деятельности К. Вальдхайма на посту Генерального секретаря ООН (1971–1981). В эти годы ООН скомпрометировала себя как антизападная и антиизраильская организация более, чем когда-либо. Именно в период секретарства Вальдхайма была принята постыдная резолюция о "сионизме как форме расизма". Конечно, не только и не столько генеральный секретарь определяет политику этой международной организации. Но роль генсека особо важна не в работе Генеральной Ассамблеи и Совете Безопасности, а в деятельности аппарата Секретариата. Замечено, кстати, что в период секретарства Вальдхайма представительство в Секретариате дипломатов из коммунистических и мусульманских стран стало непропорционально высоким.

Как могли все эти эпизоды в жизни столь за-

метной фигуры мировой политики так долго оставаться в тайне? Почему они выплыли на свет только сейчас, когда после пяти лет пребывания не у дел Вальдхайм был выдвинут на президентский пост? Был ли кто-либо заинтересован в сокрытии, например, военного прошлого Вальдхайма, чтобы иметь возможность шантажировать его в период пребывания на постах министра и Генерального секретаря ООН? Если да, то кто? Остается только гадать.

Период предвыборной президентской кампании 1986 г. был тяжелым временем для Австрии. Небольшое (8–10 тысяч) еврейское меньшинство вдруг перестало себя чувствовать в безопасности. Оскорбления лиц с "неарийской внешностью". Антисемитские надписи на стенах. Плакаты, своим рисунком, расцветкой, конструкцией фраз напоминавшие плакаты времен доктора Геббельса. Чем более резкой становилась критика нацистского прошлого кандидата, тем явственнее становились антисемитские настроения в стране.

Лично Вальдхайм в антисемитской истерии участия не принимал, но ни разу открыто и не осудил ее. Он как бы не замечал ее. Лишь однажды он нарушил молчание, выступив с высокой оценкой вклада в австрийскую культуру еврейского меньшинства. После избрания Вальдхайм сделал еще несколько заявлений с осуждением антисемитизма — за голоса избирателей уже не нужно было бороться, а осуждение со стороны мирового общественного мнения стало реальным фактом.

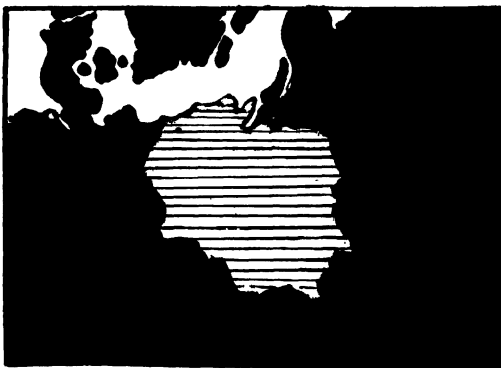
Политические страсти, угасшие было в Австрии, после избрания нового президента, вновь вспыхнули в день его инаугурации, 8 июля. Группа видных евреев устроила перед президентским дворцом демонстрацию, чтобы показать Вальдхайму, что "голос совести будет преследовать его повсюду, куда бы он ни пошел" — так заявил нью-йоркский раввин Ави Вейсс. Собравшаяся толпа обзывала демонстрантов "грязными жидами" и выражала желание отправить их в газовые камеры.

На Штефансплац, в центре Вены, скульптор Альфред Хрдличка установил статую лошади, украшенную свастикой и подписью: "Лошадь, которой мир доверяет". Надпись пародировала лозунг сторонников Вальдхайма во время предвыборной кампании — "Кандидат, которому мир доверяет". В свое время бывший канцлер Ф. Зи-

новац, намекая на службу Вальдхайма в нацистских кавалерийских частях и на "забывчивость" кандидата относительно своего прошлого, саркастически заметил: "Похоже, что только лошадь г-на Вальдхайма была наци".

Политическая сцена Австрии потрясена. Канцлер-социалист Зиновац после поражения его партии на выборах ушел в отставку. Пост передан его коллеге Францу Враницкому, бывшему министру финансов. Впереди парламентские выборы, в исходе которых теперь социалисты тоже не уверены. Австрия стоит на перепутье.

Сам Вальдхайм заявил пока, что в течение первого года своего президентства он не намерен наносить государственных визитов. Решение в данных обстоятельствах хотя и разумное, но все равно являющееся лишь паллиативом. Долго ли можно оставаться пленником собственного дворца? ●

СОБЫТИЯ В ПОЛЬШЕ

Как уже сообщалось, 31 мая был арестован член Временной координационной комиссии (ВКК) "Солидарности" Збигнев Буяк, 32-летний рабочий-электрик, находившийся в подполье со времени введения в Польше военного положения (в декабре 1981 г.). В свое время в ответ на вопрос редактора подпольного журнала "Метрум" о его пути в "Солидарность" З. Буяк сказал: "Путь был прямым. В 1976 г. (во время подавления рабочих выступлений в Радоме и на варшавском тракторном заводе "Урсус". — В. К.) я был в армии в частях парашютистов и увидел партию в действии. Мне не нужно было спрашивать себя, в чем дело, я решил начать поиски ответа на вопрос: что делать? Ответ был в деятельности Комитета общественной самозащиты —

Комитета защиты рабочих (КОС-КОР). В 1978 г. мы на "Урсусе" начали действовать. В июле 1980 г. мы организовали в цехе забастовку, а 21 августа создали рабочий комитет "Солидарности"... С 1 сентября мы преобразовали его в учредительный комитет "Солидарности" на "Урсусе".

4 сентября З. Буяк стал во главе учредительного комитета для района Мазовии (Мазовше) и оставался руководителем "Солидарности" в этом районе в течение всего периода легальной работы профобъединения.

В день военного переворота З. Буяк пошел на вокзал в Гданьске, чтобы вернуться в Варшаву — всего за полчаса до того, как спецчасти милиции окружили гостиницу, где остановились члены Всепольского комитета "Солидарности", проводившего тогда свое последнее (как оказалось) совещание. Видя, что происходит что-то странное, Буяк решил вернуться в гостиницу и выяснить, что случилось. К счастью, по пути он встретил Иоанну Пилсудскую, внучку национального героя Польши маршала Ю. Пилсудского. Молодая женщина, которая родилась и выросла в Англии, услышав о демократических преобразованиях в стране, решила перед августом 1980 г. вернуться на родину предков и работала в комиссии "Солидарности" района Мазовше. Она и предупредила Буяка о грозящей опасности. Можно сказать, что опытный подпольщик-революционер Ю. Пилсудский через годы и поколения протянул руку помощи своему брату.

З. Буяк провел в подполье четыре с половиной года, фактически став неформальным, но общепризнанным руководителем Временной координационной комиссии "Солидарности", по крайней мере после ареста Владислава Фрасынюка и Богдана Лиса.

О самом аресте пока известно только, что ранним утром 31 мая усиленные отряды милиции ворвались в две квартиры в варшавском районе Верхний Мокотув, который вместе с Жолибжем делит славу самого оппозиционного квартала города. В одной квартире был арестован З. Буяк, в другой Эва Кулик и Конрад Белиньский. В тот же день был взят на дому Хенрик Вуец, ранее приговоренный к трехмесячному заключению за первомайскую манифестацию 1985 г. Его взяли... для отбытия наказания. На следующий день арестовали Збигнева Левицкого, и. о. директора Института английской филоло-

гии Варшавского университета, и Алицию Коморовскую. Все они проходят по тому же делу, что и Буяк. 3 июня на допрос был вызван Бронислав Геремек, который должен был в тот день вылететь в Париж для выступления с основным докладом на конференции историков памяти Марселя Блоха в Сорбонне. Б. Геремек – один из важнейших политических советников Леха Валенсы. Историкун пришлось остаться в Польше и несколько дней являться на допросы. Позднее варшавяня, уже привыкших к тому, что Буяк умеет водить власти за нос, потрясла еще одна новость, сначала разошедшаяся как слух, а затем подтвержденная представителем правительства по связям с прессой Ежи Урбаном. По обвинению в создании помех следствию по делу Буяка арестован некто З. Вроняк – зам. начальника отдела МВД. Оказывается, Буяк прятался в его квартире, сданной подпольщикам через третье лицо.

Неизвестно, как милиция напала на след Буяка и других задержанных. Одновременный налет на две важнейшие конспиративные квартиры исключает как будто случайность провала. Однако ничто пока не доказывает справедливость намеков министра внутренних дел Кищака на то, что арест произведен по доносу агента, внедренного в подпольные круги.

Арестованная одновременно с Буяком Эва Кулик – высокая красивая блондинка 28 лет, выпускница Ягеллонского университета (Краков). В 1977 г. она вступила в краковский Студенческий комитет солидарности. Комитет был создан не в связи с движением "Солидарности", которого тогда еще не существовало. Студенты хотели выяснить обстоятельства смерти своего товарища Станислава Пьяса, сотрудничавшего с КОС-КОР (этого не удалось сделать и до сего дня). Во время забастовок июля-августа 1980 г. Эва руководила созданным в квартире Яцека Куроня информационным центром, куда со всей страны поступали сведения о стачках. В период легального существования "Солидарности" работала в районе Мазовше, в частности – секретарем редакции районного бюллетеня "Независимость". После военного переворота скрывалась. По словам представителя правительства Е. Урбана Эва Кулик выполняла множество функций в подпольных организациях: координировала систему связи, вела документацию ВКК и районной исполнительной комиссии Мазовше и была

близким сотрудником З. Буяка.

Конрад Белиньский, 37-летний математик, выпускник Варшавского университета, впервые попал в поле зрения властей в 1973 г., когда он выступил с протестом против объединения нейтрального в те времена Союза польских студентов с Союзом социалистической молодежи. После июня 1976 г. он участвовал в кампании помощи рабочим Радома, тогда же вступил в КОС-КОР. Он – один из основателей первого в коммунистической Польше независимого издательства "Нова", положившего начало нынешнему широкому потоку неподцензурных изданий. Был редактором квартального журнала "Критика" – одного из важнейших программных политических изданий КОРовского течения в польской оппозиции. В августе 1980 г. вместе с Эвой Милевич сумел пробраться в осажденную милицией и войсками Гданьскую верфь и создал там забастовочную печать. Первой ласточкой ее был забастовочный бюллетень "Солидарность", давший название всему движению. В период легальной "Солидарности" К. Белиньский был главным редактором упоминавшегося выше бюллетеня "Независимость". В день военного переворота он был арестован, в сентябре 1982 г. получил отпуск из лагеря по состоянию здоровья. Из отпуска не вернулся и ушел в подполье. Вскоре он стал членом исполнительной комиссии "Солидарности" для района Мазовше и был в ней, в частности, уполномоченным по общественному контролю за выборами в местные органы власти и сейм (см. "Страна и мир", № 9, 1985).

Арест видных деятелей оппозиции вызвал широкие отклики и в правящих кругах, и в оппозиции, и за рубежом. Протестовали правительства США и Франции, Международная конфедерация свободных профсоюзов, многие профсоюзные и общественные организации.

Е. Урбан на пресс-конференции с иностранными журналистами не особенно скрывал свое удовлетворение, хотя и заявил небрежно, что подпольная ВКК утратила политическое значение, и потому арест Буяка – не слишком важное событие. Впрочем Урбану деликатно напомнили, что четыре с половиной года безуспешной охоты за желанной для власти добычей – не лучшее свидетельство эффективной работы органов безопасности. Это и свидетельство хорошей конспиративной школы, пройденной польской оппозицией за десять лет ее существования. Более от-

кровенно прореагировали аппаратчики, собравшиеся на предсезонную конференцию (в июле состоялся X съезд ПОРП. — В. К.). Они встретили "бурными продолжительными аплодисментами" сообщение генерала З. Данковско-го из МВД об аресте подпольщиков. Сам генерал объявил, что "с подпольем покончено".

А что "Солидарность"? Уже на следующий день ВКК опубликовала заявление, которое подписали двое ее членов, известные обществу под собственными именами (часть известна лишь под псевдонимами), — Ян Анджей Гурный и Марек Мушинский. В заявлении признается, что арест Буяка — тяжелый удар по организации. В то же время авторы заявления отмечают: "Со дня переворота аресты и преследования деятелей оппозиции стали постоянным элементом польского пейзажа. Мы к этому готовы. Несмотря на аресты, подпольная "Солидарность" действует на всех уровнях, действуют ее представительства и руководство...". Несколько независимых, но сотрудничающих между собой ячейки "Солидарности" в Варшаве также заявили: "Ячейки "Солидарности" Варшавы — Межзаводской координационный комитет, Межзаводской рабочий комитет "Солидарности", Местный комитет сопротивления, Временные рабочие комиссии завода легковых автомобилей, металлургического комбината, завода "Урсус" и далее будут бороться за свободу профобъединений, за уважение прав трудящихся, за человеческое достоинство польского трудового люда, за признание статуса политического заключенного, за политические свободы и национальный суверенитет". Совместное заявление о продолжении деятельности различных органов "Солидарности" опубликовали Л. Валенса и ВКК.

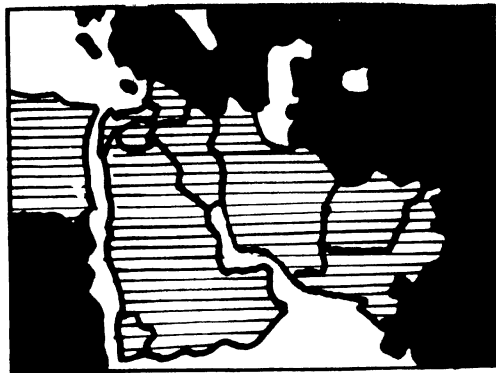
Место арестованного Збигнева Буяка занял учитель Виктор Кулерский, широко известный в Варшаве и во всей Польше деятель оппозиции. Ему 51 год. Как и Буяк, он избежал ареста 13 декабря 1981 г. и с тех пор разыскивается властями. В. Кулерский сказал: "Не в первый и наверное не в последний раз приходится нам вставать на ноги после поражений и потерь и продолжать работу. Конечно, понадобится время, чтобы закрыть пробоину, но мы это делали уже несколько лет. Если бы подполье не обладало способностью возрождаться, то темные личности с улицы Раковецкой (там находится здание МВД — В. К.) давно могли бы умыть руки после рабо-

ты и подставить груди под ордена".

Можно согласиться, что арест Буяка — тяжелый удар. Но удар этот не смертелен. Человек становится диссидентом, оппозиционером по внутренней потребности. Хорошо, если такую потребность поддерживают другие, если есть надежда, если перед тобой пример успеха. Четыре с половиной года уходя от своры преследователей, Збигнев Буяк стал таким примером, доказательством того, что "безпека" не всеильна. Теперь в тюрьме Буяк может стать символом не менее важным, чем на свободе. Об этом свидетельствуют примеры Владислава Фрасынюка и Адама Михника. Если же Виктору Кулерскому удастся хотя бы пару лет поводить за нос службу безопасности, то к нему перейдет слава Робин Гуда, которую имел Буяк.

Подпольная "Солидарность" продолжает существовать. Иначе не может и быть. Это сложный конгломерат, подчас представляющийся хаотичным. Таков он и есть, потому что его не создавали сверху. Он возник из тысяч инициатив, многие из которых не удались, многие закончились в судах, лагерях и тюрьмах. Но многие до сих пор продолжают приносить плоды. Появляются и новые, сменяющие то, что разбито. В прогнившем теле режима постоянно зарождаются здоровые клетки сопротивления. ●

В. Кучинский

ХОТЯТ ЛИ В СИРИИ ВОЙНЫ?

В советской печати, рассчитанной на внутренний рынок, температура антиизраильских выступлений и проклятий по адресу сионизма существенно понизилась. Можно искать тому разные объяснения. Приятнее всего думать, что и партийная организация и партийная литература

решили, что есть дела поважнее. Не исключено, впрочем, что какую-то роль сыграла скромная позиция СССР в истории с американской атакой на Каддафи, а может быть, и трагедия в Чернобыле. Однако до подлинной перемены политики еще далеко.

Именно в последнее время резко обострилась ситуация, связанная с амбициями Сирии. Президент этой страны Хафез Асад и другие члены сирийского руководства выступили с прямыми угрозами в адрес Израиля. Но Израиль — частность, вопрос стоит гораздо шире. Сирия требует нового порядка на Ближнем Востоке. В центре этих планов — возрождение Великой Сирии. Если придерживаться исторического контекста, то речь идет о восстановлении Дамасского вилайета (области), входившего в состав покойной Османской империи. Это была обширная область, простиравшаяся от Александретты (ныне турецкий порт Искендерон) на севере до Египта на юге. Она включала территории нескольких современных государств, историческая же Палестина, ныне поделенная между Израилем, Иорданией и Египтом (Синайский полуостров), официально именовалась Южной Сирией.

“Великосирийская идея” не дает покоя президенту Х. Асаду в течение всех семнадцати лет его правления в этой небольшой стране. Если бы не эта идея, Сирия, которую обошли демографический взрыв и урбанизация (приносящие столько бед Египту), могла бы достичь многого. Запасы полезных ископаемых, хорошие земли и обилие воды — сочетание на Ближнем Востоке нечастое. Развитию Сирии могли бы помочь и немалые собственные запасы нефти, покрывающие 40% местных потребностей, и трубопроводный транзит иракской и саудовской нефти через средиземноморский порт Халеб (Алеппо) в Европу, к главным потребителям. Транзит приносил в сирийскую казну немало долларов, а для производителей и потребителей он был сущим благом — он резко удешевлял перевозки. На пути к великой цели страна растеряла и хозяйственное благополучие, и мир с соседями. Сегодняшняя Сирия — до зубов вооруженный нищий, располагающий высоким марксистско-исламско-пансирийским идейным потенциалом.

Обострение appetitov Сирии в последние месяцы объясняется двумя основными причинами. Первая — небывалый рост сирийской армии и запасов оружия, предоставленного ей Советским

Союзом. Перед началом ливанской войны (в 1982 г.) в сирийской армии было 222 тысячи военнослужащих, в 1985-м — 402 тысячи. В 1983 году у Сирии было 457 самолетов, а численный состав ВВС равнялся 50 тыс. человек, теперь у нее 650 боевых машин, в том числе истребители-бомбардировщики МиГ-23, перехватчики МиГ-25, Су-22, разведывательные самолеты Ту-126, а также 250 боевых и транспортных вертолетов. Личный состав ВВС вырос до 70 тыс. человек. В сирийской армии 3500 бронетранспортеров и 4200 танков советского производства, включая 1200 новейших Т-72. По численности бронетанковые силы Сирии превышают английские и французские вместе взятые.

В сирийской ПВО сейчас служат 50 тысяч солдат и офицеров — на 20% больше прежнего. Число ракетных батарей выросло с 50 до 63. Сирия располагает ракетами SAM-2, SAM-5, SAM-6, SA-8, SA-9, SA-13, SS-21.

Нынешний военный бюджет Сирии — самый большой в истории этого государства — составляет 3310 млн. долларов.

Советский Союз поставил Сирии оружия на сумму 4 млрд. долларов. После военной операции США в Ливии президент Асад побывал в Москве во главе военной делегации. Целью визита было добиться новых поставок современного оружия, в том числе МиГов последних серий, ракет для охраны берегов и проч. Утверждают, что уже нынешним летом Сирия получит новейшие МиГ-29, до сих пор поставлявшиеся только странам Варшавского договора. Сирия лишь в начале будущего года должна была получить 80 таких машин, но Асад убедил советских руководителей в необходимости срочной их поставки. Вскоре в Сирию вернутся 180 летчиков, проходящих сейчас в СССР курс пилотирования МиГ-29 и МиГ-31.

Что важнее всего, Сирия получит также ракеты “земля-земля” SS-21 дальнего радиуса действия, тоже еще не поставлявшиеся странам Варшавского договора. Они делают уязвимой для ракетного удара почти всю территорию Израиля и ряда других стран.

Вторая причина обострения военной лихорадки в Сирии — сомнения в прочности израильского общества и армии. Какие-то основания для таких сомнений можно найти всегда. Ливанская война с ее тяжелыми жертвами и политическими бурями, приведшая к уходу с политической аре-

ны Бегина и осуждению военного министра Шарона, экономические неурядицы, раздоры в правительстве национального единства, усиление влияния правых экстремистов среди еврейских и арабских жителей страны, — вот лишь некоторые наиболее заметные трудности, с которыми сталкивается Израиль.

В таких условиях Сирия лелеет надежду на успех хотя бы ограниченной военной операции, например, по возвращению под свой контроль пограничных и стратегически важных Голанских высот. Есть ли основания для такой надежды? Думается, что нет.

Правда, по численности армии и количеству оружия израильская армия несколько уступает сирийской. Последний отчет Лондонского института стратегических исследований утверждает, что при полной мобилизации Израиль может выставить армию в полмиллиона. Эта оценка представляется завышенной не менее чем на 20%, да и то, если включить в расчет вспомогательные, нестроевые формирования. Регулярная армия Израиля сократилась за последние годы на 30 тысяч человек и насчитывает сейчас 102 тыс. солдат. Причины сокращения — экономические трудности и спокойствие на южной египетской границе. Хотя главную силу армии составляют резервисты, которые и в мирное время проходят интенсивные сборы ежегодно по 30–60 дней, все же даже полностью отмобилизованная армия вряд ли может достичь уровня 12–15% военно-обязанного населения (евреев, друзов, черкесов и некоторых бедуинских племен).

Число танков у израильской армии не изменилось после 1982 г. Их сейчас 3600, включая 1200 американских М-60, 1100 "Центурионов" британского производства, 440 модернизированных советских трофейных Т-54, Т-55 и Т-56 и 300 танков "Меркава" отечественного производства.

Важнейшим сдерживающим Сирию фактором остается израильское превосходство в воздухе. Число боевых самолетов за последний год выросло с 555 до 684, включая истребители F-15 и F-16, "Фантомы" и 150 отечественных самолетов "Кфир".

Главным преимуществом израильских ВВС лондонский институт считает однако не количество, а качество и самого оружия, и профессиональной и технической подготовки личного со-

става. В отчете говорится: "Никому не придет в голову всерьез сравнивать боевые качества израильских летчиков с сирийскими".

По численности солдат и вооружения Израиль серьезно уступал бы коалиции арабских государств. Однако такой коалиции на горизонте не видно, и не Сирия могла бы ее сколотить. Поддержка Сирией Ирана против арабского Ирака восстановила против нее весь арабский мир. На ее стороне остались далекая Ливия и первоначально коммунистический Южный Йемен. Но даже если оставить в стороне внутриарабские разногласия, вряд ли можно ожидать, что египетское руководство нарушит мир с Израилем, а Иордания откажется от неофициального, но вполне мирного сосуществования с еврейским государством. Другие возможные участники похода против Израйла — Организация освобождения Палестины и ливанские шииты — воюют или друг с другом или против той же Сирии.

Расчет на деморализацию израильского общества также представляется запоздавшим на год-полтора. За это время израильская армия покинула Ливан, резко сократилась инфляция, выросла занятость. Правительство "ноева ковчега" (см. "Страна и мир", 1984, № 9) при всех разногласиях держится и, видимо, смена главы правительства, намеченная на 25 октября нынешнего года, пройдет в соответствии с коалиционным соглашением. Важно и то, что в отношении Сирии и ее президента в Израиле существует полное национальное согласие: израильцы видят в них коварных противников, готовых на все. Только этим можно объяснить предупреждение министра обороны И. Рабина. Комментируя статью еженедельника "Jane's Defence Weekly" о готовящейся в сентябре операции по возвращению под контроль Сирии Голанских высот. Рабин заявил, что, если сообщения подтвердятся, Израиль может нанести опережающий удар.

Судя по статье, Сирия планирует для начала ограниченную акцию. Сразу после захвата Голанских высот на сцену выступит Советский Союз. Он потребует в Совете безопасности прекращения огня.

Таким образом, проблема в том, чтобы достичь первоначального успеха. Между тем Голанские высоты равно трудны для атаки и с сирийской, и с израильской стороны. Правда, израильцам дважды (в 1967 и в 1973 гг.), а сирийцам — в

1973 г. удавалось захватить высоты. Но каждый раз успех приводил к огромным потерям и достигался лишь в рамках более широких операций. Трудно сказать, поможет ли сирийцам нынешний тройной перевес в численности армии на этом узком участке фронта. Тем более, что израильтяне предупреждены и вряд ли повторят ошибку М. Даяна и Г. Меир в октябре 1973 г., когда сирийские угрозы были сочтены блефом.

Если же в состоянии боевой готовности будут обе стороны, соотношение сил может быстро измениться. Без превосходства в воздухе, без удара по жизненным центрам Израиля успех на Голанских высотах представляется трудно достижимым. Напомним, что 6–8 октября 1973 г. 600 израильских солдат и 20 танков трое суток сдерживали здесь три сирийских дивизии, которым было придано 400 танков. Почти все они погибли в бою, а попавшие в плен были убиты, но страна избежала смертельной опасности.

Словесная оркестровка возможного столкновения отражает геополитическую ситуацию обеих сторон. Сирия не скупится на угрозы. Это делается и впрямую (высказывания Х. Асада, вице-президента А. Х. Хаддама и военного министра М. Гласа), и с помощью "утечки" информации. Ее цель – обеспечить максимальную поддержку Советского Союза. Не менее важна для Сирии помощь Саудовской Аравии и Кувейта. Эти два мировых банкира сократили субсидии Сирии, "несущей главное бремя борьбы с сионизмом", с 1100 до 487 млн. долларов в год, да и те поступают неаккуратно. Между тем валютные запасы Сирии уменьшились до уровня недельного импорта, прекращен ввоз медикаментов.

Напротив, Израиль явно демонстрирует сдержанность (глава правительства Ш. Перес: "Лучшая война – это та, которой удалось избежать"). Идея превентивного удара со стороны Израиля всегда воспринималась крайне болезненно даже союзниками еврейского государства на международной арене, а после "операции Литани" 1978 г., ливанской войны 1982–1985 гг. и малодейственных бомбардировок баз террористов она потеряла привлекательность и в глазах значительной части израильского общества.

Однако угроза И. Рабина – не оговорка: в отличие от покойного М. Даяна нынешний министр обороны весьма осторожен в высказываниях. Оно показывает, что если акции Израиля и упали во внешнеполитической области после ливанской войны, у Сирии они еще на порядок ниже. Президент Рейган включил ее в тот же черный список пособников террора, что и Ливию. США достаточно ясно предупредили, что, если будет доказано участие Сирии в дальнейших актах террора против стран Запада, последствия могут быть очень серьезными. На Западе понимают, что без содействия Асада была бы невозможна и деятельность террористических групп в Ливане, играющих жизнями американских, британских и французских заложников.

Советский Союз связан с Сирией очень тесно. Она и крупный должник СССР (сумма долга – 11 млрд. долларов), и единственный его союзник на Ближнем Востоке. Но Советская поддержка не беспредельна: режим Асада скомпрометировал советское оружие и советскую боевую подготовку (уничтожение израильтянами ракет SA-5, ни одной воздушной победы над израильской авиацией, более двухсот сбитых сирийских самолетов советского производства). В данной ситуации советская помощь скорее всего ограничится митингами трудящихся и демаршами в Совете Безопасности.

Итак, близкое столкновение на израильско-сирийской линии прекращения огня (обе стороны избегают термина граница) представляется как будто маловероятным. Но у ближневосточных конфликтов свои законы. Вот что говорит, например, заместитель начальника генштаба израильской армии Дан Шомрон: "У сирийцев большая регулярная армия, и они могут пустить ее в ход даже для достижения мелких преимуществ. Но начав ограниченную по их расчетам операцию, они могут оказаться в пучине большой войны, к которой их армия не готова. Поэтому мы должны учитывать сразу два обстоятельства: какая логика скрывается за тем или иным ходом сирийцев, и что они способны сделать вопреки всякой логике".

С. Черток

Татьяна ЗУНШАЙН (Рига)

ЧЕРНАЯ ДЫРА

В № 3 нашего журнала за 1984 г. мы сообщали об аресте в Риге Захара Зуншайна — еврейского активиста и долголетнего отказника. В публикуемом ниже (с небольшими сокращениями) самиздатском материале жена Захара — Татьяна Зуншайн рассказывает о деле мужа, о его нынешнем положении. Сама Татьяна сейчас тоже находится под угрозой. Когда этот номер сдавался в печать, из Риги пришло сообщение, что ей грозит уголовное преследование за "тунеядство": Татьяна уже в течение долгого времени не может найти работы, перебиваясь частными уроками английского языка да скромным заработком домработницы.

Захар Зуншайн

Я еду в Ханяки. Я тащусь туда через всю Россию без всякой надежды увидеть его. Единственное, на что я могу рассчитывать, это получить хоть какую-то крупницу сведений о нем, этот своеобразный допинг, дающий мне возможность действовать и жить. Попутчики пристают ко мне с разговорами, готовые с обычной дорожной откровенностью рассказать мне обо всем. А в голове у меня уже который раз прокручивается наша история с самого начала...

Из материалов уголовного дела № 812000184

Обвиняется Зуншайн Захар Михайлович, 1951 г. р., еврей, проживающий в г. Риге, ранее не судим, женат, образование высшее, в том, что, после того, как ему и его жене 16 июля 1981 года Отделом ВИР МВД ЛССР было отказано в выезде из СССР в Израиль на постоянное место жительства, в период времени с октября 1981 г. по 4 марта 1984 г. систематически в устной и письменной форме занимался распространением заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

С этой целью по месту своего жительства в г. Риге он изготовлял на пишущей машинке произведения в виде писем, заявлений и жалоб, в которых действия сотрудников ОВИР и других органов излагал в искаженном тенденциозном виде, утверждая, что в связи с отказом ему на выезд в Израиль в СССР не соблюдаются законы, имея при этом цель показать в отрицательном свете все стороны государственного и общественного строя в целом и работу отдельных государственных органов в частности...

Изготовленные произведения Зуншайн по почте отправлял в различные государственные и общественные органы...

С этой же целью — показать в отрицательном свете стороны государственного и общественного строя, Зуншайн в дни проведения крупных политических событий в СССР — во время работы сессии Верховного Совета СССР и в дни выборов в Верховный Совет СССР выходил на улицы столицы — г. Москвы — с плакатами, на которых имелись надписи: "Требую выхода из гражданства СССР".

Вышеуказанными действиями, направленными на дискредитацию советской власти и демократии, Зуншайн совершил преступление, предусмотренное статьей 183¹ УК ЛССР.

Следователь по особо важным делам при Прокуроре ЛССР
Грутупс Г. Ж.

6 марта мой муж, Захар Зуншайн, был арестован. Что же в действительности привело его на скамью подсудимых? Единственное — наше твердое желание покинуть СССР, и не менее твердое намерение советских властей нам такой возможности не давать. Очевидна была и другая цель этого "дела" — запугать всех, кто на основании советских законов требует выезда из СССР. Что из того, что в СССР гарантируется право на выезд? На сотни, тысячи обращений в советские государственные и партийные органы, к тем, кто голосует за принятие законов и кто должен их охранять, мы получали один и тот же, звучащий как приговор ответ: "Нарушения закона не усматривается".

Два с половиной года прошло в бесплодных попытках добиться справедливости. Через два с половиной года наши обращения в советские официальные инстанции были признаны "клеветническими", а мой муж, Захар Зуншайн, был упрятан за решетку. Его ожидало наказание, предусмотренное ст. 183¹ УК ЛССР — лишение свободы на срок до трех лет. А те, кто действительно нарушали закон по отношению к нам, оставались безнаказанными...

Какое наказание ожидает тех, кто, желая запугать моего мужа, по запросу милиции пытался незаконно провести его "психиатрическое освидетельствование"; кто под фальшивым предлогом "сокращения штатов" выгонял мужа с работы; кто объявил его "идеологическим противником" и фактически лишил его возможности работать в школе; кто фактически лишил нас свободы передвижения, препятствуя нашим попыткам приехать в Москву для защиты своих интересов в центральных органах страны; кто отказывался оградить наши и наших друзей неотъемлемые права, не принимая от нас ходатайств, заявляя: "Вы что, забыли, в какой стране живете?"; кто вынуждал нас и наших друзей выходить на демонстрации протеста, чтобы привлечь внимание общественности к нашему бедственному положению, а после сажал нас в приемники-распределители для бродяг, давая нам возможность поближе познакомиться с тюремным заключением; кто неоднократно без всяких оснований задерживал и выдворял нас из Москвы и Московской области; кто установил над нашим домом тщательное наблюдение; кто, чтобы воспрепятствовать нашим попыткам приехать в Москву во время сессии Верховного Совета, устроил против мужа грязную провокацию, в результате которой он был обвинен в хулиганстве и арестован на 15 суток тюрьмы; кто, не стесняясь, заявлял, что в "ЦК Компартии Латвии Зуншайнами больше не занимаются... Ими занимается КГБ... Посадили мужа и правильно сделали... Давно пора... Всех вас все равно пересажаем..."

Захар был арестован после того, как 6 марта 1984 года сотрудники КГБ Латвийской ССР привезли нас из Москвы, где мы втроем (Захар, наш друг Александр Балтер и я) провели 4 марта демонстрацию протеста с плакатами: "Требуем выхода из гражданства СССР" и "Остановите произвол". В поезде Захар заболел. Тяжелая форма гриппа с температурой под 40. Ночь прошла как в бреду, а на утро, когда поезд пришел в Ригу, все и началось... Всех по машине и по домам — на обыски. Захар еле держался на ногах. Я сказала им, что состояние мужа тяжелое, и что нам необходимо вызвать врача.

Отказали. Сказали, что вызовут сами. Стало ясно, что его заберут. Неясно только — по какому обвинению. Ведь людям в нашем положении могут предъявить все что угодно: скажут, например, что пнул милиционера в живот, сорвал погон, припишут наркотики или что-нибудь другое — от нас это, к сожалению, не зависит.

Захар спросил только номер статьи. Следователь ответил — 183¹. Захар спросил: "И сколько это?" Следователь с улыбкой: "До трех". Захар сказал: "Ну, значит, три". Следователь, явно издеваясь: "Вы умный человек, Зуншайн, с вами будет приятно работать".

Последнее, что Захар успел сказать мне, было: "Главное, чтобы ты была здорова и хорошо выглядела". Вот и все. Его увезли. В памяти застряла машина, черная "Волга", где он на заднем сидении, и его лицо, смотрящее назад, на меня, а я стою в дверях подъезда и с ужасом смотрю, как его увозят, не в силах поверить в то, что происходит, а за стеклом по обе стороны от него — люди в штатском, и его уже почти не видно...

Потом было следствие. Несколько долгих и бесплодных месяцев борьбы за его освобождение... Прокурор Латвии Дзенилис кричал мне: "Ваш муж будет сидеть, даже если суд признает его невиновным!!!" Председатель Верховного Суда ЛССР Азан на мой вопрос, почему же так грубо нарушается закон, ответил не менее грубо: "Потому, что мы так решили. Для нас закон то, что мы решили". ..

В то время я почти ничего о Захаре не знала. Переписка запрещена. Свидания запрещены. Адвокат запрещен. Не было возможности связаться с ним, узнать хоть что-нибудь или что-нибудь сообщить. Единственное, что просочилось через стены тюрьмы, что там в тюрьме Захар объявлял голодовку, "протестуя против незаконных методов ведения следствия".

Позднее, за несколько дней до суда над Захаром, мне удалось узнать кое-что из страшных подробностей его тюремной жизни. В то время по довольно странному и счастливому стечению обстоятельств (и в соответствии с советским законом) я была допущена к участию в деле Захара в роли его защитника. Я получила доступ к материалам его уголовного дела — трем пухлым томам, в которых были собраны заявления Захара, написанные им еще до ареста, протоколы обысков, протоколы допросов свидетелей, самого Захара, заключения экспертов, запросы следователя, справки, обвинительное заключение и прочий хлам.

Зато туда же были подшиты заявления Захара, написанные им уже в тюрьме и свидетельствующие о его ужасном положении. На темном, неровно оборванном куске оберточной бумаги, в которую обычно заворачивают посылки, я читала наспех написанные строки:

15 марта 1984 г.

Прокурору Латвийской ССР от Захара Зуншайна

...13 марта меня вызвали к следователю Грутупсу. Я сообщил ему, что с 6 марта, то есть со дня ареста, по 12 марта находился в больнице СИЗО. 8 марта мне перестали выдавать лекарства, а дежурный по корпусу угрожал посадить меня в карцер, когда я предложил ему разговаривать повежливее. 12 марта из больницы меня выписали с температурой около 38. Кроме того, мне отказали в бумаге и чернилах, чтобы обжаловать незаконные действия работников СИЗО.

Более того, 12 марта меня минут на 40 посадили в общую камеру, как потом выяснилось, по ошибке. В камере было человек 60. Я просил следователя Грутупса сообщить об этом ведомству, которое стоит за всем этим делом. С тем, что если их планы не простираются так далеко, чтобы *убить меня*, то пусть примут меры, чтобы в дальнейшем подобные ошибки не повторялись. Посадить меня в общую камеру, где вновь прибывших раздевают, где существует "прописка", где люди из "зондеркоманды" за отказ принять законы волчьей своры избili бы меня до полусмерти, отбив почки и печень — значит обречь меня на верную гибель.

Мне давно уже известно, что жизнь не является абсолютной ценностью. Есть вещи поважнее жизни. И не во всех случаях за нее следует цепляться. Или, может быть, кто-нибудь думает, что уголовники из общей камеры меня *перевоспитают???* И я, следуя их указаниям, буду послушно ловить мух и становиться на колени за получением фашек и ушек???

14 марта меня вызвали к следователю Грутупсу. Я сообщил ему, что с 14 марта объявил голодовку, так как мне отказывают в лечении. С 6-го марта у меня постоянно высокая температура, а воспалительный процесс в горле достиг таких размеров, что когда я пытаюсь пить воду, она выливается через нос. Я просил следователя Грутупса раздобыть хотя бы несколько таблеток аспирина. Не наркотиков, и не водки, а аспирина!!! Как же реагировал следователь Грутупс на мои просьбы? Да очень просто: аспирин у него нет, на администрацию СИЗО он повлиять не может, что же касается общей камеры, то там не так уж плохо, никого там не убивают, да и порядка там больше. Ну, разумеется, "зондеркоманда" не сидит сложа руки...

16 июня, за два дня до суда, мне посчастливилось увидеть Захара и в течение 7 часов говорить с ним. Я была в тюрьме как его защитник. Я видела это страшное человеческое изобретение не так, как другие жены — в комнате для свиданий, разделенной надвое стеклянной перегородкой, где по одну сторону — заключенные, а по другую — родственники, где во время одного-двухчасового разговора по телефону с отводной трубой в руках у дежурной можно в лучшем случае сказать, что жив, что пока еще держишься и просишь не волноваться.

Я видела другую тюрьму. Где решетки с металлическим скрежетом открываются перед тобой, как будто злобно лязгая зубами, а ты идешь через их ряд, и они закрываются, и опять все тот же отвратительный скрежет, и кажется, что отсюда уже не выйти... Навстречу попадались конвойные, ведущие на допрос заключенных, а сами заключенные, с согнутыми плечами, с руками, сцепленными за спиной (как предписывает установленный порядок), казалось, старались казаться незаметнее. Встречающиеся на пути женщины-дежурные, повернувшись лицом, пугали внешностью, не имеющей ничего общего с женской... Я шла по длинному, плохо освещенному коридору с множеством дверей и думала только о том, что сейчас я увижу Захара.

Его привели. Боже мой! Худой, обросший, с бородой, бледный от отсутствия света и воздуха, он каким-то чудом стал еще красивее. За семь часов, проведенных вместе, он рассказывал мне о буднях тюремной жизни, а я слушала с ужасом, с содроганием, стараясь ничего не пропустить из сказанного.

Есть такое понятие в тюремном лексиконе — "беспредел". Что это значит? Это значит, что в тюремных камерах нет предела издевательствам над достоинством и самой природой человека. Это значит, что толпа уголовников набрасывается на того, кого впервые кидают им в клетку, для того, чтобы провести его через длинную цепь издевательства, тех самых, что называются "пропиской". Его раздевают догола и голым заставляют часами стоять на коленях. Его заставляют прыгать с нар головой вниз. Его заставляют ловить мух, есть даже норма — 50 мух в день. За каждую невыловленную муху бедняга получает по 12 ударов в живот. Там люди из так называемой "зондеркоманды" раздевают, насилюют, избивают, отбирают еду и вещи. Другие же прислуживают им за столом, стирают их грязное белье. Третьи доведены до того, что им разрешают умываться и пить воду только из унитаза. Четвертых заставляют сутками изображать "часы" и проверяют при том на правильность хода. Пятые ходят по камере вдвое согнувшись, голова у колен, а разогнуться разрешается только 2 раза в день, во время исполнения камерного "гимна". Шестых насилюют, превращая в "козлов" или "петухов". Если кто-то подал руку "петуху", то и сам им становится... Больше он не захотел мне рассказывать. Сказал: "Тебе, детка, нельзя такое слушать".

Но куда же смотрит администрация???

Администрация? А кто же, если не администрация, сажала Захара в общую камеру в надежде на то, что уж там-то его перевоспитают? Кто кидал его из камеры в камеру, не оставляя надежды расправиться с ним руками уголовников? Кто настраивал против него заключенных из камеры № 143? Кто угрожал им общей камерой, если они не перестанут поддерживать отношения с Захаром? Кто угрожал им избиением? Кто, наконец, пообещал ему: "Сгноим в карцере" и кто действительно гноил его по карцерам почти половину срока, проведенного в тюрьме? 58 дней из 144 — в подвалах без света и воздуха, где всегда сыро и холодно, где сидишь как в яме, на крошечном пространстве в 3,5—4 кв. метра, а вокруг все из бетона — пол, потолок, стены. Окон нет. Единственная тусклая лампочка рассеивает свой свет через решетку, отчего кажется еще меньше, и в камере почти темно. О том, что кончается день и начинается ночь, узнаешь только тогда, когда приходит дежурный, чтобы отстегнуть от стены деревянные нары — голые доски, на которых полагается спать. Их опускают только на ночь, с 10 вечера до 6 утра, все остальное время приходится проводить на ногах. Лечь некуда — пол бетонный, мокрый от того, что в карцер время от времени просачивается вода (хорошо еще, что на ноги выдают калоши). Кормят горячей пищей здесь через день — трехразовое питание примерно на 10 копеек в день чередуют с половиной буханки хлеба и кружкой кипятку. Вода, и та недоступна — кран, открывающий воду, находится в коридоре. Положение осложняется тем, что в камере находится унитаз. Приходится просить дежурных по карцеру, чтобы включили воду. Одни включают, другие нет — сиди весь день без глотка воды и дыши собственными испражнениями... К вечеру от постоянного движения по камере, от голода, темноты и спертого воздуха, голова начинает кружиться, а ноги перестают держать. Захар рассказывал, что, когда выходишь из карцера, тюрьма кажется раем.

За 58 дней, проведенных в карцере, он потерял 20 кг веса. Когда его вывели из карцера, чтобы он мог ознакомиться с протоколом суда и подписать его, он не смог читать — буквы прыгали перед глазами. Но это было уже после суда. А еще до суда...

"22 мая 1984 г.

Первому заместителю прокурора ЛССР от Захара Зуншайна

...Разговор как-то сам собой завертелся вокруг скорого завершения следствия, вокруг суда и, конечно, вокруг приговора. Как-то незаметно и хитро подвел следователь разговор к тому, что суд делает снисхождение (и мое дело не стало бы исключением) для того, кто осознает свою вину, кто поймет всю ошибочность своих заблуждений и перестанет упорствовать в их отстаивании. Тому, кто сказал "А", приходится говорить и "Б". Сказал, назвал, выговорил свое "Б" и следователь. Это "Б" было и нелепым и бессмысленным, как все происходящее, и свелось к тому, что если я осознаю свою вину, то суд пойдет мне навстречу и определит наказание в виде исправительных работ.

...Каждый день, каждый час, каждый миг творит, совершает природа свои таинства. И разве не таинство это, не чудо, что будь следователь на моем месте, он был бы доволен, счастлив исправительным работам. А мне... Мне зачем, за каким лешим эти исправработы? Профессор из Новосибирска, член "Международной Амнистии" из Москвы по той же статье, что у меня, получили по 2,5 года каждый. А чем я хуже?.."

28 июня состоялся суд над моим мужем. Вернее сказать, это был не суд, а демонстрация силы. Они были везде — вокруг здания суда, в здании, в коридорах, на лестницах, в зале, в комнате для судей, везде и всюду они — люди в штатском, со знакомыми лицами и незнакомыми, с нарукавными повязками или без них, но так или иначе демонстрирующие свою силу и уверенность в своей безнаказанности. Они забили зал до отказа своими людьми. Они согнали нас — родных и друзей Захара — в кучу, загнали в дальний угол коридора, поставив перед нами заслон милиции — попробуй кто-нибудь выйти!

Захара привезли. "Захар, мы с тобой!" Человек с повязкой "Распорядитель" приказал взять того, кто крикнул. Началась драка. Какой-то юнец выкручивал руки 62-летнему отцу Захара. Он кричал: "Вы кого бьете? Фронтовика? Сталинградца?" Мать кричала: "Что вы делаете, остановитесь!" В толпе кричали: "Позор!" От защиты Захара меня отстранили. Когда Захара проводили мимо нас, он успел сказать нам, что с таким судом сотрудничать не станет. За все время судебного разбирательства он не произнес ни слова, кроме одной единственной фразы. Показывая на тех, кто сидел в зале, он сказал: "Эта публика не для меня". Вот и все. Молчал и улыбался, когда судья задавал ему вопросы, когда говорили, путаясь, свидетели, когда прокурор держал обвинительную речь, когда предоставили последнее слово, и когда объявили приговор — 3 года лишения свободы. Все произошло за 2,5 часа за закрытыми дверями в отсутствие родственников и друзей, защитника и свидетелей от защиты...

Потом были два месяца этапа, когда Захара через всю Россию везли в Сибирь, в маленький сибирский поселок Бозой, в 80 км севернее Иркутска, где он должен был отбывать свой срок. 27 сентября его вместе с 10 другими заключенными доставили туда из Иркутской пересыльной тюрьмы.

В тот же день, 27 сентября, в Бозой приехал отец Захара. Приехал, узнав, что сын уже здесь, чтобы поговорить с лагерной администрацией, узнать хоть что-нибудь о сыне. И они поговорили... Поговорили так, что когда он вернулся, у него дрожали руки. Ему говорили: "Ваш сын не выдержал... Был трудный этап... 20 килограммов потери веса... Он потерял рассудок и бросился на одного из заключенных с бритвой... Написал бредовое письмо... Ну так вот. Вы не получите больше ни одного его письма. Вы не получите ни одного свидания. Вы его больше не увидите. Мы его здесь сгноим, он отсюда не выйдет. А захотим, переведем в другой лагерь, где со всех сторон химические комбинаты. Или еще лучше, пошлем на рудники, там он и загнется. Там и похороним. Вы думаете, что, здесь так же хоронят, как на воле?"

Через 3 дня после возвращения отца мы похоронили маму Захара, Дору Зуншайн. Она умерла от сердечного приступа...

7 октября

Здравствуйте! Не знаю даже, как начать. Просто не знаю. Несколько дней никак не мог заставить себя написать вам письмо. Просто невозможно. Так и хочется крикнуть: что же вы делаете, разве так можно? Зачем она умерла? Зачем? Все же было так хорошо!

Да, да, ХОРОШО!

У меня все, все нормально. *Было, есть и будет.* Нормально — для меня. Наверняка для многих ЭТО было бы ужасно. А для меня — нормально. (Таня была и сама могла убедиться.) Все же было хорошо. Но что же вы делаете? Так и хочется закричать: разве же так можно. Зачем она умерла? Зачем?

Еще не скоро мы все осознаем и поймем, что мы потеряли. Будь проклят этот день 30 сентября. Дора частенько говорила, что только когда она умрет, мы поймем, что она больной человек. (Поймем и поверим.) Да, болячек у нее хватало. Но дело, конечно, не в болячках. Просто-напросто она не смогла всего этого вынести. Все это оказалось выше ее сил. Еще 5 июля на свидании в тюрьме было видно, что она совершенно выбита из колеи. Но кто бы мог подумать, что до такой степени.

Да что толку сейчас что-то говорить, что-то пытаться объяснить. И так все ясно. Жизнь — штука жестокая. А Дору уже не вернешь. Вы просто обязаны вести себя соответственно. И зарубите себе на носу или там, где вам, черт побери, удобнее, что у меня все, все БЫЛО, ЕСТЬ и БУДЕТ НОРМАЛЬНО. Для меня. И ведите себя соответственно.

Захар

3 октября я приехала в Бозой на свидание к Захару. На первое из двух длительных свиданий в год, которые полагаются заключенным, содержащимся в лагерях общего режима. Мне подписали разрешение на 1 сутки и отвели в комнату для свиданий, где мы с Захаром должны были провести вместе целых 24 часа.

И вот появился Захар! Худой, только кожа и кости, обритый наголо, со следами побоев на лице и на теле, с синяками, ссадинами, кровоподтеками. Грудь его была отбита до такой степени, что каждое движение, каждый вздох давался с болью...

Я рассказала ему о том, что они сказали отцу. Он впервые об этом услышал. Какое лезвие бритвы? Кто не выдержал? Кто сошел с ума?

Он рассказал мне о своих первых днях в лагере. В тот день привезли 11 человек. Всем предложили подписать заявления о том, что они согласны стать активистами, сотрудничать с администрацией. На лагерном лексиконе это называется "надеть повязку". Есть и официальное название — СВП — секция внутреннего порядка. Подписав такое заявление, заключенный вступает в сделку с лагерной администрацией, становясь ее ушами, глазами, а если нужно, то и кулаками. При хорошей службе активистов освобождают раньше срока, вот они и стараются.

В лагере, куда привезли Захара, активистов 80%. По сложившейся практике тех, кто отказывался подписать, били. Это известно, и 10 из 11 подписали тут же. Одиннадцатым был Захар. Он отказался. Тогда кто-то из администрации скомандовал: "Этого "лося" — в отдельную комнату". В штабе, в "секции профилактики правонарушений" 10—15 человек, сбив его с ног, испинали ногами в кирзовых сапогах. После кто-то из администрации спросил: "Ну чо, будешь ты подписывать или нет?" Захар рассмеялся. Это был первый день в лагере.

На следующий день Захар не смог подняться с нар. Просил врача дать ему освобождение с работы — не дали. Просил дать ему возможность пойти на рентген — не дали. Дали выговор за невыход на работу и втирание от боли. Это был второй день в лагере.

Пришлось подниматься и идти на работу. Первое, чем встретил его дежурный прапорщик, охраняющий заключенных на работах, было: "Ты Гитлера любишь? Мало вас, евреев, Гитлер уничтожил!" Потом, обращаясь к конвойному: "Этого еврея в случае чего стреляй, и смотри, не промахнись". Это был третий день в лагере. Потом четвертый, пятый, шестой...

Захар написал заявление с требованием возбудить уголовное дело по факту его избивания, а также об антисемитских выходках прапорщика. В ответ на это администрация лагеря угрожала ему еще одним сроком заключения или расправой со стороны уголовников — на выбор... Я только спросила: "Захар, но ведь они могут все. Что если они сдержат свои угрозы? Если они не дадут нам больше видеться? Что, если они не будут пропускать наши письма?" Он ответил: "С некоторых пор мы перестали принадлежать себе. Мы не можем поставить себя в зависимость от свиданий, писем и всего остального. Если у нас не будет свиданий, значит свиданий у нас не будет".

Прежде, чем уехать из Бозоя, я пошла в штаб, чтобы сказать администрации лагеря, что все, о чем я узнала, станет достоянием гласности. Я расскажу об этом всему миру... Один из них, в форме майора, сказал мне: "А мы не скрываем. Рассказывайте, кому хотите. Видите, мы вам даже его показали". Я сказала: "Мой муж и я будем требовать возбуждения уголовного дела против тех, кто его избивал". Глаза его наполнились злобой: "Не нравитесь вы мне, Татьяна Александровна, ох, как не нравитесь. Вы хотите возбуждения уголовного дела, ну, так вы его получите. Только вы немного перепутали. Дело будет против вашего мужа. О том, что он бросился на заключенного с бритвой, у нас имеется акт, подписанный несколькими свидетелями. Смотрите, Татьяна Александровна, можно ведь и пустить его в ход. Есть еще много других возможностей. Например, ст. 188¹ УК РСФСР — 3 года лишения свободы за нарушения режима в местах заключения. Так что подумайте..."

В конце ноября я снова приехала в Бозой. Приехала, чтобы получить краткосрочное свидание, положенное каждому заключенному на общем режиме три раза в год. Свидание от 2 до 4 часов по разрешению администрации. Но мне отказали: "6 октября при выводе на работу Зуншайн работать отказался, сказав, что на большевиков работать не будет". Заодно лишили и следующего двухчасового свидания, которое должно было состояться через 3 месяца: "9 октября Зуншайн стирал белье в неурочное время". Позднее лишили следующего — за голодовку протеста.

На другой день я пошла к воротам лагеря еще до рассвета. Так делают все жены, которые хотят хоть на секунду—другую увидеть своих мужей, когда их ведут на работу и обратно. К этому привыкли, их не отгоняют, и я стояла вместе с другими и смотрела на ворота. А в лагере начинался рабочий день. Один за другим к воротам подъезжали грузовики с кузовами, сверху закрытыми решеткой, туда загоняли заключенных. Конвойные с собаками садились в специально отведенное за кабиной место, и они отъезжали. Вскоре все машины отъехали и из ворот лагеря стали выводить тех, кого ведут на работу пешком. Я знала, что Захар должен быть среди них. Прошел один отряд, второй, третий. Захара среди них не было. Когда последних заключенных вели мимо меня, я закричала: "Я жена Захара Зуншайна! Что с ним, почему его нет с вами?" Мне ответили, что его сегодня оставили в лагере, не повели на работу. Причины они не знали.

Я знала причину. В поселке невозможно остаться незамеченным. К тому же администрация понимала, что я не уеду из Бозой, не попытавшись хоть на несколько секунд увидеть мужа. Они не дали нам даже этих нескольких секунд. Приехать за 6 тысяч километров и так и не увидеть его. Наверное, они боялись, что он что-нибудь успеет мне сказать...

4 февраля

Таня! Столыпин трясет, за окошком посветлело, и я пишу тебе письмо. Сегодня 4-е февраля и меня везут на другую зону. Тоже в Иркутской области — УК-272/23, пос. Октябрьский, Чунский район.

В Бозое администрация облегченно вздохнула. Моя история там такова. Мое первое заявление Маслову от 30.09.84 выкинули — там об избииении и антисемитских выходках. Из-за этого, и чтобы этот факт застолбить, я устроил двухдневную голодовку 16—17 ноября. С начала декабря, разумеется, в отместку, администрация перешла в наступление: мне стали навязывать работу, которая считается позорной — строить забор в запретной зоне, тем самым настраивая против меня эков, подрывая мою безопасность. Здесь, считается, что такую работу, работу в запретной зоне, выполняют только "черти". Мне пришлось отказаться, а что делать!!! За отказ от работы — 2 ШИЗО: 4—7 декабря и 13—20 декабря. Чтобы это прекратить, и получить другую работу, работу с нормой (а то, если нет нормы, про меня всякий раз говорят, что я не работаю, и я в дурацком положении) мне пришлось голодать уже 8 дней: с 17 по 25 декабря. Это принесло свои плоды, администрация отступила: с 26 декабря меня перевели вязать сетчатые мешки (сетки). Первый месяц я считался учеником. К концу месяца я, как и все, вязал по 2 сетки, при норме к концу первого месяца — 4 сетки, а вообще-то норма 8, и она нереальна. Все вяжут 2, и я тоже, но 25-го января меня сажают в ШИЗО на 10 суток за невыполнение нормы. 31 января знакомят с постановлением — на 6 месяцев ПКТ, а затем увозят из Бозой в СИЗО г. Иркутска, а затем на 23 зону. Завтра я буду на Ханяках, так ее называют. Название, как говорят, японское, там еще с войны и после сидели японцы. По-японски Ханяки — Черная Дыра.

Меня ознакомили с двумя ответами Баландина, которые шлют и тебе. В них жуткое, бессовестное вранье. Вранье — все. Условия в Бозое ужасные. Белье не меняют по 20 дней (меняли 6, 29 декабря, 18 января). Зона голодная. Кормят хуже, чем в СИЗО. В бане, хоть и двойные рамы, снег и лед лежат на внутренних стенках. В ШИЗО ложек не дают: начальник режимной части ИТК-40 ст. лейтенант Урмаев говорит, что "в соответствии с советским законодательством ложки в ШИЗО не предусмотрены". Жуткий

холод, из-за которого ээки все время вынуждены проводить на полу у батареи, сбившись в кучу. Грязь, вши. По трое суток не работает батарея, изо рта идет пар — холоди-на жуткая! Какие там 17—19°!!!

Прокуратура реально ничего не делает. Прокурор Вахрушкин приезжает раз в месяц, хватается за голову, вот и все. Видимо все-таки наши жалобы их доканали, да и ты слишком много знаешь обо мне, вот они и решили меня оттуда убрать и закрыть в ПКТ. Последние два месяца в Бозое нет воды, воду добывают из системы отопления, из батареи, наливают в питьевые бачки, ее и пьют. Полный кошмар.

В СИЗО г. Иркутска я сидел в камере № 25. Матрацев не дают. 35 человек — 25 шконок. Ложки отбирают, выкидывают. В камере на 35 человек — 7—8 ложек. С ложками здесь в УИТУ Иркутска полный кошмар. Этапы в Бозое бить перестали. Результат налицо. Один из тех, кто меня бил — Зуев — ушел по УДО.

Про Ханяки известно, что зона переполнена — больше 2-х тысяч человек. Спят на двух шконках пятеро. Это на верхних, а внизу по одному. Зона с 62 статьей — алкаши. Не рабочая. Голодная. Кормят отвратительно. Нормы продовольствия, даже хлеба не соблюдаются. Говорят, что бывает, что хлеб не привозят по нескольку дней. Напротив меня сидит человек, который пробыл там месяц и теперь из СИЗО снова возвращается туда. С баней тоже ничего понять невозможно, то ли она есть, то ли ее нет. Полный бардак. Здесь, как и в Бозое, загоняют в СВП, если ээк не хочет, грозят отправить его в 11 отряд (в Бозое 5-й), где сидят "обиженные".

Они спрашивают, откуда тебе столько всего известно. Ну и пусть спрашивают, болваны. Наверное, меня закроят в ПКТ. Но это ничего. Вешу я килограммов 73—74. Чувствую себя, как всегда, неплохо.

Ты должна знать, что я им всем говорю, что хочу сидеть спокойно, от работы не отказываюсь и режим мне нарушать незачем. А жаловаться на них не буду, если мне создадут хотя бы минимальные приемлемые условия...

И вот я еду в Ханяки. Еду без всякой надежды увидеть Захара, но с надеждой хоть что-нибудь узнать о нем. Я уже знаю, что такое внутрилагерная тюрьма ПКТ — содержание в общих камерах, питание по сниженным нормам, свидания не положены, одно письмо в 2 месяца, прогулка — полчаса в день, и что хуже всего, нары в камерах, как в карцерах, отстегиваются только на ночь, остальное время на ногах. И так — полгода.

В Иркутском УИТУ мне сказали, что вовсе не понимают, почему Захару дали полгода ПКТ. Ничего он такого не сделал. А дальше, уже совсем издеваясь, заявили: "Достаточно было дать месяца два, этого бы хватило. Вы ведь понимаете, для чего это..." Я понимаю. Для того, чтобы иметь формальную возможность воспользоваться статьей 188³ УК РСФСР, необходимо, чтобы заключенный сперва отсидел один срок в ПКТ и два в ШИЗО.

Мы еще долго говорили о том, кто они такие, и чем они отличаются от людей другого сорта. Они сетовали на то, что я их не понимаю. "Вот вместо того, чтобы поддерживать мужа, написали бы ему такое письмо: Захар, делай все то, что они тебе велют, и все будет хорошо. А вы..."

Я села в поезд, который идет от Иркутска на северо-запад, и поехала искать эту "Черную дыру". Сначала поездом около суток, потом автобусом, потом пешком через реку по льду (летом ходит паром), и вот я добралась...

Покосившиеся, вросшие в землю дома в основном серого цвета, повалившиеся заборы, в переулках домов пусто, людей не видно, только и слышно, что лай собак. Навстречу мне попала одна-единственная старуха, которая везла на санях воду. Старуха была угрюмая, мрачная, одетая как принято в этих местах: телогрейка, сапоги. Я спросила: "Где здесь почта?" Она ответила сквозь зубы: "Почты здесь нет, только на другом берегу".

Мимо меня с грохотом пронесся грузовик, на котором в самую пору возить скот. На борту его большими косыми буквами было написано: ЛЮДИ.

Меня приняли в штабе, но отказались ответить хотя бы на один из вопросов: где мой муж? как он себя чувствует? что с ним было за это время? Начальник лагеря спросил меня: "Вы что, корреспондент газеты "Труд"? Вы приехали сюда брать интервью?" Я сказала: "Я жена и этого достаточно, я хочу знать, что с моим мужем!" — "Ваш муж жив, что вам еще надо?"

Я уезжала из Ханяк, так ничего и не узнав о муже. Соседи по купе приставали ко мне с разговорами. Один из них, как выяснилось, бывший заключенный, когда-то отбывший свой срок в Ханяках, рассказал мне, что место это гиблое, лагерь стоит на болоте, поэтому здесь сыро и холодно даже летом. Лето короткое — 1,5 месяца в году — остальное время года холодно, особенно зимой, когда мороз 50 и выше. В такую погоду в лагере особенно тяжело — одежда не спасает, помещения плохо отапливаются, а карцеры и вовсе не отапливаются. В таких условиях больше трех сроков карцера обычно не выдерживают, получают туберкулез или еще чего похуже.

Иногда мне кажется, что все это какой-то кошмарный сон. Особенно, когда я вспоминаю, как, переехав в Ригу, мы с мужем частенько выезжали на взморье. Ласковое море, теплый песок, приветливое солнце, горделивые красавицы сосны. Мы часами гуляли по пустынному пляжу и мечтали о будущем... ●

Расшифровка некоторых сокращений: СИЗО — следственный изолятор; ШИЗО — штрафной изолятор; ПКТ — помещение камерного типа; ИТК — исправительно-трудовая колония; УИТУ — управление исправительно-трудовых учреждений; УДО — условно-досрочное освобождение. ●

ИЗ ГАЗЕТ: 50 ЛЕТ НАЗАД

ТРАВА ЗАБВЕНЬЯ

Маленькая круглолицая девочка с аккуратно подстриженной челкой обнимает за шею большого человека. Она смотрит на него восторженно сияющими черными глазами. Он добродушно усмехается. Веером расходятся на виске морщинки. Глубокая, немножко задумчивая улыбка приподнимает тонкую тугую бровь. Глаза светятся чудесной улыбкой. Кого держит в руках этот всем нам родной и любимый человек? Дочь? Внучку? Нет, не дочь и не внучку. Он держит в руках нечто гораздо большее: будущее мира.

Один из наших поэтов сравнил Сталина с садовником. К этому надо прибавить, что особенным вниманием этот садовник окружает лучшие цветы советского сада — детей.

Среди лент, парусов, поднятых весел, флагов, смуглых голов, голубей, песен в золотом зное Красной площади плывет громадный портрет человека, обнимающего девочку. Портрет этот окружен четырьмя сказочными розами, а в каждой розе сидит по крошечному советскому гражданину, такому маленькому, что издали даже трудно определить — мальчик это или девочка.

— Спасибо родному товарищу Сталину за счастливое детство.

Вот проплывает целая небольшая, но дружная семейка: молодая мать, молодой отец и двое ребятшек.

— Спасибо товарищу Сталину за заботы о крепкой, дружной советской семье!

И идут, идут наши серьезные, но вместе с тем и беспечно-веселые ребята — будущие Громы, Ботвинники, Шмидты, Павловы, Знаменские, Шопены, Лобачевские...

Идет все наше будущее.

И плывет, плывет, окруженное розами, любимое, ласковое, серьезное лицо большого человека, обнимающего девочку с аккуратно подстриженной челкой.

Валентин Катаев
"Правда", 7 июля 1936 г.

Фотография "большого человека, обнимающего девочку с аккуратно подстриженной челкой", была сделана 27 января 1936 г. на приеме в Кремле трудящихся Бурят-Монгольской АССР. Девочку звали Геля, она была дочерью наркома земледелия Бурят-Монгольской АССР Ардана Маркизова. Вскоре после возвращения из Москвы отец и мать Гели были арестованы. А.Маркизов был расстрелян, его жена позднее покончила с собой в ссылке.

ИЗВЕСТИЯ

Газета выходит с марта 1917 года

СОВЕТОВ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

ТАЙНЫ ТЕАТРА ЗВЕРЕЙ

Узнали в редакции газеты, что Центральное телевидение собирается показать новый документальный фильм "Династия Дуровых", и решили, как обычно, дать небольшой анонс. Чтобы оживить заметку деталями, корреспондент отправился в любимый с детства, знаменитый и единственный в мире Театр зверей. Правда, директора Натальи Юрьевны Дуровой не было, она уехала в Чехословакию. Журналисту пришлось беседовать с ее заместительницей.

— Из какой газеты, — услышала я грозный голос. — Фильм? По какой программе? Надо срочно звонить на телевидение — отменить!

— Прямо так и отменить? На всю страну объявлено!

— Что вы! В отсутствии Натальи Юрьевны никакие организации — ни журналы, ни газеты, ни Гостелерадио — не имеют права давать никакой информации... Ведь не вы решаете, какое направление придать статье, на чем расставить акценты... Мы не допустим никаких кривотолков...

Вы знаете, — говорю, — материал у меня уже есть. Я зверей видела не раз. Мне уже рассказывали про слониху Машку, про тигрицу Катьку, про пуму, про пеликанов...

— Про слониху Машку! Кто? Как фамилия? Мы примем строгие меры! Мы накажем!.."

В Советском Союзе секретно все: уровень добычи нефти на промысле и расположение дорог, число заключенных и длительность сборов футбольной команды. Но чтобы слониха Машка?!

Мы привыкли, что руководящий товарищ отличается от простых смертных тем, что ему доступны спецраспределители и спецболоницы. Но не менее важная привилегия — контроль над информацией, право указывать журналисту, какое направление придать статье и на чем расставить акценты. И нужно быть уж очень наивным человеком, чтобы ожидать, будто руководящая персона вдруг возьмет и откажется от прерогативы решать, что нам положено и что не положено знать. Смешная история, правда?

(19 апреля 1986 г.)

НИТОЧКИ И КАНАТЫ

В поэме "Теркин на том свете" А. Твардовский так сформулировал основной принцип тамошней кадровой политики: "Чтобы сократить, надо увеличить". Если допустить, что на том свете это правило носит локальный характер и касается только кадров, то на этом оно, несомненно, имеет куда более общее значение. Некоторые исследователи даже считают, что это универсальный принцип нашего света. Стоит только начать борьбу за сокращение расходов сырья, или инструмента, или простоев оборудования, или часов сверхурочной работы, и килограммы сразу же превращаются в тонны, часы — в дни, недели, месяцы.

Та же странная история происходит и с бумагами. Статья в номере газеты за 23 марта называется "Девятый вал входящих". Но, понятно, трактовать ее надо шире, ибо канцелярская мудрость гласит: на каждую входящую должна быть своя исходящая. И обычно не одна.

Из краткого вступления к статье следует, что ЦК КПСС и Совет Министров СССР принимают энергичные меры для сокращения и упорядочения отчетности. "Намеченные меры, — пишет газета, — вселили надежду на то, что бумажное море станет, наконец, мелеть. Увы, надежды пока не оправдываются. Обратимся к фактам".

У нас нет возможности перечислять эти факты: их слишком много. Возьмем один. За первые два месяца прошлого года объединение "Сера" получило 1200 входящих запросов, требований, инструкций; за тот же период нынешнего — 1400. Соответственно в 1985 году "Сера" произвела 37200 исходящих, в 1986-м, судя по данным первых месяцев, объем производства возрастет до 45000 канцелярских бумаг. "Если бы столь же уверенно росло количество нужной народному хозяйству продукции..." — вздыхает газета.

Отдадим справедливость автору статьи. В анализе природы девятого вала он достаточно близко подошел к истине. "Тысячи людей, занятых в сфере управления, — замечает он, — до тонкости знают премудрости канцелярской деятельности. Отними у них эту работу — и они останутся не у дел... Отсюда и сопротивление определенных звеньев аппарата начавшейся перестройке".

Это, разумеется, правда. Но не вся правда. Между тем М. С. Горбачев учит нас называть вещи своими именами. Следуя указаниям генерального секретаря, уточним два момента. Во-первых, главная беда не в канцелярствах: не они изобрели планы, отчетность, показатели — всю административную систему руководства экономикой. Во-вторых, подлинные изобретатели боятся вовсе не того, что останутся не у дел, — пока, к сожалению, им это не грозит. Боятся они другого: выпустить из рук хоть какую-нибудь ниточку управления. Потому что ниточки, скручиваясь в канаты, образуют власть.

(23 марта 1986 г.)

ИХ НРАВЫ

“У полиции — каски, дубинки, слезоточивый газ. У трудящихся — только правда. И сила на их стороне”, — пишет газета. Такие вот дела.

Увидев этот снимок, мы удивились. Любые демонстрации в Дании разрешены. Как же возникла эта ситуация? Потребовалось вмешательство нашего корреспондента в Дании, чтобы история прояснилась.

Итак, это произошло больше чем год назад. 28 марта 1985 г. группа членов профсоюза — коммунистов блокировала парламент, требуя, чтобы правительство не вмешивалось в трудовые конфликты, связанные с заключением коллективных договоров. Рано утром коммунисты оцепили все пять мостов, ведущих к зданию парламента (он стоит как бы на острове) и к другим зданиям. В том числе к Королевской Библиотеке. Пикетчики стремились к тому, чтобы сорвать заседание парламента, не допустив туда депутатов.

Блокада началась в 8 часов утра. Полиция прибыла к 10. Очень осторожно, избегая насилия, а тем более — слезоточивого газа, она сумела оттеснить пикеты. Заседание парламента началось с двухчасовым опозданием. Все партии, представленные в парламенте, осудили деятельность коммунистических пикетчиков. Старожилам эта блокада напомнила события 9 апреля 1940 г. В тот день гитлеровцы, оккупировавшие Данию, так же ставили пикеты на пяти мостах, ведущих к парламентау.

Действия коммунистов были уголовно наказуемы. Но правительство решило не “раздувать” дела. Никто из зачинщиков блокады (а их имена были известны) не был даже арестован.

Легко представить себе, что произошло бы, если бы кто-то блокировал въезды в Кремль перед началом сессии Верховного Совета СССР... (30 мая 1986 г.)

Снимок, не попавший в “Советскую Россию”: группа трудящихся штурмует парламента

ВЕСТИ ИЗ СССР

Когда изгоняют богов, начинают поклоняться идолам. Разным идолам: людям, столбам, системам. Еще недавно почетное место в их ряду занимало высшее образование. Самое массовое. Самое демократическое. Самое прогрессивное. В общем, самое высшее в мире.

Однако 1 июня газеты напечатали документ, из которого следует, что и с этой священной коровой дело обстоит не слишком благополучно. Документ называется "Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования в стране" и представляет собой первую за много лет попытку трезво оценить состояние дел в этой области.

Впрочем, вернее будет сказать, первую официальную попытку, ибо неофициально, в кулуарах, все говорили что положение в сфере высшего образования нелепо и абсурдно. В середине 70-х годов об этом откровенно сказал К. Т. Мазуров, тогдашний первый заместитель председателя Совета Министров СССР и член Политбюро. Но заявление было сделано на заседании Совета Министров и дальше не пошло.

В Основных направлениях сказано: "Преобладание экстенсивных путей развития проявилось и в сфере высшего и среднего образования. Непрерывный, в некоторой части необоснованный рост выпуска специалистов не сопровождался должным повышением качества их подготовки". Загадочная фраза. Не сопровождался — это, конечно, скверно. Но было бы, наверно, еще хуже, если бы "необоснованный рост" (то есть выпуск ненужных специалистов) сопровождался еще и улучшением их подготовки. И все-таки о чем же идет речь?

Во-первых, о количестве. В полном соответствии с общим принципом планирования "от достигнутого", вузовские планы выпуска специа-

листов из года в год увеличивались. Легко было представить, что в недалеком будущем высшее образование охватит все население Земли и ближайших обитаемых планет. В несколько более отдаленной перспективе маячил следующий этап: превращение простых инженеров в кандидатов наук, затем в докторов и академиков...

Конечно, иногда возникали вопросы. Например, нуждается ли страна в таком количестве людей с высшим образованием? Ответ был однозначный: безусловно, таково веяние времени. Вполне очевидно, что современную, высокообразованную корову может доить только дипломированная доярка. К тому же, по слухам, в Америке есть предприятия, где на пять рабочих приходится один инженер. И хотя даже в Америке таких предприятий немного, а у нас их практически нет, сути дела это не меняет. Конвейер высшей школы работал на полную мощность. Основные направления подводят итоги (разумеется, предварительные) этой общественно полезной деятельности: "Каждый второй специалист с высшим образованием в промышленности работает на должности, не требующей полученной квалификации и специальности". Нерационально также используются кадры сельскохозяйственного профиля, учителя и другие".

Нас учили, что количество обладает воистину замечательным свойством — оно переходит в качество. На примере высшего образования эта истина видна особенно отчетливо. В большинстве технических вузов конкурсы давно ушли в прошлое и вообще кандидатов в студенты меньше, чем мест. Естественно, в институты берут всех, кто знаком с таблицей умножения. А там уже вступает в действие общий принцип социалистического соревнования, который в Основных направлениях назван процентоманией. Каждый

отчисленный студент – это брак в работе вуза, каждый окончивший – кирпич в здании светлого будущего. Если кирпич и окажется того... с изъяном, это уже чужая забота.

Впрочем, в качество переходит не только количество, но и многое другое. Прежде всего зарплата. А если брать шире, то вся система производственных отношений. Советский специалист, еще в бытность свою студентом, постигает простейшую жизненную мудрость: его продвижение, карьера, зависят от чего угодно, только не от знаний и не от умения работать. Этот принцип декларирован даже публично: при назначении на должность учитываются в первую очередь политические, а уже во вторую – деловые признаки. Однако действительная табель о рангах куда длиннее: родственные связи, приятельские, личные отношения, "управляемость", отсутствие своего мнения, готовность безоговорочно исполнять...

Строго говоря, зависимость тут обратная. Чем хуже человек учится, чем меньше знает и умеет, тем в некотором смысле у него больше шансов достичь высот. Колея накатана: институтский профком и комитет комсомола, партком, райком партии. Главное – перепрыгнуть со скромной должности инструктора на пост заведующего отделом или какого-то секретаря. А уже с этой стартовой площадки возможен любой взлет: и в секретари ЦК, и в министры любой промышленности, и в горные выси культуры.

Напротив, путь специалиста отмечен четко и жестко. Мастер, конструктор или технолог, старший конструктор. Уже для заведующего техническим отделом или начальника цеха нужен партийный билет. А дальше и с партийным билетом не продвнешься: нужны связи, то особое умение устраиваться, которое отличает всякого истинного начальника. Двадцатирублевая прибавка – вот все, на что талантливый конструктор может рассчитывать к концу жизненного пути. В основных направлениях это прискорбное обстоятельство сформулировано мягко и деликатно: "Сложившаяся практика использования специалистов объясняется также низким уровнем их заработной платы. Совершенно недостаточна ее дифференциация в зависимости от качества и сложности выполняемой работы. Падение престижности труда специалистов, особенно инженеров, пришло в острое противоречие с объективно возросшей ролью технической

интеллигенции в обществе. Указанные процессы привели к уменьшению тяги молодежи к инженерно-техническому образованию, ослаблению ответственности студентов за учебу, снижению конкурсов в вузы".

Перечень проблем такого рода можно продолжать и продолжать. Основные направления с завидной педантичностью перечисляют: материальная база вузов устарела, совершенно неудовлетворительно обеспечение электронно-вычислительной и другой современной техникой, не хватает учебных помещений, библиотек, общежитий, преподаватели многих профилирующих кафедр не обладают практическим опытом, вузы слабо участвуют в решении производственных задач...

Что же предлагается в проекте постановления ЦК? Предлагаются странные вещи. Странные потому, что естественные и разумные меры удивительным образом уживаются в проекте с явной нелепицей, фантастикой и просто с лозунгами. Скажем, расширение демократических начал управления, самостоятельности и творческой инициативы, усиление ответственности вузов за все вопросы обучения и воспитания должны как-то сочетаться "с настоящим требованием времени" – улучшением централизованного руководства. При этом надлежит значительно повысить роль не только Министерства высшего и среднего специального образования СССР, но отраслевых министерств и ведомств, а равно Советов министров союзных республик и ЦК компартий. Надо ли объяснять, что усиление централизованного руководства и развитие инициативы, самостоятельности, ответственности – это, конечно, две стороны, но двух разных медалей.

Далее. Признав, что выпуск специалистов слишком велик и его следует ограничить, постановление предлагает для заочных и вечерних форм обучения "не устанавливать плана приема, зачислять всех выдержавших вступительные экзамены". Если учесть, что вечернее и заочное образование дает обычно не столько знания, сколько диплом, понятно, как эта мера скажется на решении главной задачи – улучшении качества подготовки специалистов.

Впрочем, это не исключение, тут легко просматривается система. Предлагаю поставить "во главу всей работы... развитие состязательности в овладении знаниями", постановление тут же ого-

варивает, что высшая школа призвана формировать кадры, "воспитанные в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма, готовности встать на защиту социалистического Отечества". Как следует понимать интернационализм и сколь обширны границы Отечества, которое надлежит защищать, хорошо известно. Если говорить без затей, то ясно, что главное качество, которое вуз должен привить студенту, — готовность сегодня воевать в Афганистане, а завтра — где прикажут.

Не случайно в Основных направлениях подчеркнуто, что "следует усилить заботу об улучшении социального состава студенчества", а уволенных в запас военнослужащих вообще принимать без ограничений. Ясно, что в социалистическом обществе, где все равны, одни все-таки равнее других.

Много места в постановлении уделено техническому переоснащению высшей школы — "непременному условию повышения эффективности ее деятельности". Это понятно. Большинство институтов располагает сейчас оборудованием конца XIX — начала XX века. При такой технической базе трудно ожидать от студентов высокой подготовки, а от преподавателей — серьезного участия в исследовательской и проектной работе.

Все это так. Однако сразу же возникает простой вопрос: откуда возьмется это современное оборудование, если в стране его нет или не хватает? К примеру, в Тюмени, главном нефтяном районе страны, скважины бездействуют. "В чем дело?" — спрашивает корреспондент "Известий". — Нефтяники говорят просто: "Качать нечем". Не хватает порой простейшего оборудования".

Как вы думаете, если "качать нечем" даже на промыслах, кто получит оборудование раньше: нефтяники или студенты? А кому достанется новейшая техника: военным заводам, академическим институтам, предприятиям тяжелой промышленности или все-таки вузам?

В свое время Лев Толстой высказал тонкую мысль: "Школа, — заметил он, — есть одна из тех органических частей государства, которая не может быть рассматриваема и оцениваема отдельно, ибо достоинство ее состоит только в большем или меньшем соответствии ее остальным частям государства". Вот почему ясно, что не очередной проект перестройки, а общее состояние государства и его экономики определяет основные направления развития высшей школы. ●

АТОМНОЕ ОБЛАКО НАД "БЕЗЪЯДЕРНОЙ" БАЛТИКОЙ

Вечером 9 июня измерительная станция в финском порту Котка на южном побережье Финляндии неожиданно зарегистрировала резкое увеличение радиации — до 1,8 миллирентген/час, что вчетверо больше того максимума, который был отмечен после чернобыльской катастрофы. Тогда радиация в Финляндии достигала 0,4 миллирентген/час. Самолет, высланный для контрольных измерений, подтвердил повышение радиации. Две другие финские измерительные станции также сообщили, что радиация подскочила, хотя и не так сильно, как в Котке.

В течение ночи уровень радиации постепенно падал. Утром 10 июня он был около 0,08 а к полудню составил 0,03 микрорентген/час — это практически норма.

Когда финские власти обнаружили появление радиоактивного облака, они первым делом запросили атомную электростанцию в Ловиса, расположенную примерно в 50 км от Котки. Там, однако, все было спокойно. Ветер дул в это время с юго-запада — запада, не из Советского Союза, так что запоздалое эхо Чернобыля также исключалось. Финны даже не запрашивали советские власти. Впрочем, как заявил Анти Вуоринен, глава финского бюро по радиационной безопасности, "мы не вступали с ними в контакт, ибо на такой случай у нас нет даже системы немедленной связи с Советским Союзом". Ошибка измерений была невозможна: калибровка всех инструментов была тщательно проверена.

В ночь с 10 на 11 июня радиоактивное облако, видимо, то же самое появилось над Москвой. Измерения проводили специалисты на территории западногерманского и французского посольств — после чернобыльских событий они уже не полагаются на советскую официальную информацию.

Радиоактивное облако, достигшее Москвы, было уже сильно ослаблено: 0,16 миллирентген/час в воздухе, 0,4 миллирентген/час при измерениях на почве. Неопасно, но тревожно. Происхождение облака оставалось загадкой, но было весьма вероятно, что оно пришло со стороны Финского залива.

Вскоре, однако, пришло разъяснение — неожиданное и вызывающее беспокойство.

С 3 по 6 июня суда береговой обороны шведских ВМС проводили, как обычно, очередные военные учения. За ними, как обычно, наблюдали из нейтральных вод советские и польские суда, а советские подводные лодки тоже, как обычно, проникли в шведские территориальные воды для выполнения шпионских заданий (мы подробно писали об этом в № 3 за 1984 г.).

5 июня шведские военные вертолеты засекли сигнал сонара неизвестной подводной лодки. Проверка показала с полной определенностью, что всего лишь в нескольких сотнях метров от шведского порта Нортелье, к северу от Стокгольма, на дне лежит шпионская подводная лодка.

Шведы немедленно начали охоту за ней — крупнейшую после 1983 г. В течение 2 дней (6 и 7 июня) шла бомбардировка района глубинными бомбами. Сигнал сонара с экранов исчез. По мнению шведских военных экспертов подводная лодка была, наконец, обезврежена.

А через сутки в Котке была зарегистрирована повышенная радиоактивность.

Вероятно, задетой оказалась ядерная подводная лодка. Лодка, очевидно, не погибла, но была сильно повреждена. Скорее всего, опасаясь поднятия на поверхность, чтобы не выдать себя шведам, лодка в погруженном состоянии направлялась на свою базу, по-видимому, в эстонский порт Палдиски. Вслед за поврежденной ядерной подводной лодкой по морю тянулся радиоактивный след. Его-то, очевидно, и поймали в Котке, а затем радиоактивное облако ветром отнесло к Москве — туда, где планировали злостную шпионскую операцию.

Остается спросить — что произошло с моряками, проводшими много часов рядом с ядерным реактором поврежденной лодки? И заботит ли советские власти радиоактивное загрязнение Балтийского моря — той самой Балтики, которую они страстно хотят видеть безъядерной зоной. ●

В ДАЛЬНИХ РЕЙСАХ

Всесоюзное объединение "Совтрансавто" по ряду причин занимает весьма важное место в системе советской экономики и не только экономики. Оно перевозит не только советские импортно-экспортные грузы, но и осуществляет транзитные перевозки в Иран, Афганистан и да-

же в Японию. "Совтрансавто" также принимает попутные грузы на Западе, зарабатывая государству крупные суммы в валюте. Автохозяйства системы "Совтрансавто" разбросаны по всей стране. Такое автохозяйство есть почти в каждом значительном городе; в Москве и Ленинграде их несколько. Так, в частности, кавказские автохозяйства работают на Иран и Афганистан, а автохозяйство в Хабаровске перевозит грузы из Западной Европы в Японию и обратно по сибирской трассе, открытой только в летнее время. Кроме того, "Совтрансавто", разумеется, неофициально выполняет разведывательные задания советского Генштаба.

Рейсовые бригады укомплектованы высококвалифицированными водителями, нередко людьми с институтским образованием. В политическом отношении это люди проверенные. За четверть века существования "Совтрансавто" неизвестно ни одного случая "измены Родине", совершенной водителями, в то время как среди моряков, командированных в капиталистические страны специалистов, деятелей искусств, дипломатов и даже чекистов побеги — далеко не редкое явление.

Но чтобы этого добиться, водителям приходилось очень хорошо платить, создавая условия работы, примерно соответствующие условиям работы водителей в капиталистических странах. Ведь если к каждому водителю нельзя приставить по помполиту, то его нужно так заинтересовать материально, чтобы ему и в голову не приходила мысль о побеге.

До последнего времени водителям полагались суточные в размере 52 западногерманских марок. Ночевали они в гостиницах, которые оплачивались по безналичному расчету. Однако по мере того, как цены в гостиницах, имеющих стоянки для грузовиков, перевалили за 100 немецких марок, в "Совтрансавто" стали задумываться о том, как сэкономить валюту. Вместо безналичного расчета за гостиницы водителям предложили выплачивать по 50 марок наличными за ночь. Этими деньгами они могли распоряжаться по собственному усмотрению. Такой выход сначала удовлетворил всех. "Совтрансавто" сэкономило валюту, а водители могли спать в машинах и на дополнительные деньги закупать западные товары. Вместе с суточными сумма получалась приличная. Однако руководству объединения экономия показала недостаточной.

Во время Чернобыльской катастрофы руководство "Совтрансавто", как, впрочем, и все советское руководство, проявило полную беспомощность. Идущим за границу машинам даже не изменили трассу, проходившую всего в нескольких десятках километров к югу от Чернобыля. Машины, отправлявшиеся в рейс, зачастую даже не подвергались дезактивации, а водители — медицинскому обследованию. Зато в делах "отъема денег у населения" была проявлена немалая изобретательность.

15 апреля сего года в "Совтранс" была введена новая система оплаты, автором которой считают самого генерального директора объединения генерала-майора Тенькова. Чтобы избежать неблагоприятного пропагандного резонанса (ведь в Советском Союзе никогда не уменьшают, а только увеличивают зарплату), прежние ставки были сохранены. Однако теперь выплачивают не за календарные сутки, а за суточную длину прогона.

Согласно правилам вождения шофер в Советском Союзе может сидеть за рулем не больше 7 часов в сутки, на Западе — не больше 8 часов. Якобы из этого расчета дневной прогон машины был определен в размере 800 км (по 400 км на водителя). Это значит, что почти все свое рабочее время шофер должен вести машину со средней скоростью, близкой к предельной (на шоссе-ных дорогах — а по ним чаще всего приходится ездить — максимальная дозволённая скорость грузовиков — 60 км/час, и лишь на автострадах — 80 км/час). Конечно, это невозможно: среднюю скорость значительно снижают неизбежные кратковременные остановки, пробки на дорогах и т. п.

Чтобы реально заработать свои 250 рублей в месяц, шоферу на внутренних трассах в СССР приходится теперь трудиться с 7 часов утра до поздней ночи или же превышать скорость. На Западе же к таким нарушениям техники безопасности относятся очень строго. На всех грузовых машинах, в том числе и на советских, работающих на Западе, установлены самописцы, автоматически регистрирующие скорость автомашины и продолжительность дневного прогона. Полицейские патрули регулярно останавливают машины, проверяют самописцы, штрафуют за малейшие нарушения. Все полиции Европы уже хорошо изучили фокусы "Совтрансавто" и

контролируют эти машины чаще других. Надеясь таким образом обмануть капиталистическую полицию, начальство распорядилось менять бумажные диски самописцев ежедневно, а не раз в неделю, как положено. Западногерманская полиция быстро раскусила и этот трюк и стала штрафовать за это на 110 марок. Заметим, что все штрафы: и за превышение скорости, и за "лысые" шины, которые начальство не хочет менять, и за манипуляции с самописцами — водителям приходится платить из собственных денег.

Ряд дополнительных условий делает новые тарифные прогоны совершенно нереальными. Так, на проезд через города выделяется совсем мизерное время — например, через полтора-миллионный Гамбург, где улицы забиты машинами, надо проехать всего за 25 минут! На разгрузку или погрузку выделяется половина рабочего дня (раньше полагался целый день), и уложиться в этот срок практически невозможно.

Почти одновременно был издан другой приказ, в целях экономии валюты запрещающий ездить по платным автострадам (во Франции, Италии и Австрии за проезд по автострадам взимается пошлина). На забитых же транспортом второстепенных дорогах грузовая машина не в состоянии развивать скорость более 30–35 км/час. Еще хуже положение на дорогах Польши и в СССР. Какое уж тут соблюдение тарифных прогонов!

Расчет показывает, что введение новой системы оплаты на деле означает снижение командировочных шоферам примерно на 40%. Новая система едва ли будет выгодна и для государства. Расходы на дополнительные ремонты, вызванные чрезмерной эксплуатацией машины, на лишнее горючее, сжигаемое на плохих дорогах, уменьшение валютных поступлений из-за ухудшения работы "Совтрансавто" — все это скорее всего перекроет копеечную экономию, извлеченную из карманов водителей.

Надо сказать, что введение новой системы не прошло без протестов. Началась волна увольнений "по собственному желанию". Уходят лучшие, самые опытные водители. Их заменяют молодежь. В некоторых автохозяйствах возникла нехватка шоферов.

История с ограблением шоферов "Совтрансавто" очень характерна для стиля советской экономики вообще: латание тришкиного кафтана вместо радикальных реформ. ●

Комментирует Ф. Бахтатов

Рисунки Т. Кофьян

I.

Переключка. — Тайна сия велика есть. — Итог неожиданный. — Раздвоение личности? — С купюрами и без. — Не лечение, а тыкание. — По обе стороны барьера. — Нечто об антиподах. — К вопросу о классификации бяк: несуны и прочие мздоимцы. — Лозунг, которому веришь. — Роковая черта. — Сплошь гуманисты. — Умышленное поставление последнего.

В нашем восприятии печатного слова возможны четыре основных варианта. 1. Текст понятен. 2. Текст непонятен и остается таковым, несмотря на все усилия. 3. Понимание наступает постепенно, в результате длительной работы: перечитывания, обдумывания, заглядывания в словари и справочники. 4. Текст представляется ясным, но стоит задуматься, и ты обнаружишь, что ничего не ясно.

К последней категории относятся документы, опубликованные в газетах 28 мая 1968 г.: "В ЦК КПСС", "В Совете Министров СССР", "В Президиуме Верховного Совета СССР". Могучие организации решили объединить силы для борьбы с общим злом — нетрудовыми доходами.

Нечто похожее на нашей памяти уже было, и даже не так давно, в марте прошлого года. В тот раз мы всем миром навалились на алкоголизм — явление международное. Про нетрудовые доходы этого не скажешь. Даже в беспокойной Италии массовая преступность более или менее ограничена Югом. Но главное: откуда эта напасть у нас, в Республике Труда, где труд — дело чести, дело славы, дело доблести и героизма, где уничтожена самая база нетрудовых доходов — экономическая, социальная, психологическая? Поистине тайна сия велика есть.

Обратимся к основному документу — постановлению ЦК. Поелику конкретные меры борьбы против зла изложены в двух других бумагах, логично предположить, что Центральный Комитет сосредоточится на анализе сути проблемы, выявлении ее истоков. Читаем: "Трудящиеся Советского Союза восприняли как свое кровное дело поставленные XXVII съездом партии задачи ускорения... самоотверженной работой на всех участках... настойчиво добиваются... Советские люди хорошо понимают, что в нашем государстве добросовестный труд на благо народа является главным источником экономического и оборонного могущества Родины, материального благосостояния каждой семьи, важнейшим условием... священной обязанностью. В стране проявляется постоянная забота о повышении авторитета честного, высокопроизводительного труда, неукоснительном проведении в жизнь основного принципа социализма... о дальнейшем усилении государственного и общественного контроля за мерой труда и потребления".

Уф! Даже в сокращении (благо читатель легко восстановит пропущенные места) прочесть это одним духом нелегко. Но прочесть стоит, ибо по прочтении перед нами возникает законченная картина. В этом впечатляющем полотне отчетливо различимы два сюжета: а) люди понимают; б) партия проявляет. Итог? А вот итог неожиданный. *"Вместе с тем имеется немало фактов, когда люди получают нетрудовые доходы"*.

Позвольте. Какие люди? Те самые, которые восприняли и хорошо понимают, или другие, которые не восприняли и не понимают? Если те же самые, то перед нами типичный психопатологический феномен раздвоения личности. Если другие, то их, очевидно, ничтожное меньшинство. Иначе мы столкнулись бы с другим феноменом, философским: противоречием между прогрессивным (и все прогрессирующим) бытием и бесконечно отсталым сознанием. Но тогда откуда берется "немало фактов"? Да и с чего бы это всемогущая партийно-правительственно-государственная триада, от которой зависят судьбы мира на планете Земля, стала бы заниматься несколькими нетипичными случаями? Снова тупик. Час от часу не легче.

Однако что это все-таки за нетрудовые доходы и как их можно получать в стране, где орудия и средства производства принадлежат государству, а все мы состоим на службе у этого государства? Я сознательно употребляю здесь слово государство, а не народ (хотя все знают, что это синонимы), ибо, боюсь, с народом мы окончательно запутаемся. Народ, который ворует у народа и, состоя на службе сам у себя, извлекает из этого нетрудовые доходы. Нет, это уж слишком.

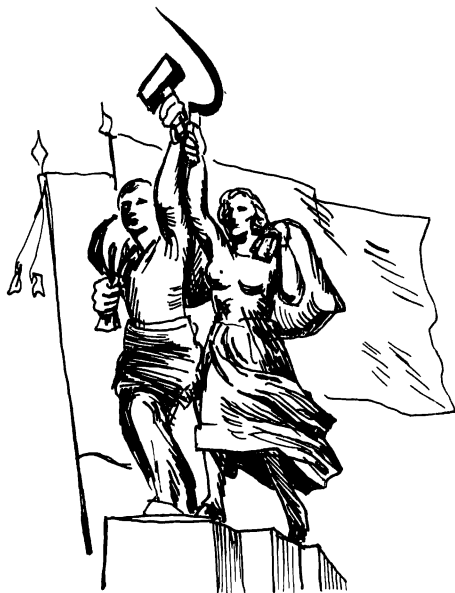
Итак, *"люди получают нетрудовые доходы, занимаясь хищениями, спекуляцией, взяточничеством, другими видами незаконной деятельности. Некоторые из них используют в целях наживы принадлежащие государству машины и механизмы, транспортные средства, жилую площадь, топливо, сырье и материалы. На предприятиях и в учреждениях торговли, бытового, коммунального, медицинского обслуживания, в учебных заведениях допускаются факты вымогательства дополнительной платы за оказание услуг, присвоения выручки, обмана граждан, протекционизма. На пути использования служебного положения нередко встают должностные лица. Стремление к стяжательству, легкое отношение к жизни не встречает осуждения в отдельных советских семьях"*.

На сей раз я привел цитату полностью. Купюры были бы неуместны, ибо если само явление известно, то указание на его масштабы в официальном документе, признание того, что хищения, спекуляция, взяточничество приобрели поистине всенародный характер, — момент, несомненно, новый и уже по одному этому заслуживающий внимания.

К сожалению, дальше констатации фактов ЦК не идет. Люди занимаются, некоторые из них используют, на предприятиях и в учреждениях допускаются, на пути использования нередко встают, в отдельных семьях стремление не встречает. А ведь так интересно было бы узнать, отчего занимаются и почему не встречает.

И это вовсе не абстрактный интерес. Не нами замечено: чтобы успешно лечить болезнь, неплохо знать ее причины.

О практической стороне дела мы еще поговорим, а пока займемся теорией. Постановление снова напоминает нам, что эти уродливые

явления несовместимы с социалистическим образом жизни, что мы имеем дело с "антиподами коммунистической морали". Вырисовывается четкая расстановка сил: по одну сторону барьера социалистический образ жизни и мораль; по другую — их антиподы.

Однако чем больше вчитываешься в постановления, тем яснее понимаешь, что все, увы, не так просто. И антиподов как-то слишком много. И сами эти антиподы очень уж разные. Конечно, туеядцы и спекулянты — тоже бяки, но они, наверное, чем-то отличаются от иных бяк: скажем, воров и взяточников.

С последними, казалось бы, сомнений нет. В любой стране воровство и взяточничество — преступления; в любой стране есть следствие, прокуратура, суд. Неужто до сих пор с этими преступлениями в Советском Союзе не боролись, и смысл постановления в том и состоит, чтобы указать правоохранительным органам на их прямые обязанности?

Разумеется, нет. Не сразу, ох, не сразу понимаешь, что есть нечто такое, что связывает в единое целое все эти, очень разные преступления. Это целое — о б р а з ж и з н и.

И постановление направлено не против преступников (для борьбы с ними хватило бы и уголовного кодекса), а против обычных людей, чье поведение — *естественное следствие навязанного им образа жизни.*

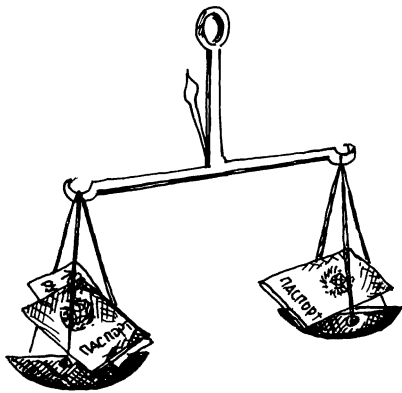
Убедиться в этом легко. Казалось бы, вор — это вор, а взяточник — взяточник, и нормального человека не надо убеждать, что воровать плохо. Но постановление почему-то предпочитает пользоваться иносказаниями: "казнокрады, мздоимцы, несуны и другие любители наживы за счет общества" — и призывает нас "поставить дело так", чтобы окружить их "всеобщим презрением". Не правда ли, странно, что мы не сделали этого раньше?..

Все, однако, вернется на свои места, если от общих слов мы перейдем к конкретным, представим себе те реальные ситуации, о которых говорится в постановлении.

Человек, работающий на заводе, фабрике, стройке, часто имеет дело с материальными ценностями. Это могут быть гвозди, колбаса, нитки, унитазы, бланки. В любом случае среди окружающих его предметов почти наверное есть дефицитные, потому что в социалистическом отечестве дефицитно многое, если не все. Но даже если сам по себе предмет формально не дефицитен (допустим, обувь), то он скорее всего непригоден для использования по прямому назначению. И это закономерно, ибо главная цель производства в Советском Союзе — не удовлетворение потребностей рынка (то есть населения), а выполнение плана, показателей, обязательств, руководящих указаний и установок.

Можно ли ожидать, что человек, работающий с гвоздями и постоянно наблюдающий за тем, сколько их выбрасывается, не захватит с собой добрую жменьку дефицитных гвоздей? Можно. Но трудно. Еще труднее вообразить "отдельную советскую жену", которая встретит несуну с гневом и возмущением. Куда легче представить такой ее диалог с соседкой: "Твой, небось, таскает колбасу, а мой дурак — гвозди". Я был знаком с главным инженером крупного завода, который как-то принес с работы карандаши. "Надоело, — сказал он устало, — все таскают, а мне нечего. Решил унести хотя бы карандаши со своего стола".

Столь же прозрачна ситуация с гостиницей. Человек, приехавший в командировку, или, страшно вымолвить, по личным делам, заранее знает, что в гостинице его встретит лозунг: "Мест нет". И это отнюдь не тот лозунг ("Высшая цель партии — благо народа!"), которому можно не верить. Мест, действительно, нет, точнее — очень мало. И потому,

что гостиниц в любом городе не хватает. И потому, что лучшие места "бронированы" для представителей привилегированного сословия и знатных иностранцев.

В распоряжении директора или администратора есть всего несколько свободных мест, а претендентов сотни. В задаче спрашивается: по какому принципу администратор будет распределять эти места, если собственная его зарплата ничтожна, а удовлетворить всех нуждающихся он все равно не в состоянии?

Ответ, я полагаю, ясен. Неопытный клиент, оказавшись у заветного окошка, начнет что-то бормотать о безвыходном положении и о том, что он "в долгу не останется"; опытный — решительно протянет администратору паспорт с вложенной в него десяткой. Если в этот момент перехватить его руку, он окажется взяточдателем и даже не сможет сослаться на то, что взятку у него вымогали. Никто у него ничего не вымогал: администратору совершенно безразлично, от кого он эту десятку получит. Но если грозная рука правосудия опустится чуть позже, то на скамье подсудимых окажется и администратор. Он — взяточполучатель.

Говорят, больных в возрасте за 70 лет больницы не принимают. Однако некоторые люди не только пересекают роковую черту, но и после этого позволяют себе болеть. Снова возникает проблема. Знакомый главврач, к которому я обратился однажды с просьбой устроить в больницу сломавшую ногу родственницу, поглядел на меня, пожевал губами.

— Я, конечно, могу распорядиться... Но это вызовет разговоры, недовольство, может вредно отразиться на больной. Попробуйте сначала побеседовать с дежурным врачом. Скажите, что больной, положим, 68 лет.

— Он же потребует паспорт!

— Не обязательно, совсем не обязательно, — главврач улыбнулся. — Все зависит от того, как беседовать... Врачи у нас — сплошь гуманисты.

Разговор с врачом занял десять секунд; паспорт не потребовался. И стоило это совсем не дорого. Санитарка обошлась дороже, ей каждый день надо было давать. Не потому, что она, упаси Бог, вымогала. Просто на сто лежачих больных было всего две санитарки. Понятно, что давали все.

Знакомый преподаватель института, на которого впервые возложили тяжкую миссию принимать вступительные экзамены по физике, три последних дня не ночевал дома: скрывался от знакомых. В день экзаменов его пригласил к себе ректор — на инструктаж. Инструктаж не затянулся. Ректор вручил ему длинный список фамилий: "Первые десять — ЦК; следующие — Совмин и Президиум; остальные — разные. А всего можно пропустить не больше тридцати".

— Три свободных места были оставлены для меня, — пояснил экзаменатор. — Преподавателям ведь тоже надо жить. Но перед самым началом ко мне подошел коллега, бедный преподаватель английского. Он просил за сына. Отказать ему, после всего, у меня не хватило совести. Впрочем, одну пятерку я поставил честно: уж очень яркий был мальчик. Попал? Представьте себе, нет. Срезали по математике.

Советские праведы ломают голову. Согласно ст. 173 УК РСФСР и разъяснениям Верховного Суда СССР, ответственность за получение взятки несет лишь должностное лицо. Можно ли считать должностным лицом администратора гостиницы? А дежурного врача? А нянечку? И вымогает ли взятку администратор, объявляя, что мест нет? Причиняет ли это "ущерб законным интересам взяточдателя", означает ли это "умышленное поставление последнего в такие условия, при которых он вынужден дать взятку для

предотвращения вредных последствий его правоохраняемым интересам"? (Во избежание упреков в косноязычии: все закавыченные места заимствованы из постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 г.)

Теперь понимаешь, почему родной Центральный Комитет предпочитает сухому, казенному термину *взятка* слова житейские, домашние: *поборы, мзда*. А что, настоящего взяточничества не существует? Ого, и еще какое! Но это особая материя. И разговор о ней особый.

II.

Трудный разговор. — Ни романтики тебе, ни приключений. — Считать невозможным. — Куда ломится высший орган нашей партии. — Кадр и за кадром. — Лирика любви. — Шум силой в ноль децибел. — Что может быть хуже? — Этюд о перепадах высот. — Траектория высочайшего пальца. — Нереально.

Разговор этот труден не потому, что автору не хватает фактов. Напротив, фактов слишком много. О советской коррупции написаны солидные исследования, романы, поэмы; немало писал о ней и наш журнал. Что тут можно добавить? Еще десяток сцен с участием примадонн, секретарей обкомов и горкомов, и статистов — начальников управлений, торгов, директоров магазинов, продавцов? Не знаю, как вам, а мне скучно. Ни романтики тебе, ни приключений. Обыденность.

И все-таки в постановлении ЦК есть моменты, которые заставляют вернуться к этой постылой теме. Например, такой пассаж. *"При подборе и расстановке кадров обращать особое внимание на политические и деловые качества, а также на моральную чистоту работников, решительно пресекать факты корыстолюбия, злоупотребления служебным положением, покровительства нечестным людям. Считать невозможным использование на руководящей работе лиц, скомпрометировавших себя подобными действиями"*.

Первое впечатление: высший орган нашей партии ломится в открытую дверь. Неужели в канун 70-летия советской власти партийным комитетам все еще надо толковать про деловые и политические качества? Нет, конечно. А вот про моральную чистоту — это да. Оказывается, жуликов, людей нечестных, скомпрометированных отныне не рекомендуется использовать на руководящей работе.

А раньше рекомендовалось? Глупый вопрос. Раньше вопросы назначения этих самых кадров целиком относились к компетенции того партийного комитета, в чью номенклатуру входил данный кадр, а практически — в компетенцию первого секретаря. Естественно, что секретарь и решал, считать ли данное руководящее лицо жуликом или, наоборот, ценным работником, которому просто ничто человеческое не чуждо.

Поэтому не станем всплескивать руками и удивляться наивности иных партийных вождей, введенных в заблуждение особо хитроумным жуликом. В чем, в чем, а в наивности и ротозействе секретарей партийных комитетов не упрекнешь. И если жулик попадал на руководящий пост, то попадал не случайно, не по ошибке. Это значило, что на данной должности (обычно хлебной) секретарю нужен именно жулик, причем — опытный. Для чего нужен, по-моему, объяснять не надо. Секретарь — тоже человек, а в мире, где мы живем, все так изменчиво, так непостоянно.

И людей, которые сидят в ЦК и пишут постановления, не заподозришь в наивности. Всю эту механику они знают до тонкостей, иллюзий у них давно уже нет. Но знают они и другое: эти самые, которые покровительствуют "нечестным" и "скомпрометировавшим себя", — опора, фундамент власти. И в случае чего они перегрызут глотку ее врагам. Не из-за идеалов, конечно, а потому, что это их собственная, родная и любимая власть. Любимая, в частности за то, что отдает им район, область, край на о т к у п и с похвальной скромностью закрывает глаза на то, что там происходит. Вот когда секретаря снимут, глаза приоткроются, и газетам спущено будет указание ахать и охать. "Нет, вы только представьте, какой негодяй! Кто бы мог подумать! Брал, давал, сажал, строил, охотился, завел гарем".

Впрочем, и тогда ахи и охи будут не слишком громкими. Пропорция тут обратная: чем выше слетевшая персона, тем ниже шум. В пределе шум равен нулю децибел. Рухнул столп, второй человек в государстве — Романов, грохнулись такие зубы, как Гришин и Промыслов. А шум нулевой. Тишина.

Дело не только в том, что разоблачение высоких персон подрывает престиж и устойчивость власти. Дело еще и в том, что такого рода шалости вызывают у начальства смешанные чувства. С одной стороны, конечно, нехорошо. Но с другой — понятно. Человеку дано право распоряжаться всем: людьми и колбасой, посевами и телевизорами. Вместе с тем в одночасье всего этого можно лишиться. Человека тоже надо понять: уж очень велик соблазн.

На заре советской власти Владимир Ильич гневался: "Что может быть хуже! Партия защищает своих мерзавцев". Умудренные опытом наследники Ильича знают ответ на этот вопрос: "Было бы хуже, если бы партия защищала чужих мерзавцев".

Мне скажут, что хоть в этом-то смысле советская власть неоригинальна. Чиновник в любой стране — временщик. И при любой системе группа, стоящая у власти, защищает своих мерзавцев. С этим, пожалуй, можно согласиться, но при двух оговорках. Первая касается уровня, перепада высот. Вторая, как можно догадаться, гласности.

На Западе положение чиновника, даже самого высокого ранга, — далеко не предел мечтаний. Умный и энергичный человек вполне может выбрать иную карьеру и достичь большего. Характерно, что в Соединенных Штатах человек, становящийся министром, обычно теряет в зарплатке. К примеру, оклад директора какого-нибудь крупного общественного фонда (Форда, Рокфеллера) в четыре-пять раз выше оклада министра. Если люди все-таки принимают министерскую должность, то еще и потому, что действительно не хлебом единым жив человек. Есть еще честолюбие, амбиции, интерес к работе. И даже, представьте себе, идеалы.

Потеря места для такого человека — отнюдь не катастрофа. Положение администратора в частной компании, бизнесмена, университетского профессора достаточно почетно. При смещении (даже падением этого не назовешь) чиновник, наверно, что-то потеряет, но кое-что и выигрывает. При том условии, конечно, что он сохранит репутацию.

В Советском Союзе смещение — это подлинная катастрофа. Падение с одного, недостижимо высокого для американского чиновника уровня на другой, недостижимо низкий. Тот уровень, на котором люди стоят в очередях и достают масло, носят уродливые пиджаки и мозолеобразующие туфли, штурмом берут автобусы, угодничают перед администраторами гостиниц, продавщицами магазинов, официантками, панически боятся милиционеров.

Падение ужасное. И с репутацией, вынесенной с прежней должности, новая жизнь никак не связана. Никто не предложит падшему более скромную, но достойную работу. Ему вообще никто ничего не предложит, просто не посмеет. Кадровые вопросы такого уровня решают только в ЦК. И руководствуются при этом отнюдь не репутацией, а куда более вескими соображениями. Да, сам чиновник отныне потерял право распоряжаться людскими судьбами. Но другие это право сохранили.

Теперь о гласности. История знаменитого импичмента, жертвой которого стал президент Ричард Никсон, достаточно памятна. Менее памятно, что почти одновременно с ним пал вице-президент США Спиро Агню. Но не потому, что Агню был связан с Никсоном или имел отношение к Уотергейту. Еще до всего этого дела ушлые газетчики раскопали, что в прошлом была у Агню какая-то сомнительная операция с налогами. И Спиро Агню не только не стал преемником президента, но и перестал быть вице.

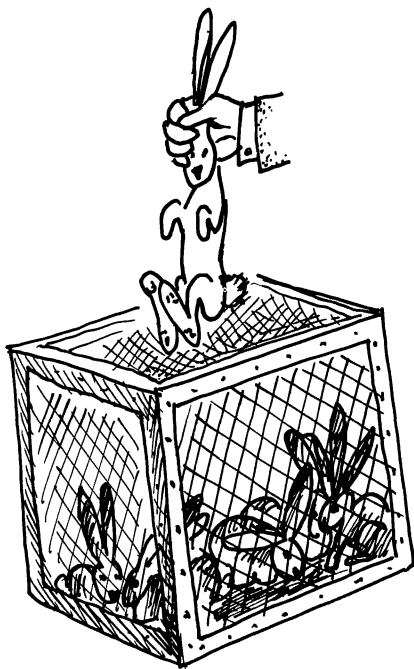
Нашим вождям такое, слава Богу, не угрожает. И потому, что мы о них ничего не знаем, — у них вообще нет никакой репутации. И потому, что ежели краем уха мы что-то и слышали, лучше молчать. От того, что я скажу, карьера вождя не пострадает. Неприятности будут у меня.

Но если падение начальственной особы порой и проясняет какие-то детали ее биографии, то восшествие на пьедестал — никогда. Где-то там, за облаками, высочайший палец уперся в избранника. Президиум Верховного Совета отштемпелевал указ. Газеты тиснули процеженную биографию: "Родился. В семье. Окончил. Вступил. Работал". Через год высший орган государственной власти оптом узаконит перемены.

Власть президента Соединенных Штатов велика. Однако назначения на все ключевые посты он производит "с совета и согласия Сената". На экране телевизоров видно, как нелегко приходится кандидату. Сенаторы придирчиво копаются в его прошлом, задают весьма ехидные вопросы об источниках доходов и семейных делах, прямо в лоб спрашивают, с чего это кандидат возжелал вдруг заняться государственной деятельностью.

Американский закон защищает от клеветы любого человека. Но на президента, министров и прочих высокопоставленных лиц защита не распространяется. Они обязаны терпеть клевету, это "вредность", заложенная в самой профессии. Не хочешь? Пожалуйста. В президенты и министры силой не загоняют.

И уж конечно любой государственный деятель любой западной страны находится под неусыпным надзором прессы. Сомнительные друзья, слишком дорогое платье жены, нежелание отвечать на вопросы журналистов — все это сразу же попадает на страницы

газет, становится предметом широкого обсуждения. Общественность не только вправе, но и обязана знать, кому доверено руководство общественными делами.

У нас ничего этого нет: ни общественных дел, ни самой общественности. Время от времени высокое должностное лицо изволит сыграть роль в примитивной пьеске "Встреча с..."; неважно, с кем — шахтерами, сталеварами, с работниками столовой № 132 — встречается именитая особа. Важно, что это — п и е с а, в которой заранее расписано все: декорации, роли, монологи главного героя, реплики второстепенных персонажей и даже аплодисменты публики.

Все дела у нас партийные. Партия назначает, партия контролирует. А поскольку партия персонифицирована во вполне конкретных личностях, то любой руководитель знает, кого ему нужно и кого не нужно бояться. Общественности, нас с вами, бояться ему нечего, а вот тех, от кого он зависит, о-го-го! Выполняемая работа, чистота рук, взятки — все это вопрос десятый. А первый — отношения в том замкнутом круге, который и есть его отечество.

Понятно, не каждый в этом круге ворует и берет взятки. Более того, я уверен, что не каждый одобряет или хотя бы приемлет такого рода деятельность. Есть, наверное, немало людей в самом высоком аппарате, которые считают, что с подобной практикой надо кончать. Но как? Дать Верховному Совету не опереточную, а реальную власть? Лишить секретаря обкома права назначать, снимать, решать все вопросы по своему усмотрению? Предоставить газетам возможность открыто критиковать деятельность тех комитетов, чьими органами они являются? Короче, отказаться от руководящей роли партии, от ее права вести, учить, выражать, вдохновлять, определять, назначать, символизировать, контролировать? Нереально.

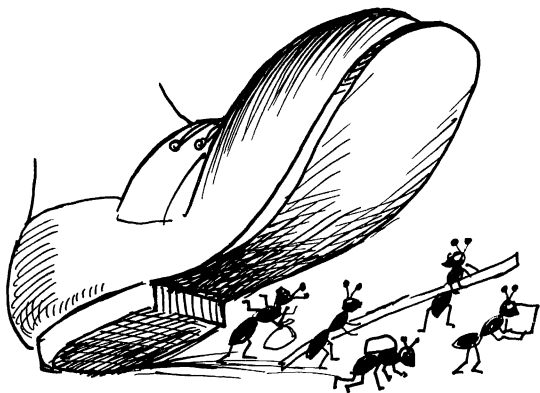
А коль скоро это нереально, нереальна и сколько-нибудь эффективная борьба с антиподами. Потому как с одной стороны, они, конечно, антиподы морали, с другой —

прямое следствие социалистического бытия. Тут уж ничего не поделаешь. Реальный социализм рождает коррупцию и все остальное, как мелкое крестьянское хозяйство рождает капитализм: ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе.

И не о том сейчас речь, чтобы искоренить это зло (так, по-моему, вопрос даже не ставится), а о том, чтобы ввести его в некоторые рамки. Это как с алкоголизмом: пей, но не напивайся. А если уж перебрал — с кем не бывает, — не мозоль глаза публике, иди себе домой и проспись. Партия разберется.

Нет, весь пафос постановления ЦК — и в том его примечательная особен-

ность — направлен на борьбу не с высокими (а потому отдельными) расхитителями, взяточниками, людьми, злоупотребляющими служебным положением (чтобы злоупотреблять, надо это положение иметь), а со стихией, с массой. С рабочими-несунами. С шоферами-леваками. С кондукторами, которые возят безбилетных пассажиров. С администраторами гостиниц, врачами, преподавателями, санитарками. Короче, с теми, кто дает и берет. А поскольку дают и берут в с е (или почти все), это борьба со всеми. С дающе-берущим образом жизни.

Опасная борьба, не правда ли? Прежде чем начинать ее, стоило не раз и не два подумать. И если Михаил Сергеевич — человек осторожный и благоразумный — все-таки решился на борьбу, значит, он был уверен в поддержке. Интересно, с чьей стороны?..

III.

Ключ ко всему. — Искусство возмущаться. — Можно ли верить дежурным фразам? — Мой добрый знакомый. — Всеобщая дательно-брательная. — С голой зарплаты много не дашь. — Чтоб невестка слышала. — Этажи и подвалы. — Старинная английская молитва.

Я думаю, что ключ к постановлению ЦК — в следующем абзаце: *”Такие несовместимые с социалистическим образом жизни уродливые явления идут вразрез с интересами трудящихся, вызывают справедливое возмущение советских граждан. В своих обращениях в центральные и местные органы они настаивают на принятии решительных мер по искоренению нетрудовых доходов. Центральный Комитет КПСС целиком поддерживает эти требования...”*

Ну, с несовместимостью все ясно. А как насчет справедливого возмущения и требования решительных мер? Читатель усмехнется. Чем только мы не возмущались и чего не требовали!

Возмущались преступлениями Промпартии и нежеланием кулаков отдавать хлеб, возмущались вредителями, шпионами, троцкистско-бухаринскими выродками. А как славно мы возмущались театральными критиками, космополитами, морганистами-вейсманистами, кибернетиками, сионистами, американскими империалистами и даже культом личности. И требовали мы многого: расстрелов, удлинения рабочего дня, субботников, воскресников и пр. и пр. — всего не упомнишь.

Можно ли после этого верить дежурным фразам постановления? Я думаю, что да, можно. Можно потому, что хотя все мы (снова оговорюсь: почти все) несем, тащим, берем и даем, живется нам при всем том плохо. Из рук вон плохо.

Но если мы, простите, сами ворует и берем взятки (правда, и даем тоже), то чего же мы хотим: чтобы партия с нами боролась? Да, именно этого мы хотим. Понятно, чтобы боролась не со мной лично, — кто я такой?! я шофер, человек маленький, беру только потому, что иначе не проживешь, — а со всеми остальными: с администраторами, кондукторами, продавцами, управдомами.

Мой добрый знакомый, известный и уважаемый взяточник, горько сетовал, что жить невозможно: везде поборы. Едешь в Москву по делам службы — плати в гостинице; вызвал слесаря — гони пятерку; даже управдому за справку, что я в этом доме живу, надо выложить трояк. Когда, наконец, это кончится!

Хорошо, граждане негодуют, граждане требуют. А партия? Насколько искренне партия их поддерживает? ”Ну, знаете ли!” — возмутится читатель. И будет неправ. Потому что ответ на этот вопрос отнюдь не очевиден.

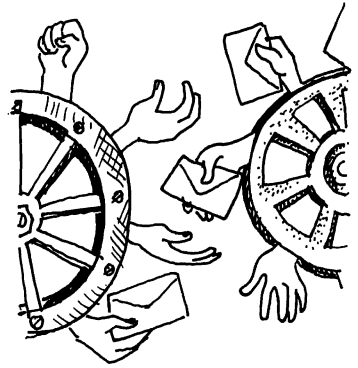
Разговор не только о тех нехороших руководителях, которые сами берут и понимают, что с голой зарплатой много не дашь. Разговор куда более серьезный. Всеобщая дательно-брательная система выполняет в социалистическом обществе полезные и важные функции. Например, способствует производству дефицитных товаров. Стимулирует торговлю. Ускоряет оборот железнодорожного и автомобильного транспорта. Повышает производительность труда командировочных. Улучшает качество медицинского обслуживания. И так далее и тому подобное. Пренебречь всеми этими важными функциями партия не может.

С другой стороны, людям все-таки живется плохо. Они ропщут, возмущаются, требуют. И это тоже фактор, который приходится учитывать. Да и глупо было бы не использовать уверенность людей в том, что они знают ответ на извечный российский вопрос: "Кто виноват?" Ясное дело, виноваты мы сами. То есть опять-таки не лично я, а другие. Рабочие колбасной фабрики, которые тащат колбасу. Продавцы магазина, снабжающие дефицитом знакомых. Официанты, которые не докладывают в тарелку и еще обчитывают. Особенно же виноваты всякие завы: завмаги, завхозы, завскладами, завбазами, завзоопарками. Это они, сволочи, купаются в золоте, едят столовыми ложками черную икру, устилают квартиры персидскими коврами и уставляют серванты хрусталем и фарфором. Вот почему всего не хватает: хороших вещей и денег. И еще виноваты спекулянты — у них ведь все есть. А раз есть у них, значит, страна не оскудела. Просто вещи попадают к нам не прямо, а через их загребушие, жадные руки.

Повторяю, грех было бы не использовать эту поистине всенародную веру. Уже хотя бы потому, что она освобождает всех — и партию, и народ — от тяжелой обязанности

искать других виноватых. В этом смысле справедливо будет сказать, что постановление ЦК направлено не столько на борьбу с нетрудовыми доходами, сколько на *подкрепление общей уверенности*. Наконец-то виновник найден! Вот уж искренним взяточников, казнокрадов, мздоимцев, несунов — и наступит эра изобилия. Полки магазинов будут ломиться от продуктов и товаров. Изделия будут не в пример лучше — почти как импортные. Официантки станут вежливыми и предупредительными. Сразу появятся и номера в гостиницах, и койки в больницах. В институт сможет поступить каждый; ну хотя бы каждый, у кого есть хоть какие-то способности.

Я не хочу никого оглуплять: ни простых советских, ни непростых — тех, что пишут постановления. Простые — они ведь тоже совсем не так просты, они многое понимают. Например, что ругать власть себе дороже. Куда спокойнее честить продавцов и спекулянтов, как ругают дочь, — чтоб невестка слышала.

А непростые, те вообще все понимают. И про невестку, и про пользу этих самых нетрудовых доходов, и про то, что если их и удастся чудом искоренить, станет еще хуже. Ибо, говоря прямо, во всем многоэтажном здании советской экономики работает по-настоящему один лишь подвальный этаж; в остальной части здания больше имитируют работу, производят видимость. А видимость, увы, нельзя есть, и на ноги, вместо обуви, ее не наденешь.

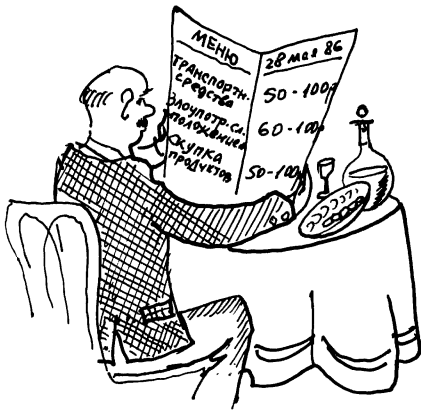
Потому-то меры борьбы, предусмотренные постановлением ЦК, чем-то напоминают английскую молитву. Молитва эта звучит примерно так. Дай мне, Господи, силы бороться с тем, с чем можно бороться; дай мне терпение, чтобы смириться с тем, с чем бороться бессмысленно; а главное, Господи, дай мне мудрость, чтобы отличать первое от второго.

IV.

Крепить замки! — В силу нераспорядительности и безответственности. — Проект мраморногоobeliska на Красной площади. — Отныне надлежит. — Два неприятных вопроса. — Гарантии нет. — Тьма тьмуцая. — Что важнее: корм или конь? — Редчайший случай. — Горы — может быть... — Диалектика.

Даже беглый просмотр опубликованных документов показывает, что в борьбе с нетрудовыми доходами партия и правительство намерены использовать средства трех видов. Во-первых, карательные меры. Соответствующий указ Президиума Верховного

Совета СССР напоминает преЙскурант. Самовольное использование в корыстных целях транспортных средств... влечет наложение административного взыскания в виде штрафа на граждан в размере до ста рублей и на должностных лиц до двухсот рублей; уклонение от подачи декларации о доходах от занятий кустарно-ремесленным промыслом — от пятидесяти до ста; скупка в магазинах хлеба, муки, крупы — от пятидесяти до ста; мелкое хищение — от двадцати до двухсот. И так далее. Правда, указ предусматривает и усиление уголовной ответственности — например, за взяточничество. Но все же преобладающая мера наказания — штраф. У законодателей хватило ума, чтобы понять: всех не пересажаешь.

Вторая категория мер тоже весьма реалистична. ЦК КПСС предупреждает: воры были и будут, а посему — крепить замки. Рекомендуются навести строгий порядок в учете материальных ценностей, в расходовании сырья и материалов, решительно устранять любые проявления бесконтрольности... обеспечить надежную сохранность социалистической собственности, установить контроль за использованием излишней жилой площади, укрепить паспортный режим в городах, усилить контроль за работой колхозных рынков, повысить эффективность работы финансовых органов, ведомственных ревизионно-контрольных служб, органов народного контроля. Короче, "перекрыть все каналы и лазейки для незаконного обогащения".

Сильно сказано, а? И тем не менее впечатление такое, что сами авторы постановления не очень верят в эффективность принимаемых ими мер. Почему? Потому что они не хуже нас понимают: пока в магазинах нет гвоздей, их будут тащить с заводов истроек; пока в гостиницах не хватает мест, администратор будет получать мзду; пока государ-

ство не научится производить нужные населению товары, будет существовать "незаконный промысел". Отсюда — меры третьего типа: увеличить производство товаров повышенного спроса, расширить продажу населению запасных частей, строительных материалов, предметов обустройства квартир; создать в кратчайшие сроки материальные и

организационные предпосылки для удовлетворения потребностей населения в услугах; улучшить работу предприятий торговли, бытового и медицинского обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства; повысить значение комиссионной торговли...

Вот эта третья категория мер интересует меня (и думаю, не только меня) больше всего. Не только с практической точки зрения, но и с экономической, психологической, даже философской. Читаем. *"Оперативно и предметно изучать причины появляющегося дефицита на отдельные товары и услуги, отказа в предоставлении мест в гостиницах, в продаже билетов на транспорт, принимать эффективные меры, когда дефицит создается в силу нераспорядительности и безответственности некоторых работников, решительно пресекать любые проявления равнодушия и беспечности к нуждам людей"*.

Я убежден, что этот короткий абзац стоит дороже многих диссертаций. Будь на то моя воля, я высек бы его на мраморном обелиске в честь советской власти и установил обелиск в центре мира, на Красной площади.

В самом деле. "Оперативно и предметно" изучать причины дефицита, разумеется, полезно. Но и без специального изучения ясно, что дефицит появился (и не перестает появляться) потому, что советское хозяйство неэффективно: товаров и продуктов мало, качество их низкое, число гостиниц, поездов, больниц, мастерских и пр. недостаточно. И причины этой неэффективности очевидны: административные методы управления экономикой, мистика показателей, колхозно-совхозная абракадабра. Что тут еще изучать?

Самое замечательное, что эта мысль достаточно четко выражена все в том же абзаце. ЦК КПСС требует принимать эффективные меры, когда дефицит создается в силу нераспорядительности и безответственности некоторых работников, равнодушия и беспечности. Да, такие случаи бывают. Но простите, как быть во всех других случаях? Ведь, согласитесь, никак невозможно поверить, что тотальный дефицит, охвативший на протяжении почти семидесяти лет все пространство от Балтийского моря до Тихого океана, — следствие нераспорядительности (безответственности, беспечности, равнодушия) некоторых работников.

Иначе нам придется признать, что эти "некоторые" — люди весьма высокопоставленные, и применить к ним ту меру ответственности, которую они требуют применять к другим. И даже гораздо более тяжелую, ибо если те должны нести ответственность

за отдельные случаи дефицита, то насколько серьезнее вина этих, сделавших дефицит повседневным явлением в жизни огромного народа! И квалификация их действий четко обозначена: нераспорядительность, безответственность, беспечность, равнодушие к нуждам людей.

Мне взрывает, что постановление ЦК как раз и направлено на то, чтобы коренным образом изменить положение. Отныне всем, от кого это зависит, надлежит уделять самое пристальное внимание, создать в кратчайшие сроки, улучшить работу и даже предусмотреть дополнительные меры. Разве не так?

Так. Однако сразу же возникают два неприятных вопроса. Первый: почему в течение семидесяти лет указанные организации не уделяли, не создавали, не улучшали и не предусматривали? Второй: где гарантия, что на семидесятом году они, наконец, это сделают, и их усилия принесут плоды?

На первый вопрос я отвечать не буду: допустим, он риторический. А со вторым, по моему, ясно. Такой гарантии нет. Но ведь сам Центральный Комитет?.. Правильно. Однако позволю себе напомнить читателю, что только за последние годы тот же Центральный Комитет принял Продовольственную программу и Комплексную программу развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на 1986—2000 годы, а съезд (который главнее даже самого Центрального Комитета) утвердил новую редакцию Программы КПСС, Основные направления экономического и социального развития СССР, принял Резолюцию. Это я перечисляю только основные документы самых последних лет. А сколько их — основных и менее основных — было принято за семьдесят лет? Тьма тьмущая. И что же? А ничего.

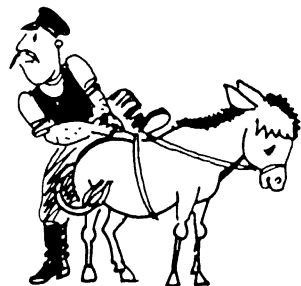
Вот я и прошу, чтобы мне объяснили, чем, с точки зрения действительности, последний документ отличается от предпоследних и от тех, что были до предпоследних. Конечно, он имеет в виду благородную цель: покончить с нетрудовыми доходами. Однако предшествующие документы преследовали еще более возвышенные цели. Накормить народ. Обеспечить население товарами и услугами. Приблизить коммунизм.

Кто-то на моем месте стал бы ехидничать: дескать, благиими намерениями ад вымошен. Но я человек доверчивый. Я верю и в серьезность намерений Михаила Сергеевича, и в его искреннее желание эти намерения осуществить. А сомневаюсь я в том, что при существующей экономической системе это возможно. Потому что если важен корм, которым кормят коня, то не менее важен и сам конь.

Я понимаю: менять коня трудно. Но давайте смотреть на вещи трезво. Ну, не везет этот конь, не тянет. Как ни уговаривал его Владимир Ильич, как ни дубасил Иосиф Виссарионович, сколько ни менял хомутов Никита Сергеич. Теперь вот Михаил Сергеевич собирается что-то странное сделать с подпругой: слева отпустить, справа подтянуть.

Нетрудовые доходы — зверь, в ненависти к которому народ и партия — случай редчайший — едины. Кажется, такой союз способен свернуть горы. Горы — может быть, нетрудовые доходы — нет. Если система устроена так, что трудовые доходы не обеспечивают нормальных условий жизни, то люди, естественно, прибегают к нетрудовым. Не потому, что они, эти люди, по природе своей взяточники, казнокрады, мздоимцы, несуны и прочие любители наживы за счет общества, а потому что, как было мудро сказано в "Кратком курсе", людям, "чтобы жить, нужно иметь пищу, одежду, обувь, жилище, топливо и т. п."

Что же, одной рукой народ будет брать и давать, а другой — бороться? Именно так. И это не должно нас особенно удивлять. Диалектика. ●

ПРОЕКТ ВЕКА

Ни одно начинание советской власти не вызвало столько разноречивых суждений, как переброска стока северных рек СССР на юг страны. Авторы проекта считали и считают, что таким образом они исправят ошибку природы, которая направила 85% пресной воды России не туда, куда надо. Пропаганда подняла на щит "проект века" как еще одно доказательство могущества социалистической системы, преобразующей природу во имя светлого будущего. Ученый мир по-разному оценивал эту затею. Профессор Т.Густавсон из Джорджтаунского университета, видный специалист по советской экономике и экологии, сказал: нечто подобное можно осуществить скорее на Луне, нежели на Земле. Крупный советский географ, ныне покойный И.П.Герасимов считал, что изъятие северного стока может привести к непредсказуемым изменениям климата Арктики и всего Северного полушария. Другие советские ученые не считают возможные негативные последствия столь уж значительными, а идея воспользоваться чистой водой Севера для ирригации засушливых районов Юга и пополнения усыхающего Каспия в самом деле соблазнительна. Знарок проблемы, профессор университета Западного Мичигана Ф.Миклин утверждает, что преобразование гидрогеографии европейской части страны и Сибири приведет к положительным результатам в одних районах и к губительным в других.

По понятным причинам не все советские гидрологи могли высказаться о проекте века с достаточной искренностью и прямоотой. Зато среди ученых других специальностей, а также гуманитарной интеллигенции протесты достигли весьма высокой ноты, особенно после того, как стали известны подробности технико-экономического обоснования проекта. Писатели, художники, члены Академии наук в письмах, адресованных Центральному Комитету и Политбюро, взволнованно говорили о превращении русского Севера в пустыню, гибели природных ресурсов, о бессмысленной трате средств и уничтожении уникальных памятников русского зодчества и старины. "Мы лишаемся Севера — самого важного района русской (увы, уменьшающейся) нации", — писал акад. Д.С.Лихачев. Мы лишаемся Севера во имя крайне сомнительных попыток подправить сельское хозяйство Юга с помощью расточительных экстенсивных программ, уточняют писатели Юрий Бондарев, Валентин Распутин и Василь Быков. Последний даже грозился сжечь себя публично, если переброска рек будет осуществлена (журнал "The Economist" 1986, Feb. 22).

Еще год назад казалось, что дело уже решено и спорить больше не о чем. Для начала предполагался поворот вспять части реки Онеги в бассейн Волги. Готовилось строительство баржаков, подъездных путей, бетонирование фундаментов насосных станций и т.д. Остановить запущенную на полный ход машину могло только новое начальство, люди, пришедшие к власти вместе с Горбачевым. Столь же равнодушные к родной природе, как и старые, эти "новые" тем не менее показали себя несколько более практичными и осторожными в своей экономической политике. Но что заставило их отступить?

1.

Идея поворота северных рек вспять имеет полутравековую историю, однако технические возможности ее осуществления появились лишь после Второй мировой войны. Об экономической целесообразности проекта заговорили лишь недавно, 15 лет назад, когда возник серьезный дефицит воднохозяйственного баланса в густонаселенных районах (Центральная Россия, Волжский бассейн, Украина, Кавказ, Средняя Азия). Здесь сосредоточено около 75% населения, на эти области приходится 98% пахотных земель, четыре пятых всех промышленных предприятий — и только 24% водных ресурсов страны.

Напомним, что понятия "водный баланс" и "воднохозяйственный баланс" неравнозначны. При дефиците воднохозяйственного баланса воды не хватает не вообще, а для выполнения хозяйственных функций. Этих функций у рек южных равнин СССР довольно много.

Прежде всего реки должны давать электроэнергию. По этой причине Волга и ее притоки перегорожены двенадцатью крупными плотинами, Днепр — шестью, Днестр — двумя. По одной плотине имеют Дон и Кубань. Десятки плотин возведены также на притоках этих рек. И хотя гидроэнергия в целом дает лишь незначительные прибавки к энергобалансу Юга страны — всего около 6–8%, огромные водохранилища за дамбами гидроэлектростанций затопили плодороднейшие земли, ухудшили дренажную способность почв и бесмысленно испаряют со своей поверхности драгоценную влагу. Энергетический потенциал равнинных рек Юга исчерпан, не говоря уже о том, что роль гидроэнергетики в конце XX столетия вообще уменьшается, но остановить производство гидроэнергии в СССР невозможно. Энергетическая система Юга европейской части страны функционирует таким образом, что все эти ГЭС снимают пиковую нагрузку в электросети. Ведь гидротурбины можно запустить или остановить в любой момент, чего нельзя сделать с энергоблоками атомных и тепловых электростанций. Известно, что большинство ГЭС могут работать в пиковом режиме (то есть в короткие периоды, когда электросеть данного района перегружена), даже если сток рек уменьшится еще больше, чем сейчас. Уже с этой точки зрения переброска стока северных рек на Юг для поддержания гидроэнергетики не имеет смысла.

Другое назначение рек — обеспечивать судоходство. Создание каскада водохранилищ обеспечило судам устойчивые глубины, хотя и замедлило скорость передвижения судов, вынужденных теперь проходить шлюзы. Столь распространенная в сталинские времена мания соединять моря судоходными каналами обеднила реки водой. Экономически бессмысленным и экологически вредным оказался прославленный Беломорско-Балтийский водный путь. Таким же бессмысленным признают теперь специалисты канал Москва-Волга имени Ленина и Волго-Донской канал его же имени. Транспортные соединения Днепра и Западного Буга вообще почти не используются. Грузовой и пассажирский оборот на реках европейской части СССР составляет сегодня ничтожную долю (2–3%) от общего потока перевозок. К тому же речное судоходство полностью замирает зимой и в засушливые месяцы года. Вместе с тем для поддержания судоходных глубин требуется много воды. Отказаться от этого дорогого и мало используемого вида транспорта тоже невозможно: в этом случае пришлось бы перестраивать всю транспортную систему и искать работу для многих тысяч людей. Как видим, перебрасывать северную воду на юг ради поддержания и развития речного транспорта тоже не имеет смысла.

Но, может быть, переброска пополнит водоснабжение южных промышленных городов? Расход воды на единицу промышленной продукции в Советском Союзе чрезвычайно высок, намного выше, чем в большинстве развитых стран. Это отражает общую отсталость социалистического производства. Многие предприятия на Западе применяют безводную технологию, другие с помощью сложных технических операций очищают

сточные воды и многократно используют их. Надо полагать, что и в Советском Союзе научатся со временем снижать расход воды в промышленности. Отсюда вытекает, что опять-таки нет никакого резона увеличивать объемы поверхностных вод путем переброски северных рек на Юг для нужд индустрии и городов.

Реки Юга — источник рыбы. После возведения дамб, когда исчезли весенние разливы, и в районы нереста и откорма рыбы перестало поступать достаточное количество рыбьего корма, рыбное хозяйство СССР изрядно оскудело. Говорят, что хозяйство это могло бы укрепиться, если бы в южные реки поступало больше пресной воды. Так ли это? Специалисты уверены, что реки Юга настолько загрязнены, что едва ли воды Севера могут спасти дело. Между тем существуют методы искусственного рыборазведения, которые позволяют и в нынешних условиях увеличивать поголовье ценных рыб, например осетровых. Кстати, 95% всей рыбы, потребляемой в нашей стране и экспортируемой за границу, дает океанский рыболовный флот.

Усыхание Каспийского моря — еще одна проблема водной экономики СССР. Усыхает и Аральское море, но Аралу уже никакая переброска воды из Оби и Иртыша не поможет: вся вода из Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, питающих Аральское море, идет на орошение посевов; так будет продолжаться и впредь. Но Каспий погибнуть не должен. Это была бы огромная и невозполнимая потеря для всей страны. В 1977 г., когда уровень моря резко снизился и возникла угроза гибели основной массы рыбы, казалось, что только подача северной воды в Волгу спасет величайшее в мире закрытое море. В последующие годы, однако, уровень Каспия стал повышаться, возникла даже угроза затопления низин в дельте Волги. Очевидно, колебания уровня зависят от разных причин и влияние человека — не самая главная из них. Разработан ряд мер, которые следует предпринять на случай нового обмеления. Меры эти значительно дешевле переброски северных рек.

Наконец, — и этот довод выдвигался в качестве главного козыря, — северная вода нужна для ирригационного земледелия. В самом деле, важнейшие южные культуры (рис, хлопчатник, некоторые овощи, фрукты, кормовые культуры) невозможно выращивать без полива. Однако стоит вспомнить о том, что основные сельскохозяйственные культуры России — зерновые — столетиями выращивались на благородном черноземе без ирригационных систем. До революции в Европу вывозилось много русского и украинского хлеба. Крупному производству хлеба способствовали не только хорошие почвы, но и труд и опыт земледельцев. Этот опыт, как и привязанность крестьянина к земле, давно и бесследно утрачены в результате коллективизации и раскулачивания, а вместе с ними ушли в прошлое и былые урожаи. Политическое руководство страны в хрущевско-брежневскую эпоху сделало из этого один вывод: аграрное хозяйство следует уподобить индустриальному, отказаться от трудноуправляемой крестьянской массы, заменив ее рабочими. К 1970 г. количество колхозов по сравнению с 1950 г. уменьшилось в семь раз. Господствующей производственной структурой на селе стали совхозы, которые должны были работать подобно промышленным предприятиям: каждая смена выходит на свой участок, получив строгое задание. Специально придуманный термин — аграрно-промышленный комплекс, АПК — означает новую эру земледелия. Ключом к успеху АПК власти стали считать водную мелиорацию: осушение и обводнение земель.

Программа мелиорации особенно активно внедрялась при Брежневе. Весь юг европейской части покрылся сетью ирригационных каналов, были созданы водохранилища и водораспределительные системы, промышленность получила указание производить дождевальные установки. Было образовано особое Министерство водного хозяйства со своими научно-исследовательскими и проектными институтами, с сетью областных мелиоводхозов и инспекций. Каждый мелиоводхоз управляет целой армией мелиораторов. Перед этой армией все время стоит проблема: где взять воду для непрерывно растущего

потребления, особенно в Казахстане и на всем Юге страны. Площади орошения каждый год приказано увеличивать. Между тем реки истощены, а коэффициент полезного действия оросительных систем не превышает четырех десятых: не менее 60% поливной воды расходуется впустую. Вдобавок то и дело орошение приводит к засолению почвы, и тогда требуется еще больше воды, чтобы такие земли рассолить и вновь сделать плодородными. Словом, не хватает огромного количества воды, и если верить ирригаторам, ее могут дать только северные реки. Орошаемое земледелие, со всеми его административными учреждениями и научными институтами, и есть главный двигатель "проекта века".

2.

Крупномасштабные проекты преобразования речных систем долгое время выполнялись группой инженеров института Гидропроект. До 1960 г. институт находился в ведомственном подчинении у НКВД—МГБ—КГБ. Эта несколько неожиданная связь науки и тайной полиции объясняется просто: для возведения тех сооружений, которые проектируются в Гидропроекте, нужны сотни тысяч рабочих рук, и никто, кроме ведомства покойного Берии и его наследников, не смог бы обеспечить стройки рабочей силой в таких количествах. Без сколько-нибудь серьезных научных обоснований Гидропроект перекрыл плотинами ГЭС все реки европейской части страны и, завершив эту работу, двинулся в Сибирь, Среднюю Азию и на Кавказ, а затем в страны Третьего мира.

Переброска речных вод Севера была старинной мечтой руководителей Гидропроекта. Первый вариант поворота рек они обнародовали еще в 1954 г. То, что предлагалось в качестве первого этапа, должно было вызвать небывалое опустошение в республике Коми, где планировалось затопить 15 тысяч квадратных километров земельной площади. Перекачка воды из Печоры в Каму и Волгу предназначалась прежде всего для развития энергетики. Позднее гидропроектовцы несколько раз перекраивали свое детище, однако не добились успеха. В 1962 г. на верхах был точно также угрожен (и слава Богу) проект Нижне-Обской ГЭС, по которому предстояло затопить территорию в 135 тысяч квадратных километров (больше, чем площадь Чехословакии). Антипатия вождей к этому грандиозному проекту была связана главным образом с тем, что на землях, подлежащих затоплению, были разведаны крупные запасы нефти и торфа.

После 1965 г. гидроэнергетика стала вопросом второстепенным, зато выдвинулась проблема орошения. На переброске воды из северных рек начали настаивать Министерство водного хозяйства и его центральный институт Гипровод. Гипровод и Гидропроект совместно стали проталкивать идею в верхах. В 60—70-х годах Гидропроект значительно упрочил свой престиж в глазах властей, создав мощную Красноярскую ГЭС и знаменитую (в основном по политическим мотивам) Братскую ГЭС на Ангаре. Никого, по-видимому, не тревожило, что в спешке строительства, под аккомпанемент пропагандистской трескотни, огромный лесной массив на заливаемой территории не был спилен и использован, его попросту сожгли. Впрочем, лес для Гидропроекта материя чуждая, не тот профиль.

Но что бы ни создал Гидропроект, его коронным номером и заветной мечтой оставался "проект века" — поворот северных рек. Нечего и говорить, что в случае успеха на руководителей института пролился бы благодатный ливень наград: Государственные премии, ордена, ученые степени. Проект века — не шутка. К этой цели их весьма приблизило то, что в 1972 г. правительство согласилось создать Институт водных проблем Академии наук СССР; проталкивали организацию института Министерство энергетики и все тот же Гидропроект. Новому институту поручено было вести непосредственные научные разработки крупномасштабных преобразований речных систем и готовить окон-

чательную редакцию проекта поворота рек. Те, кому не терпелось осуществить эту идею, находили все новых союзников. Так как на Юге и в среднеазиатских республиках действительно не хватает воды, руководители этих республик, а также Украины и южных областей горячо поддержали проект. Свою заинтересованность они шумно выразили на XXV съезде КПСС в 1976 г. В конце концов престарелое Политбюро начало склоняться к тому, чтобы окончательно санкционировать великую затею века. В декабре 1978 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР в совместном постановлении утвердили сроки, когда ученым и проектантам надлежало представить правительству технико-экономические обоснования переброски вод Севера.

Чтобы было понятно, чем подогревалось и подогревается усердие, с которым проектные организации подталкивают правительство к сооружению всех этих гигантских гидроэлектростанций, каналов, водохранилищ, наконец к повороту северных рек на юг, нужно знать одну важную государственно-бюрократическую закономерность. Доходы проектных организаций зависят прежде всего от стоимости строительно-монтажных работ. Чем дороже строительство, тем выгоднее проектировщикам. Для них, таким образом, существенно важно, чтобы строительство было как можно более дорогостоящим и тянулось как можно дольше. Экологические последствия — не их забота, так как выявляются они, эти последствия, не сразу и никаким денежным ущербом никому не грозят. Кого потом винить, когда плотина уже возведена?

По той же причине проектные институты высоко ценят крупномасштабные ирригационные программы. Проектировщики — главные поборники и неизменные патриоты этих программ. Если же говорить серьезно, то проблема недостатка воды для посевов совсем не так проста, как она выглядит в их предначертаниях. Засухи в средней полосе России и на Волге случаются не всякий год, чаще происходит другое: дожди выпадают слишком рано, раньше, чем начинается созревание урожая. Эта коллизия существует не только у нас на родине, с ней хорошо знакомы и в Европе, и в Америке. Но там, как правило, имеются дренажи и водосборные пруды, из которых потом берется вода для полива. Тянуть воду издалека приходится лишь в редких случаях, в особо засушливые годы. В СССР же густая сеть оросительных каналов прокладывается навеки. Вешние воды у нас не сохраняют, им дают стечь, а почве просохнуть. Потом, когда наступает время полива, воду транспортируют издалека. Часто поливают "по плану", то есть сверх нормы. Почва от такой "заботы" засоляется, заболачивается, гибнет. Но зато ирригаторы могут рапортовать о перевыполнении плана, получать за это премии. При такой системе полива воды требуются все больше и больше. Денег на орошение — тоже.

Таким образом, "проект века" нужен и важен по сути дела для узкой группы специалистов, которые сплочены круговой порукой. Перед нами выступает, не побоюсь сказать, своеобразная научно-техническая мафия. Эти люди — воспитанники советской системы, живущие только сегодняшним днем, которые решительно не желают думать о последствиях своей деятельности. Они избирают однородные, безошибочные с точки зрения своего благополучия решения, ибо знают, что советская система ошибок не прощает. Всемогущая машина партийного руководства, уверенная, что все решения принимает лишь она сама, в действительности ничего не может поделать с незримой и мощной оппозицией гидропроектного клана. *Научно-техническая мафия проектантов и всех, кто вместе с ними делит полученные выгоды, толкает страну на гибельный, экстенсивный путь развития земледелия.* И это происходит в эпоху, когда почти все страны мира, включая Китай, уже перешли на интенсивное использование земли и воды. Один из моих студентов, китаец, объяснил эту новую политику интенсивного ведения хозяйства, политику, в результате которой рост аграрного производства превзошел самые смелые ожидания, весьма выразительно: "Партия ушла из села".

Однако коммунистическая партия Советского Союза не собирается оставлять своей заботой колхозное село. К большому сожалению, эта партия слишком долгое время не желала и не умела разобраться и в крайне опасной ситуации, в которую завели страну

рекомендации якобы научных проектирующих организаций. Здесь мы лишний раз убеждаемся, как губительно сказывается на жизни всей страны отсутствие общественного мнения, причем вовсе даже не в политической сфере. Если бы в нашем государстве существовала свобода слова и независимая печать, если бы люди разных профессий и разного жизненного опыта могли свободно и всесторонне обсудить злополучный проект века — как и многие другие подобные начинания, — то разрубить этот гордиев узел, завязанный корыстолюбием и безответственностью одних и бесправием других, быть может, не составило бы большого труда.

Но — чего нет, того нет...

3.

Тем не менее все ухудшающаяся ситуация в советском земледелии и усиленное проталкивание проекта в качестве панацеи от всех бед заставили в конце концов российскую научную и художественную интеллигенцию хоть и не слишком громко, но все же возвысить голос. В письмах "на высочайшее имя" академики и писатели — мы упоминали о них в начале этой статьи — старались обратить внимание власть имущих на то странное обстоятельство, что несмотря на все обещания, несмотря на то, что ирригационные площади за 15 лет возросли во много раз, урожаи остаются совершенно недостаточными. Это видно уже из того, как растут закупки хлеба за границей. Последние пять лет в Советском Союзе данные об урожае зерновых не публикуются. Очевидно, что мелиорация сама по себе не в состоянии решить проблему хлеба. Даже если повернуть все реки Севера. Постепенно эти увещевания возымели свое действие. В "Литературной газете", "Огоньке", в "Литературной России" и других изданиях стали появляться заметки, авторы которых более или менее осторожно выражали свое беспокойство по поводу проекта века и всего состояния отечественного сельского хозяйства. Любопытно, однако, что в этой дискуссии не выступил с разоблачениями ни один ученый-гидролог. Это не было случайностью.

К началу 80-х годов атмосфера, сложившаяся вокруг проекта века, была такова, что ни один серьезный гидролог не мог и пикнуть против этой затеи, не рискуя при этом погубить свою карьеру. Наука была куплена на корню проектировщиками и инженерами. Не говоря уже о том, что Гидропроект и Союзгипровод, две наиболее заинтересованные организации, обзавелись собственными докторами и кандидатами наук, и эти ученые мужи сами "двигали науку", нужную чиновникам соответствующих ведомств. Проект века стал абсолютно неуязвим. Во всей стране не было учреждения, которое могло бы дать квалифицированную и независимую оценку проекта поворота рек и защитить интересы общества в целом.

И все же когда 140 томов технико-экономических обоснований и "Краткая (400 страниц) записка" о проекте века были в 1983 г. завершены, разгорелся скандал. Проектанты изложили во всех подробностях техническую сторону дела, но решительно уклонились от анализа проблем охраны природы. Ни одного слова в этих пухлых томах не было сказано ни о гибели памятников старины в районах затопления, ни об уроне, который будет нанесен ландшафтам и природным ресурсам на огромных территориях СССР. Творцы проекта сделали вид, что они и слыхом не слышали о протестах маститых и влиятельных ученых, таких, как А.Н.Колмогоров, А.Д.Яшин, И.В.Петрянов-Соколов. Вопрос оставался во взвешенном состоянии, хотя и с явным креном в сторону реализации, до смены верховной власти в марте 1985 г. Затем на вершине оказался Горбачев. И тут, как по команде, бюрократы различного ранга начали неожиданно давать публике успокоительные разъяснения касательно некоторых болезненных

пунктов проекта. Делалось это в дипломатичной форме — в виде ответов на письма читателей. Постепенно из лексикона чиновников исчезли такие поэтические словосочетания как "единая водохозяйственная система страны", "поворот рек вспять", "река в пустыне, по которой горделиво поплывут корабли из Оби в Арал" (директор Института водных проблем Г.И.Воропаев) и т.п. Авторы газетных статей после марта стали подчеркивать необходимость соблюдать осторожность при обращении с водой. Газеты догадались направить корреспондентов в места будущей стройки. Появились репортажи ("Правда" от 13 августа и 13 сентября 1985 г.), в которых обстановка на местах предстала далеко не в идеальном виде. Почувяв недоброе, руководство Гидропроекта пыталось выйти из игры под надежным лозунгом "моя хата с краю". В социалистических обязательствах на 1986—1990 гг. ("Известия", 16 августа 1985 г.) институт обещал реконструировать построенные им ГЭС с фантастической экономией средств и труда, а также довести строящиеся ГЭС до "уровня лучших мировых достижений". Но о переброске рек не говорилось ни слова, как будто этот вопрос вообще не касался планов института.

Между тем высочайшее руководство, не показывая своего личного отношения к проекту века, искало возможности разобраться в этом вопросе, а точнее обсудить и осудить проект. Не найдя, по-видимому, подходящей кандидатуры в среде ученых-гидрологов, власти уполномочили выступить в роли общественного обвинителя писателя Сергея Залыгина, автора нашедшей в свое время повести "На Иртыше" и романа "Соленая падь". Выбор, как можно догадываться, был тщательно продуман. Залыгин не принадлежал к правому крылу официальной литературы, однако это был писатель-коммунист, да к тому же кандидат технических наук, профессионал в области мелиорации и гидрологии. Для выступления ему была предоставлена самая высокая трибуна — ведущий идеологический журнал "Коммунист" (№ 13/1275, сентябрь 1985 г.)

В своей статье С.П.Залыгин буквально разгромил программу гидроэнергетики и переброски стока северных рек на Юг. Он подверг также критике существующие методы проектирования в мелиорации. Еще резче высказался он на страницах "Литературной газеты" (20 октября 1985 г.), где без обиняков заявил о вредных последствиях поворота рек для экологии и здоровья населения в зоне орошаемого земледелия. Непосредственным обвиняемым в выступлениях Залыгина оказался Н.Васильев, министр мелиорации и водного хозяйства СССР. В одном из последующих номеров "Литгазеты" (декабрь 1985 г.) министр пытался отбить атаку писателя, но его вялый, не подкрепленный достоверными цифрами и фактами ответ не мог удовлетворить ни высшее начальство, ни публику, уже несколько осмелевшую и засыпавшую редакцию письмами. Между прочим, Н.Васильев попытался оправдать большие затраты воды на орошение земель ссылкой на другие страны, где якобы тоже расходуется для этой цели очень много воды. Но приведенные им примеры были неудачны: ни в США, ни в Турции, ни в Индии, ни в Мексике истощение водных ресурсов не дошло до такой степени, как в Советском Союзе. Менторский тон министра при отсутствии серьезных фактов, доказывающих необходимость переброски вод с Севера, звучал довольно жалко.

По мере приближения XXVII съезда КПСС шел к концу и суд над проектом века, а заодно над ирригацией в целом. С последним словом от имени обвиняемых выступил главный научный вдохновитель этих программ Г.В.Воропаев ("Правда", 12 февраля 1986 г.). Его решающим аргументом в защиту проекта была необходимость нормализовать с помощью вод Севера "дыхание Каспия". О сельском хозяйстве он не упоминал, а расход воды на ирригацию предложил сократить. Было видно, что директор Института водных проблем не только чувствует дыхание морей, но достаточно чутко обоняет и дыхание партийных верхов.

Заключительную обвинительную речь в том же номере "Правды" произнесла группа академиков во главе с видным экономистом А.Г.Аганбегяном. По мнению авторов, вся гидромелиоративная программа должна быть радикально пересмотрена с точки зре-

ния экономического и экологического ущерба, который она может принести стране. Научные разработки, касающиеся межбассейновой переброски вод, академики считают несостоятельными. Они предложили вычеркнуть проект поворота рек из Программы развития.

Но окончательный приговор проекту века был вынесен не в речах и документах, а методом умолчания. В докладе нового премьера Н.И.Рыжкова на XXVII съезде вопрос этот просто не был упомянут. Ничего не было сказано и о гидромелиорации. Но ведь все предшествующие годы так много говорилось о мелиорации и орошении как о главном условии подъема зернового хозяйства. Как же советские руководители собираются осуществить свои обещания ежегодно получать 250—255 млн. тонн зерна и не менее 21 млн. тонн мяса? Горбачев дал что-то вроде ответа на этот вопрос. Экономия, бережливость, необходимость сократить потери при уборке, транспортировке и хранении зерна — вот источник пополнения продовольствия: по его мнению, он даст прибавку в 20—30%. Затраты при этом окажутся в два—три раза меньше, чем требуется для дополнительного производства такого же количества зерна. Об источниках пищи в длительной перспективе новый вождь говорил весьма расплывчато.

Только два человека на съезде партии отважились напомнить о перемещении северных вод на юг. Это были представитель Узбекистана и некогда могущественный первый секретарь ЦК Казахстана Д.А.Кунаев. Не называя прямо проект века, партийный хан заметил, однако, что "нельзя откладывать вопросы, связанные со спасением Аральского моря". Но похоже, оба докладчика понимали, что их призывы останутся без ответа.

4.

Только что завершившаяся водно-бюрократическая драма не только обнажает скрытые механизмы советской системы, но и предвещает, как мне кажется, некий перелом в судьбе страны. От того, как новые руководители сумеют распорядиться быстро убывающими ресурсами земли и воды, зависит, смогут ли они, наконец, накормить досыта свой народ. Если бы это удалось, советская система, несомненно, приобрела бы стабильность и оказалась бы в нынешнем конфликте с Западом значительно более конкурентоспособной. К чести лидеров нужно сказать, что они достаточно недвусмысленно выразили свое недовольство руководителями водной инженерии, не прибегая к обычному в таких случаях публичному шельмованию и ломанию хребтов. М.С.Горбачев явно постарался показать на этом примере, что его администрация трезво оценила нанесенный стране ущерб и намерена искать пути увеличения плодородия земель без привлечения дополнительных водных ресурсов.

Вода — важный фактор успешного сельскохозяйственного производства. Но не она одна решает дело. Только соединение трех элементов обеспечивает устойчивые урожаи сельскохозяйственных культур и рост животноводства. Эти элементы суть: а) специализированная и устойчивая техническая база, выполняющая заказы сельского хозяйства; б) хорошо поставленная сельскохозяйственная наука, тесно связанная с нуждами земледелия и в) достаточное количество технически образованных специалистов. И тут мы отчетливо видим корень несчастья — не надо быть большим знатоком советской социалистической системы, чтобы понять: эти три элемента не вписываются в централизованно-управляемое сельское хозяйство СССР. Новые лидеры могут быть трижды прагматиками, но по пути китайцев они не пойдут и никогда не уйдут из села. Будем надеяться, что им удастся по крайней мере выработать какую-то программу, которая позволит сократить потребление воды и интенсифицировать эксплуатацию уже имеющихся земельных угодий.

Вместо экстенсивной мелиорации можно предложить интенсивную "сухую" обработку угодий. Речь идет о сохранении натуральных "соков земли", о культивации почвы путем охраны ее от эрозии и засоления. При этом земледелец должен принять в расчет сложную мозаику почв, нуждающихся в разных химикалиях. Он должен уметь использовать для удержания влаги местную топографию, подпочвенные геологические структуры и лесопосадку. Орошение при этом не отменяется, но предполагает использование строго дозируемых количеств воды. Так можно сохранить главное богатство России — ее черноземы.

Все эти мероприятия входят в пункт "б". Но их нельзя выполнить, если (в соответствии с пунктом "а") не будет создана для села малая механизация и налажено ее техническое обеспечение. Ценой невероятных затрат все это, вероятно, можно было бы осуществить и в рамках социалистической экономики. Но кто именно будет проводить и внедрять "сухую" мелиорацию и другие прогрессивные агрономические приемы в колхозах или совхозах? Кому это нужно? Уже сейчас многие ирригационные системы, построенные при Брежневле, зарастают, засоряются илом и мусором; затворы каналов не функционируют; оросительные установки ржавеют без запчастей. А ведь всем этим дорогостоящим сооружениям нет и двух десятков лет. В нашей стране легко строят новое, но для повседневного ухода за уже функционирующими механизмами и установками не хватает ни терпения, ни средств. Так что и пункт "в" едва ли осуществим.

Невозможно представить себе, чтобы горбачевское руководство, нарушив более чем полувековую традицию, доверило технически образованным аграриям самим планировать и проводить в жизнь что-либо без ведома партийных чиновников. Между тем, и младенцу ясно, что успех в сельском хозяйстве могут обеспечить лишь люди, движимые собственной, независимой инициативой, свободные в своих решениях. Но если открыть им дорогу, что делать с ордой надсмотрщиков, сидящих в сельхозотделах обкомов, крайкомов и райкомов? Куда девать миллионную армию мелиораторов? Ненужными в этом случае становятся минводхозы, минсельхозы Союза и союзных республик, госмелиоводхозы областей и краев, сотни проектных институтов и конструкторских бюро. Но и это еще не самое главное.

Поистине смертельная опасность грозит советскому режиму, если сельское хозяйство начнет функционировать независимо от партийно-государственного аппарата. Ведь тогда должны будут уйти в небытие и колхозы, и совхозы. Уже сегодня немалая доля продуктов питания производится и распределяется (продается) частным образом. Если еще больше ослабить клапан, поддерживающий давление на индивидуальные хозяйства и частную инициативу, трансформация советского общества станет необратимой. Как ни тяжел труд на земле, он может стать привлекательным даже для тех, кто, казалось бы, навсегда оторвался от нее. Закрыть совхозы, распустить колхозы? Но, случись поломка социализма в деревне, трудно даже представить себе дальнейшие изменения, которые последуют на всех этажах и всех ячейках общества. Можно понять, почему вожди так осторожны в прогнозах, всеми силами укрепляют дисциплину — удачно или неудачно, другой вопрос — и свирепо подавляют инакомыслие.

Хотя сегодня все советские газеты кричат о необходимости перехода социалистического земледелия на интенсивные формы, нет гарантии, что методы экстенсивного ведения хозяйства будут, наконец, отброшены. Обещание Горбачева существенно повысить жизненный уровень населения страны едва ли можно считать реальным. А как же "проект века"? Уже после закрытия XXVII съезда партии заместитель председателя Госплана объявил, что южные районы страны пока могут обойтись собственными водными ресурсами, без онежской и печерской воды. Идея переброски северных рек на юг похоронена (хотя, кажется, зарыта не очень глубоко). Хозяева надеются, что они выйдут из положения, сохранив ту часть урожая, которая обычно теряется при уборке. Они рассчитывают также поэкспериментировать с интенсивными технологиями. Не

последнее место в расчетах вождей занимает уверенность, что советские люди не станут расслаблять свои давно уже затянутые пояса. Но если и это не поможет достигнуть давно обещанного изобилия, то совсем не исключено, что они вернутся к отвергнутой сегодня идее. ●

ОТ РЕДАКЦИИ

Когда эта статья уже была подготовлена к печати, в Москве состоялся VIII съезд писателей СССР. Из выступлений делегатов съезда, редких по своей откровенности, становится ясно, что опеснение, выраженные автором в конце статьи, оправдались скорее, чем можно было ожидать. Проект века, который уже считали рухнувшим, вот-вот начнут осуществлять.

Василий Белов: "Перед XXVII съездом партии, когда широко и всенародно обсуждались планы экономического и социального развития, упомянутый проект был, наконец, осужден публично. Решением съезда планы по перебросу дунайской воды в Днепр и северной воды в Волгу были исключены. Было ясно, что постановление ЦК и Совмина от 23 октября 1984 года теряет свою силу. Да, оно теряет силу, но только не для Минводхоза! И вот, ссылаясь на него, перебросчики продолжают свою "деятельность". У нас уже строят подъезды, причалы, завезена техника. Против начавшихся работ выступают местные жители, партийные организации и советские органы, протестуют многие академики, ученые, специалисты, целые отделения Академии наук выступают против, но... все напрасно. А почему? А потому, что перебросчиков поддерживает сам академик Александров."

Сергей Залыгин: "Три отделения АН СССР начисто опровергли необходимость переброски части стока северных рек, а из Госплана следует письмо, в котором говорится, что Академия проект поддерживает и строительство, не в пример другим важнейшим объектам, форсируется, хотя проект и не утвержден в целом технической экспертизой."

Вопрос: зачем перебрасывать в Волгу шесть кубокилометров воды, если сток Волги и теперь на десять кубокилометров выше нормы, если мы даже не располагаем такой гидрометрией, которая позволила бы эти 6 кубокилометров в стоке Волги учесть, и, следовательно, никто никогда не заметит, есть они там или их нет? Если сток Волги поднимет уровень Каспия настолько, что уже сейчас требуется 200 млн. рублей, чтобы предотвратить затопление прибрежных сооружений?..

После XXVII съезда КПСС в Основных направлениях абзац о разрывании работ по переброске был вычеркнут и заменен другим – об углубленной проработке проблемы. Кажется – ясно. Но Минводхоз, вколачивая новые миллионы в строительство, тоже называет это "углубленной проработкой".

Валентин Распутин: "Сколько мы говорим о проблеме поворота рек, сколько пишем, сколько надорвали сердца, не написали поэм, романов и повестей, отдавая силы и время защите родной земли, – и никакого толку: нас слушают и делают по-своему!"

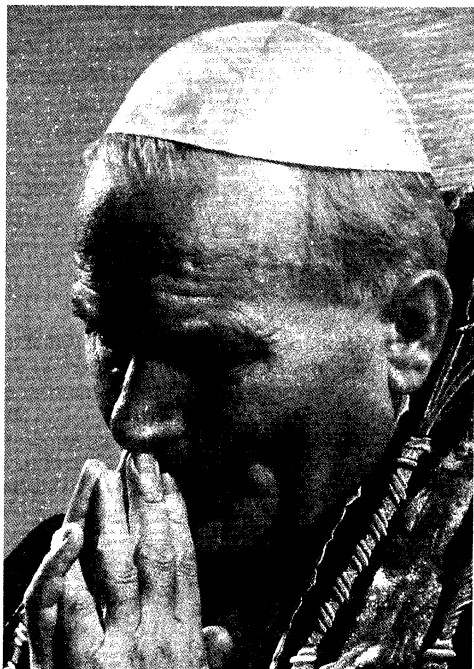
Вот выписка из официального ответа первого заместителя председателя Госплана СССР тов. Паскаря на имя академика Яншина – письмо отправлено совсем недавно, 10 июня. Цитирую: "В результате работы, проведенной многими научно-исследовательскими институтами АН СССР, Минводхоза СССР и других министерств и ведомств, подтверждена необходимость первого этапа переброски части стока северных рек в бассейн Волги в объеме 5,8 куб. километра".

Ясно, что первый этап – 5,8 куб. километра – это только тактический ход, что дело им не закончится. Специалисты говорят, что через двадцать приблизительно лет никакими приборами уже будет не отыскать эту воду – пошла ли она в Волгу или же растекалась по болотам и низинам Вологодской и Костромской областей. Огромные деньги будут истрачены, вред земле нанесен, а спросить за это, как водится у нас, будет не с кого.

Но если переброска первого этапа бессмысленна, то осуществление первой очереди – 19 кубокилометров, – а тем более второй – 40–50 кубокилометров, к чему и рвутся "поворотчики", – преступно и скажется на земле и культуре Севера и центра России трагическим образом. Сначала на земле России, потом и на земле Чингиза Айтматова, Олжаса Сулейменова, Гранта Матевосяна и так далее."

Пожоже что метод умолчания, о котором пишет в своей статье Д.Толмазин, был применен на XXVII съезде КПСС не для того, чтобы похоронить проект века, а для того, чтобы просто положить конец спорам вокруг него. Если это так, то, пожалуй, сомнительным кажется вывод автора о том, что всему виной в этом деле "научно-техническая мафия проектантов."

DOMINUM ET VIVIFICANTEM ГОСПОДА ЖИВОТВОРЯЩЕГО

ЭНЦИКЛИКА
ИОАННА ПАВЛА II

В этом и следующих номерах публикуется документ, не вполне обычный для нашего журнала, да и для русской прессы вообще. Энцикликой (*epistola encyclica*, иначе *litterae encyclicae*, буквально — "окружное письмо") называется послание папы римского епископам и всем верующим. Первоначально этим словом обозначали любое оповещение, исходившее от высших авторитетов римско-католической церкви; начиная с середины XVIII в. энциклики пишутся только папами. Энциклика не рассматривается как высказывание, дух и буква которого непререкаемы. Принцип непогрешимости папы на нее не распространяется. Вместе с тем папское послание — это документ крупного международного значения, в большой мере характеризующий актуальную позицию Рима по теологическим, церковным и общественно-политическим вопросам, а также личность его автора как первосвященника и мыслителя. Энциклики пишутся чаще всего по-латыни, иногда выходят в свет сразу с переводом на основные языки. Как и другие документы римской курии, они обозначаются по начальным словам.

Можно назвать ряд папских энциклик, ставших широко известными. Среди них: энциклика "Regum novarum" (1891) папы Льва XIII, посвященная в основной своей части рабочему и социалистическому движению; "Vehementer nos" (1906) Пия X, об отделении церкви от государства во Франции; "Casti connubii" (1930) Пия XI, о христианском браке; энциклики Пия XII "Quadragesimo anno" (1931), на социальные темы, "Divini Redemptoris" (1937), о коммунизме, и в особенности написанная на немецком языке энциклика "Mit brennender Sorge" (1937) об отношении католической церкви к нацизму. Значительный резонанс во всем мире получили энциклики папы Иоанна XXIII "Mater et Magistra" (1961) и "Pacem in terris" (1963, посвящена борьбе за мир) и, наконец, выпущенные в 1968 и 1981 гг. энциклики нынешнего папы Иоанна Павла II "Humanae vitae" и "Laborem exersens"; в первой автор резко высказывается против контрацептивных средств и искусственного прерывания беременности, вторая трактует проблемы труда, занятости и безработицы в современном мире.

Иоанн Павел II (Кароль Войтыла), как редко какой из его предшественников, сумел поднять престиж и влияние католичества в планетарном масштабе; сейчас это одна из самых популярных фигур в мире. Он родился в 1920 году в Вадовице близ Кракова, окончил Ягеллонский университет, четыре года был рабочим, одновременно изучал теологию; в 1946 году рукоположен, защитил дис-

сертацию в Риме по моральной теологии, преподавал в Люблинском католическом университете и на богословском факультете в Кракове. В 1964 г. К. Войтыла стал архиепископом Краковским, в 1967 — кардиналом. В октябре 1978 г. он был избран папой римским, приняв имя предыдущего понтифика, умершего вскоре после избрания. Иоанн Павел II — первый после Адриана VI (XVI век) папа неитальянец. Нынешний глава католической церкви сравнительно мало времени проводит в Ватиканском дворце, менее чем за восемь лет своего правления он объехал чуть ли не весь свет, в том числе дважды посетил Польшу, где был встречен с чрезвычайным энтузиазмом. В мае 1981 г. на него было совершено покушение, к которому, возможно, имела отношение болгарская разведка. Оправившись от тяжелого ранения, папа возобновил свои поездки; только что закончился его визит в Колумбию.

В сегодняшнем мире римский первосвященник олицетворяет традицию католической церкви не отгораживаться от мира, но активно участвовать в формулировании и решении самых жгучих общественных проблем. Это высокообразованный человек, полиглот и ученый, сочетающий политический либерализм и обаятельную демократичность с упорным противостоянием какому бы то ни было модернизму в области вероучения.

Энциклика "Dominum et vivificantem" обнародована в мае этого года. Ее интерес и значение выходит далеко за пределы собственно конфессиональных вопросов, почему мы и решились предложить ее вниманию наших читателей, тем более что в Советском Союзе материалы такого рода практически недоступны. Тема Энциклики — присутствие Святого Духа в жизни церкви и мира. Она состоит из небольшого Введения и трех частей. Первая часть, теологическая, публикуется в этом номере. Следующие две части носят более "светский" характер, посвящены социальным вопросам и, в частности, касаются роли марксизма в сегодняшнем мире на пороге двухтысячного юбилея христианства. Послание папы Иоанна Павла II есть в конечном счете документ современной культуры; как таковой, он обращен *urbī et orbī* — к Граду и Миру.

Полный текст энциклики "Dominum et vivificantem" переведен Борисом Хазановым. Цитаты из Ветхого и Нового Завета приводятся по Синодальному изданию.

*Уважаемые братья епископы,
дорогие сыновья и дочери!
Привет вам и апостольское благословение!*

В в е д е н и е

1. ГОСПОДА ЖИВОТВОРЯЩЕГО славит Церковь, исповедуя веру в Святой Дух. Об этом она говорит в так называемом никейско-константинопольском Символе веры, именуемом так в честь двух соборов, Никейского (325 г.) и Константинопольского (381 г.), на которых он сформулирован или возведен. В Символе сказано также, что Святой Дух "говорил через пророков".

Эти слова Церковь воспримлет из самого источника ее веры, от Иисуса Христа. По Евангелию от Иоанна, с новой жизнью дарован нам и Святой Дух, как это обещано и возведено Иисусом в великий день праздника кушечей: "Кто жаждет, иди ко Мне и пей; кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой" (Ин. 7, 37—38). И евангелист поясняет: "Сие сказал Он о Духе, которого имели принять верующие в Него" (Ин. 7, 39; ср. также Догматическое установление II Ватиканского собора о Церкви "Свет народов", 4). Это то же сравнение с водой, которым Иисус пользуется в разговоре с женщиной самаритянкой, когда говорит об "источнике воды, теку-

щей в жизнь вечную" (Ин. 4, 14), и в разговоре с Никодимом, когда вещает о необходимости нового рождения "от воды и Духа", дабы войти в Царство Божие (Ин. 3, 5).

Наученная словом Христовым, обогащенная пасхальным опытом и собственной апостольской историей, Церковь поэтому издревле несет весть о своей вере в Святой Дух как в Того, кто животворит и в котором неисследимый триединый Бог сообщает себя людям и тем осушает в них источник для вечной жизни.

2. Эта вера, неизменно исповедуемая Церковью, должна вновь и вновь оживляться и углубляться в сознании народа Божьего. За последние сто лет так было уже не раз: от Льва XIII, который издал энциклику "Divinum illud munus" ("Тот божественный долг", 1897), полностью посвященную Духу Святому, до Пия XII, который в энциклике "Mystici Corporis" ("Потайного Тела", 1943) трактует о Святом Духе как жизненном принципе Церкви, в коей принцип этот действует вкупе с Христом, главою мистического тела; и, наконец, вплоть до Второго Ватиканского экуменического собора, указавшего на необходимость вновь обратиться к учению о Святом Духе. Это подчеркнул Павел VI, сказав: "за христологией и прежде всего экклезиологией Собора ныне должно последовать новое изучение и новое почитание Духа Святого как необходимое дополнение к учению Собора" (Генеральная аудиенция Папы 6 июня 1973 г.; Поучения Павла VI, XI, 477).

В наше время, таким образом, вечно старая и вместе с тем новая вера Церкви призывает нас ближе заниматься Святым Духом как Тем, кто животворит. Здесь нам следует помочь и побуждением наше общее наследие с восточными Церквами, которые с великой заботливостью сберегли необычайное богатство учения отцов Церкви о Святом Духе. Уже поэтому мы можем сказать, что одним из важнейших церковных событий последних лет было празднование 1600-летия Первого Константинопольского собора, проведенное в праздник Пасхи в 1981 году одновременно в Константинополе и Риме. Тогда, через размышление о таинстве Церкви, Святой Дух еще естественней проявил себя как Тот, кто указывает пути, ведущие к единству христиан, и более того, как глубочайший источник этого единства, который исходит от самого Бога и которому уделил и придал особое выражение Святой Павел в словах, коими часто начинается торжество Евхаристии: "Милость Господа нашего Иисуса Христа, любовь Бога Отца и общение Святого Духа да будет с вами!" (Требник, стр. 324; ср. также 2 Кор. 13, 13).

Из этого призыва исходили в известной мере и были вдохновлены им предыдущие энциклики "Redemptor hominis" ("Искупитель человека") и "Dives in misericordia" ("Обилен в милосердии"); они уделяют особое внимание событию нашего спасения, которое совершается в Сыне, посланном в мир Отцом, "чтобы мир спасен был чрез Него" (Ин. 3, 17) и "всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца" (Фил. 2, 11). На этом призыве основана и настоящая энциклика о Духе Святом, который исходит от Отца и Сына, которому, вместе с Отцом и Сыном, поклоняются и которого прославляют: как божественная личность живет он в сердце христианской веры и служит источником и движущей силой для обновления Церкви (ср. Догматическое установление II Ватиканского собора о Церкви "Свет народов", 4; Обращение Иоанна Павла II к участникам Международного конгресса по пневматологии 26 марта 1982 г.; Поучения Иоанна Павла II, V, 1). Эта энциклика черпает свои идеи из глубины соборного наследия. Через учение о Церкви в себе и Церкви в мире соборные тексты побуждают нас все более углубляться самим в триединую тайну Бога, следуя при этом по пути Евангелия, отцов и литургии: к Отцу — чрез Христа — во Святом Духе.

Таким образом Церковь отвечает и некоторым чаяниям, которые она распознает в душе современного человека: новому открытию Бога в его трансцендентной действительности как бесконечного духа, каким его объясняет Иисус женщине самаритянке; потребности поклоняться ему "в духе и истине" (Ин. 4, 24); надежде найти в нем тайну

любви и силу к "новому творению" (ср. Гал. 6, 15). Да, речь идет именно о том, кто дарует жизнь.

К такой миссии — возвещать о Святом Духе — Церковь сознает себя призванной, вместе со всей человеческой семьей приближаясь к исходу второго тысячелетия от Рождества Христова. Перед лицом неба и земли, "которые прейдут", Церковь сознает, что слова, "которые не прейдут" (Мф. 24, 35), приобретают особую значительность. Это слова Христа о Святом Духе, неисчерпаемый "источник воды, текущей в жизнь вечную" (Ин. 4, 14), как истина и освящающая благодать. В эти слова она хочет вдуматься, к ним ей хотелось бы привлечь внимание верующих и всех людей в то время, когда она сама готовится — ниже мы остановимся на этом — к великому юбилею, коим должен быть особо отмечен переход от второго христианского тысячелетия к третьему.

Разумеется, нижеследующие размышления не ставят своей задачей исчерпать бесконечно богатое учение о Духе Святом или помочь разрешению вопросов, которые все еще остаются открытыми. Но их цель в первую очередь — развить в Церкви сознание, "что она побуждаема во Святом Духе способствовать тому, чтобы воление Бога, дабы Христос стал первоисточником спасения для всего мира, было исполнено на деле" (Догматическое установление II Ватиканского собора о Церкви "Свет народов", 17).

ЧАСТЬ I.

Дух Отца и Сына, дар Церкви

1. Обетование и откровение Иисуса на Тайной Вечере

3. Когда для Иисуса Христа приблизилась пора оставить сей мир, он возвестил апостолам о "другом Утешителе" (Ин. 11, 16). Евангелист Иоанн, бывший при этом, пишет, что во время Тайной Вечери, за день до своей муки и смерти, Иисус обратился к ним со следующими словами: "И если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне... И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины..." (Ин. 14, 13, 16—17).

Именно этого Духа истины Иисус именует "параклетос", что значит утешитель, а также заступник или правоходатай. Он говорит о "другом", втором Утешителе, ибо сам он, Иисус Христос, есть первый Утешитель, потому что он первым принес и возвестил радостную весть. Святой Дух приходит после него и через него, чтобы продолжить в мире дело радостной вести о спасении с помощью Церкви. Об этом продолжении своего дела через Духа Святого Иисус вновь говорит в той же прощальной речи, когда готовит апостолов, собравшихся в трапезной, к своему уходу, то есть к мукам и смерти на кресте.

Слова, о которых мы ведем сейчас речь, находятся в Евангелии от Иоанна. Каждое добавляет определенное новое содержание к этому возвещению и обетованию. Вместе с тем все они, относясь к одному и тому же событию, тесно связаны между собой и указуют на тайну Отца, Сына и Святого Духа, тайну, которая во всем Священном Писании быть может, не находит столь значительного выражения, как именно здесь.

4. Вскоре после упомянутого возвещения Иисус добавляет: "Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам" (Ин. 14, 26). Святому Духу надлежит быть заступником апостолов и Церкви, он должен быть постоянно среди них — хоть и незримо — как учитель той самой

радостной вести, которую возвестил Христос. Это "научение" и "напоминание" значит не только то, что он продолжает присущим ему образом содействовать распространению спасительной вести, но и то, что он помогает понять значение содержания вести Христовой, а также обеспечить непрерывность и тождественность ее понимания в меняющихся условиях и обстоятельствах. Святой Дух должен, таким образом, способствовать тому, чтобы в Церкви всегда продолжала жить та самая истина, которую апостолы услышали от своего Учителя.

5. В воспроизведении радостной вести апостолам следут быть особым образом связанными со Святым Духом. Об этом, далее, Иисус говорит: "Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать обо Мне; а также и вы будете свидетельствовать, потому что вы сначала со Мною" (Ин. 15, 26—27).

Апостолы были непосредственными свидетелями, очевидцами. Они "слышали" Иисуса, "видели своими очами", они его "рассматривали" и даже "осязали" собственными руками, как пишет в другом месте тот же евангелист Иоанн (Ин. 1, 1; ср. 1 Ин. 4, 14). Это их человеческое и "историческое" очесвидетельствование о Христе соединяется со свидетельством Святого Духа: "Он будет свидетельствовать обо Мне". В свидетельстве Духа истины человеческое свидетельство апостолов должно найти свою прочнейшую опору. А позже в нем будет обретено и скрытое основание его непрерывности в ряду поколений учеников и верующих, которые будут сменять друг друга на протяжении веков.

Если сам Иисус Христос есть высочайшее и наиболее полное откровение Бога человечеству, то свидетельство Духа стимулирует, удостоверяет и укрепляет его точную передачу откровения в провозвести и писаниях апостолов; свидетельстве же апостолов обеспечивает ему человеческое выражение в Церкви и в истории человечества. "Богооткровение, содержащееся и предложенное в Священном Писании, записано под вдохновением Святого Духа, — говорится в Догматическом установлении II Ватиканского собора о Божественном откровении "Слово Божье", 11, 12, — и потому это Священное Писание следует читать и излагать в том духе, в коем оно было написано."

6. Это становится очевидным и из тесной связи содержания с намерением к провозвестию и обетованию, о которых только что упомянуто. Связь эта выражена в последующих словах иоаннова текста. "Еще многое имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить. Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину; ибо не от себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам" (Ин. 16, 12—13).

В предыдущих словах Иисус представляет утешителя и заступника, Духа истины, как Того, кто "научит" и "напомнит", который будет свидетельствовать о нем; теперь же он говорит: "Дух... наставит вас на всякую истину". Это "наставление на всякую истину", с учетом того, чего апостолы нести пока еще не могут, необходимым образом связано с уходом Христа через смертную муку в смерть на кресте, уходом, который тогда, когда произносились эти слова, был уже близок.

Но тут же становится ясно, что это "наставление на всякую истину" имеет в виду не только "скандал креста", но и все, "что Иисус делал и чему учил" (Деян. 1, 1). Ибо вся тайна Христа в ее совокупности требует веры, так как именно вера вводит человека доступным для него способом в действительность богооткровенной тайны. "Наставление на всякую истину", введение в истину осуществляется, таким образом, в вере и при помощи веры: истина есть дело Духа истины и плод его воздействия на человека. При этом Дух Святой должен быть высшим руководителем человека, светочем человеческого духа. Это относится к апостолам, очевидцам, которым отныне надлежит принести всем людям весть о том, "что Иисус делал и чему научил", и прежде всего весть о его распятии и воскресении. В более обширном смысле это относится и ко всем поко-

лениям учеников и последователей Учителя; ибо им надлежит воспринять в вере тайну Бога, которая действует в истории людей, и исповедовать в чистосердечности сию откровенную тайну, разясняющую конечный смысл этой истории.

7. Итак, между Духом Святым и Христом состоит в порядке спасения внутренняя связь, через которую Дух действует в истории людей как "другой Утешитель", прочно и надолго обеспечивая дальнейшую передачу и распространение возвещенной Иисусом из Назарета радостной вести. Поэтому в Духе Святом как в параклете (греческий эквивалент слова "заступник" или "утешитель"), который непрерывно продолжает в тайне и в действии Церкви историческое пребывание Спасителя на земле и его спасительное дело, сияет величие Христа, как о том свидетельствуют следующие слова евангелиста Иоанна: "Он (Дух истины) прославит Меня, потому что от Моего возьмет и возвестит вам" (Ин. 16, 14). Этими словами еще раз подкрепляется все то, о чем говорят предыдущие слова: Он "научит", Он будет "напоминать" и "свидетельствовать". Высшее и полное самооткровение Бога, каковое произошло в Христе и было засвидетельствовано в проповеди апостолов, выявляет себя далее в Церкви через послание незримого заступника, Духа истины. Насколько тесно связано это послание с посланием Христа, как всецело и глубоко оно черпает из этого его послания, укрепляя и усиливая его спасительные плоды на протяжении истории, — выражено словом "возьмет": "...от Моего возьмет и возвестит вам". Чтобы тут же пояснить смысл этого слова, Иисус, подчеркивая божественное и тройственное единство Источника, прибавляет: "Все, что имеет Отец, есть Мое; потому Я сказал, что от Моего возьмет и возвестит вам" (Ин. 16, 15). Беря от "своего", он тем самым черпает из того, "что имеет Отец".

В свете этого "взятия" можно также объяснить и другие слова о Святом Духе, которые сказаны Иисусом на Тайной вечере накануне Пасхи, слова глубокого значения: "Лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам. И он придет обличит мир о грехе и о правде, и о суде" (Ин. 16, 7—8). Об этих словах мы еще поговорим особо.

2. Отец, Сын и Святой Дух

8. Характерно для ноаннова текста, что там Отец, Сын и Святой Дух отчетливо называются как лица, из коих первое отлично от второго и третьего, а они — друг от друга. Иисус говорит о Духе, об Утешителе, многократно употребляя местоимение "он"; вместе с тем он открывает во всей своей прощальной речи связи, соединяющие Отца, Сына и Святого Духа. Например: "Дух истины... от Отца исходит"; Отец "даст... другого Утешителя"; Утешителя "пошлет Отец" во имя Сына; "Дух истины... будет свидетельствовать" о Сыне (Ин. 15, 26; 14, 16; 14, 26; 15, 26). Сын молит Отца послать Духа как Утешителя (Ин. 14, 16), но также дарует нам, в виду своего "ухода" через крест, обетование: "...если пойду, то пошлю Его к вам" (Ин. 16, 7). Отец, таким образом, посылает Святой Дух в силу своего отцовства, как послал он и Сына; но он посылает его также и в силу осуществляемого чрез Сына спасения — и в этом смысле и Дух Святой посылаем Сыном: "Пошлю его к вам", — говорит Иисус.

В то время как все другие обетования, данные на Тайной вечере, возвещают о пришествии Святого Духа именно на то время, которое наступит после ухода Христа, обетование текста Ин. 16, 7 и далее — об этом следует здесь напомнить — определенно включает в себя и подчеркивает отношение зависимости, хочется даже сказать — причинности, связывающее наступление первого с другими событиями: "А если пойду, то пошлю Его к вам". Дух Святой придет, коль скоро и поскольку Христос уходит в смерть на кресте. Он придет не только после ухода Спасителя, но и именно поэтому, на основе спасения, которое Христос совершил по воле и через деяние Отца.

9. В прощальной пасхальной речи, таким образом, мы достигаем — так можно это назвать — высшей точки откровения Троицы. Вместе с тем мы оказываемся вплотную перед окончательными событиями и в высшей степени решающими словами, которые в конечном счете выльются в поручение великой миссии, адресованное апостолам и через них — Церкви: "Идите, научите все народы", — поручение, как бы уже содержащее тройственную формулу крещения: "... крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа" (Мф.28, 19). Формула эта отсылает к глубочайшей тайне Бога и его божественной жизни: Отец, Сын и Святой Дух, божественное единство в тринитарности. Прощальную речь можно читать как особое приурочивание к этой тринитарной формуле, в которой выражается жизнедарующая сила причастия, каковое обуславливает участие в жизни триединого Бога, даруя человеку освящающую милость как сверхъестественный дар. Через этот дар он становится призван и "способен" участвовать в неисследимой жизни Божьей.

10. В своей внутренней жизни Бог есть любовь (ср. 1. Ин. 4, 8 и 16), сущностная любовь, общая трем божественным лицам; личностная же любовь — это Святой Дух как дух Отца и Сына. Поэтому "Дух все проникает, и глубины Божии" (1 Кор. 2, 10) как несотворенная любовь, которая раздаривает сама себя. Можно сказать, что в Святом Духе внутренняя жизнь триединого Бога целиком становится даянием для обмена взаимной любовью между божественными лицами, и что Бог существует чрез Духа Святого как дар. Святой Дух есть личное выражение этого взаимного самодарения (ср. Фома Аквинский, Сумма теологии, I, 37—38). Он есть любовь как лицо. Он есть дар как лицо. Мы стоим здесь перед непостижимым богатством действительности и перед несказанным углублением понятия лица в Боге, как это дает нам понять лишь божественное откровение.

Будучи единосущным Отцу и Сыну в своей божественности, Святой Дух есть также любовь и (несотворенный) дар, из которого, как из источника (*fons vivus* — живой источник), происходит всякое даяние тварям (сотворенный дар): дар существования для всех вещей через сотворение; дар милости для людей через все совокупное устройство спасения. Как пишет апостол Павел: "Любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам" (Рим. 5, 5).

3. Бог дарует себя в Духе Святом для нашего спасения

11. Прощальная речь Христа за пасхальной трапезой особым образом касается этого "дарения" и "самораздаривания" Святого Духа. В этом тексте Евангелия от Иоанна одновременно раскрывается глубочайшая "логика" заложенной в вечном Плане Бога тайны спасения как расширения невыразимой общности Отца, Сына и Святого Духа. Это божественная "логика", ведущая от тайны Троицы к тайне избавления мира в Иисусе Христе. Избавление, свершенное Сыном Божиим в измерениях земной истории людей — свершенное в его "уходе" чрез крест и воскресение, — одновременно передается во всей своей спасительной силе Святому Духу, Тому, кто "от Моего возьмет" (Ин. 16, 14). Слова иоаннова текста показывают, что "уход" Христа есть необходимое условие божественного плана спасения, необходимое условие для послания и прихода Святого Духа; но вместе с тем эти слова говорят и о том, что именно тогда Бог начинает сызнова сообщать о себе во Святом Духе для нашего спасения.

12. Это есть новое начало по сравнению с тем, исходным началом спасительного самосообщения Бога, которое (исходное начало) тождественно с тайной самого творения. Так, уже в первых строках Книги Бытия мы читаем: "В начале сотворил Бог небо и землю... и Дух Божий ("руах элохим") носился над водою" (Быт. 1, 1—2). Библейское понятие творения содержит не только призыв к бытию космоса как такового,

то есть дар существования, но и присутствие Духа Божьего в творении, то есть начало спасительного самосообщения Бога вещам, которые он творит. В первую очередь это относится к человеку, который сотворен по образу и подобию Бога: "Сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему" (Быт. 1, 26). "Сотворим". Можно ли предположить, что множественное число, которое здесь употребляет Творец, говоря о самом себе, уже некоторым образом приближает троичную тайну, присутствие Троицы в акте сотворения человека? Христианский читатель, которому уже известно откровение этой тайны, может открыть ее ответ и в этих словах. Во всяком случае, контекст Книги Бытия позволяет нам увидеть в сотворении человека первоначально спасительного самосообщения Бога в мере его "образа", в мере "подобия", которое он дарит человеку.

13. Таким образом, кажется, что и слова Иисуса в прощальной речи должны быть прочтены с оглядкой на то дальше, но основополагающее начало, о котором мы знаем из Книги Бытия. "Если я не уйду, то и Утешитель не придет к вам; если же уйду, то пошлю его к вам". Представляя свой "уход" как условие "прихода" утешителя, Христос соединяет новое начало спасительного самосообщения Бога во Святом Духе с тайной избавления. Это — новое начало прежде всего потому, что между первым началом и всей историей людей — начиная с грехопадения — вклинился грех, который означает противоречие присутствию духа Божьего в творении и прежде всего противоречие несущему спасение самосообщению Бога людям. Святой Павел пишет, что именно вследствие греха "тварь покорилась суете... совокупно стенает и мучится доньше", что она "с надеждою ожидает откровения сынов Божиих" (Рим. 8, 19–20, 22).

14. Поэтому Иисус говорит во время Тайной вечери: "Лучше для вас, чтобы Я пошел... если пойду, то пошлю Его к вам" (Ин. 16, 7). "Уход" Христа через крест заключает в себе избавительную силу — а это означает также новое присутствие Бога в творении, новое начало самосообщения Бога людям в Духе Святом. "А как вы — сыны, — пишет апостол Павел в Послании к Галатам, — то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: Авва, Отче!" (Гал. 4, 5; ср. Рим. 8, 15). Святой Дух есть дух Отца, как свидетельствуют слова прощальной речи на Тайной вечере. Одновременно он и дух Сына — дух Иисуса Христа, как будут свидетельствовать апостолы и в особенности Павел из Тарса (ср. Гал. 4, 6; Фил. 1, 19; Рим. 8, 11). Когда дух этот "изливается в наши сердца", начинается исполняться то, чего "тварь с надеждою ожидает", как сказано в Послании к Римлянам.

Святой Дух приходит ценой "ухода" Христа. Если этот "уход" вызвал у апостолов скорбь, достигшую своей высшей точки в страстную пятницу, день страданий и смерти, то горе это в свою очередь "в радость будет" (Ин. 16, 20; ср. Ин. 16, 6). Ведь искупительный "уход" Христа вместит в себя и славу воскресения и вознесения к Отцу. Участие апостолов в "уходе" есть, таким образом, печаль, пронизанная лучами радости; это "благой" уход, потому что благодаря ему должно притти Утешителю (ср. Ин. 16, 7). Ценою креста, орудия искупления, и в силу всей пасхальной тайны Иисуса Христа приходит Святой Дух, чтобы начиная со дня Пасхи оставаться с апостолами, чтобы остаться с Церковью и в Церкви, а через нее и в мире.

Таким путем окончательно осуществляет себя это новое начало самосообщения Бога в Духе Святом чрез Иисуса Христа, искупителя людей и мира.

4. Мессия, Святого Духа помазанник

15. Полностью осуществляется и послание Мессии, то есть Того, кто воспринял всю полноту Святого Духа для избранного народа Божьего и для всего человечества. Слово "мессия" означает буквально помазанник, по-гречески Христос, и в Священной истории

словом этим обозначается "помазанный Святым Духом". Такова была пророческая традиция Ветхого Завета. Как выученик этой традиции Симон Петр скажет в доме Корнилия: "Вы знаете происходившее по всей Иудее... после крещения, проповеданного Иоанном: как Бог Духом Святым и силою помазал Иисуса из Назарета" (Деян. 10, 37—38).

От этих слов Петра и от многих других подобных мест (ср. Лк. 4, 16—21; 3, 16; 4, 14; Мр. 1, 10) следует вернуться прежде всего к обетованию Исайи, которое иногда называют "пятым Евангелием" или даже "Евангелием Ветхого Завета". Когда Исайя возвещает о пришествии некоего таинственного лица, которое новозаветное откровение отождествит с Иисусом, он связывает его личность и послание с особым деянием Духа Божьего, Духа Господа. Вот эти слова пророка:

"И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его;

И почует на Нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия;

И страхом Господним исполнится..." (Ис. 11, 1—3).

Этот текст важен для всего ветхозаветного учения о Духе, так как образует одновременно мост между старинным библейским понятием "духа" как "исполненного духом дуновения" и "духом" как лицом и даром, как даром для личности. Мессия из рода Давидова ("от корня Иессеева") есть именно то лицо, на котором "почует" Дух Господа. Конечно, говорить применительно к этому месту об откровении Утешителя еще нельзя; но во всяком случае этим завуалированным указанием на будущего Мессию открывается путь, на котором подготавливается полное откровение Святого Духа в единстве тройственной тайны, каким оно наконец выступает в Новом Завете.

16. Путь этот — путь самого Мессии. В Ветхом Завете внешним символом одарения Духом было помазание. Мессия (больше, чем какое-либо иное помазанное лицо в Ветхом Завете) есть тот великий и единственный помазанник самого Бога. Он помазанник в смысле полного обладания Духом Божьим. Он сам и станет посредником, чтобы наделять этим Духом весь народ. Об этом — последующие слова пророка.

"Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня благовествовать нищим, послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедывать пленным освобождение и узникам — открытие темницы,

Проповедывать лето Господне благоприятное..." (Ис. 61, 1—2.)

Помазанник послан также вместе с Духом Господа: "Ныне послал Меня Господь Бог и Дух Его" (Ис. 48, 16).

Согласно Книге Исайи помазанник и посланный вместе с Духом Господа есть также и избранный раб Господень, на котором почует Дух Бога:

"Вот, Отрок Мой, Которого Я держу за руку, избранный Мой, к Которому благоволит душа Моя. Положу дух Мой на Него..." (Ис. 42, 1).

Как известно, раб Господень в Книге Исайи открывается как истинный мученик, как Мессия, страдающий за грехи мира (ср. Ис. 53, 5—6, 8). И при этом он именно тот, чье послание принесет всему человечеству истинные плоды спасения: он "возвестит народам суд", он будет "заветом для народа", "светом для язычников", "чтобы спасение Мое простерлось до концов земли" (Ис. 42, 1; 42, 6; 49, 6). Ибо:

"Дух Мой, Который на тебе, и слова Мои, которые вложил Я в уста твои, не отступят от уст твоих и от уст потомства твоего, говорит Господь, отныне и до века" (Ис. 59, 21).

Приведенные здесь пророческие тексты следует читать в свете Евангелия — как и Новый Завет в свою очередь особым образом высветляется чудным светом этих ветхозаветных текстов. Пророк изображает Мессию, как Того, кто придет в силе Святого Духа, кто владеет полнотой этого Духа в себе самом, но и для других, для Израиля, для всех народов, для всего человечества. Полнота Духа Божьего сопровождается многообразными даяниями, дарами спасения, которые в особенности предназначены для бедных и страдающих, для всех, кто открывает сердце свое этим дарам — порою через бо-

лезненный опыт своей жизни, но прежде всего с той внутренней готовностью, которая приходит из веры. Это познал по собственному побуждению старый Симеон, "муж праведный и благочестивый", на котором почил Святой Дух, в момент принесения Младенца Иисуса в храм, когда он узрел в нем "спасение", которое уготовано "пред лицом всех народов" ценою великого страдания — креста, — которое ему, Иисусу, предстоит взять на себя вместе с матерью его (см. Лк. 2, 25—34). Это познала еще глубже Дева Мария, зачавшая "от Духа Святого" (Мф. 1, 18), когда "сохраняла все слова сии в сердце Своем" (Лк. 2, 51) о Мессии, рядом с которым она была поставлена.

17. Здесь следует подчеркнуть, что "Дух Господа", который "почиет" на грядущем Мессии, вполне очевидно представляет собой дар Бога для лица упомянутого раба Господня. Сам же он не является в собственном смысле лицом, которое представляет само себя; ибо он действует по приказанию Господа, в силу его, Господа, решения и выбора. Хотя спасительное деяние Мессии, раба Господня, в свете текста Исайи включает в себя действие Духа, совершающееся через него самого, однако в контексте Ветхого Завета еще не предлагается четкого различия действующих субъектов или божественных лиц, какими они существуют в троичной тайне и открываются в Новом Завете. У Исайи, как и во всем Ветхом Завете, характеристика Святого Духа как лица остается полностью сокрытой — сокрытой в откровении единого Бога, а также в обетовании грядущего Мессии.

18. Иисус Христос в начале своего мессианского действия сошлется на это обетование в тексте Исайи. Это произойдет еще в Назарете, где он провел тридцать лет своей жизни в доме Иосифа, плотника, у Марии, своей девственной матери. Когда однажды ему пришлось взять слово в синагоге, он раскрыл Книгу Исайи и нашел место, где написано: "Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня..." — и прочтя соответствующий отрывок, сказал присутствующим: "Ныне исполнилось писание сие, слышанное вами" (Ис. 61, 1; Лк. 4, 18, 21). Таким образом он возвестил и признал себя Тем, кто "помазан" Отцом, то есть Мессией, возвестил, что он Тот, на коем почил сам Дух Святой как дар Бога, Тот, кто владеет полнотой этого Духа, в ком открывает себя "новое начало" дара, который Бог дает человечеству во Святом Духе.

5. Иисус из Назарета, "возвышенный" во Святом Духе

19. Хотя Иисус в своем родном городе Назарете не принимается как Мессия, однако в начале его общественного действия его мессианское послание во Святом Духе открывается народу Иоанном Крестителем. Иоанн, сын Захарии и Елизаветы, возвещает на Иордане пришествие Мессии и подает покаянное крещение. "Я крещу вас водою, — говорит он, — но идет Сильнейший меня, у Которого я недостойн развязать ремень обуви; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем" (Лк. 3, 16; ср. Мф. 3, 11; Мр. 1, 7 сл., Ин. 1, 33).

Иоанн Креститель возвещает о Мессии, Христе, не только как о Том, кто "грядет" в Духе Святом, но и как о Том, кто "приносит" Святой Дух, как это будет более отчетливо открыто самим Иисусом на Тайной вечере. Здесь Иоанн — верное эхо слов Исайи, которые относятся у этого ветхозаветного пророка к будущему, тогда как в собственном его возвещении они, эти слова, образуют непосредственное введение в новую мессианскую действительность. Иоанн не только пророк, но и вестник: он — предтеча Христа. То, о чем его обетование, совершается на глазах у всех. Иисус из Назарета приходит на Иордан, чтобы самому тоже принять покаянное крещение. Видя его идущего, Иоанн восклицает: "Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира" (Ин. 1, 29). Он говорит это под внушением Святого Духа и тем свидетельствует об исполнении предсказания Исайи (ср. Ин. 1, 34). Одновременно он заявляет о своей вере в избавительное

послание Иисуса из Назарета. В устах Иоанна Крестителя "агнец Божий" есть выражение истины о Спасителе, не менее богатое содержанием, чем используемое Исайей выражение "раб Господень".

Через свидетельство Иоанна на Иордане Иисус Назарей, которого его собственные сограждане отвергли, становится, таким образом, возвышен в глазах Израиля как Мессия, как "помазанник" Духа Святого. И это свидетельство подкрепляется еще более другим свидетельством высочайшего уровня, как о том сообщают авторы трех синоптических Евангелий. Ибо когда весь народ стал креститься и в то время как Иисус после своего крещения застыл в молитве, — "отверзлось небо, и Дух Святой нисшел на Него в телесном виде, как голубь" (Лк. 3, 21–22; ср. Мф. 3, 16; Мр. 1, 10), а кроме того, "глас с небес" возвестил: "Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение" (Мф. 3, 17).

Таково тринитарное Богоявление, которое дает свидетельство о возвышении Христа при крещении в Иордане. Оно не только подтверждает свидетельство Иоанна Крестителя, но и обнажает еще одно, более глубокое измерение истины об Иисусе из Назарета как о Мессии: Мессия есть возлюбленный Сын Отца. Его торжественное возвышение не ограничивается мессианским посланием "раба Господня". В свете Богоявления на Иордане это возвышение достигает и самого лица Мессии. Он возвышен, так как он Сын божественного благоволения. "Сыном Моим" называет его голос свыше.

20. Иорданское Богоявление лишь вскользь освещает тайну Иисуса из Назарета, все действие которого совершится в присутствии Святого Духа (ср. Василий. О Духе Святом, XVI, 39). Тайну эту предстоит открыть и подтвердить самому Иисусу шаг за шагом через то, что "Иисус делал и чему учил" (Деян. 1, 1). Как продолжение этого воззвещения, а также мессианских знаков, которые подал Иисус, прежде чем прийти в дом для Тайной вечери, чтобы сказать там прощальную речь, мы находим события и слова, которые представляют собой особо важные моменты в этом продолжающемся откровении. Евангелист Лука, уже представивший Иисуса как "исполненного Духом Святым" и поведенного "Духом в пустыню" (Лк. 4, 1), сообщает нам, что Иисус, по возвращении семидесяти учеников из послания, порученного им Учителем, когда они с радостью рассказывали ему о событиях их деяния, "возрадовался духом... и сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам; ей, Отче! Ибо таково было Твое благоволение" (Лк. 10, 21). Иисус ликует от радости о божественном отцовстве; он ликует, так как ему даровано открыть это отцовство; он ликует, наконец, так как это божественное отцовство особым образом простирается на "младенцев". "Ликование во Святом Духе" (в тексте католического Нового Завета. — *Прим. переводчика*), "возрадовался духом" (православный текст. — *Прим. пер.*) — так называет это евангелист.

Такое ликование до некоторой степени побуждает Иисуса сказать нам еще больше. Мы слышим: "Все предано Мне Отцом Моим; и кто есть Сын, не знает никто, кроме Отца, и кто есть Отец, не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть" (Лк. 10, 22).

21. То, что при Богоявлении на Иордане произошло, так сказать, "извне", "свыше", то здесь приходит "изнутри", из глубины того, что есть Иисус. Таково дальнейшее откровение Отца и Сына, которые соединены во Святом Духе. Иисус говорит только об отцовстве Бога и собственном сыновстве; он не говорит прямо о Духе, который есть любовь и потому связует Отца и Сына. Тем не менее то, что он говорит об Отце и самом себе, происходит из той полноты Духа, которая есть в нем, которая изливается в его сердце, проникает в самое его Я и изнутри возбуждает и оживляет его действие. Отсюда это "ликование во Святом Духе". Единство Христа со Святым Духом, единство, которое он полностью сознает, выражается в "ликовании", которое таким образом до некоторой степени дает почувствовать его источник. Так обнаруживает себя особое откровение и возвышение, каким оно уготовано Сыну Человеческому, Христу и Мессии,

чья человечность принадлежит к лицу Сына Божьего, единосущного в божестве Духу Святому.

В своем чудесном исповедании отцовства Бога Иисус Назарей открывает и самого себя, свое божественное Я: он воистину "того же естества", и потому "кто есть Сын, не знает никто, кроме Отца, и кто есть Отец, не знает никто, кроме Сына"; это тот Сын, который "ради нас человек и нашего спасения... стал человек... чрез Духа Святого... от Девы Марии".

6. Воскресший Христос: "Примите Духа Святого"

22. Своим рассказом Лука подводит нас вплотную к той истине, которая содержится в прощальной речи в доме Тайной вечери. Иисус из Назарета, "возвышенный" во Святом Духе, показывает себя во время этой речи и этого разговора как Тот, кто "приносит Дух", кто ценой своего "ухода" через крест должен принести и "подать" его апостолам и Церкви.

Слово "принести" значит здесь прежде всего открыть. В Ветхом Завете, начиная с Книги Бытия, Дух Божий стал нам сперва более или менее известен как "дуновение" Бога, которое животворит, как божественное "дуновение жизни". В Книге Исаяи он изображается как "даяние" для лица Мессии, как Тот, кто почил на нем, чтобы изнутри направлять все действия "помазанника". На Иордане обетование Исаяи приняло конкретную форму: Иисус из Назарета есть Тот, кто грядет во Святом Духе и принесет его как свое даяние в собственном лице, чтобы расширить его через свою человечность: "Он будет крестить вас Духом Святым" (Мф. 3, 11; Лк. 3, 16). В Евангелии от Луки это откровение Святого Духа подкреплено и развернуто далее как внутренний источник мессианской жизни и действия Иисуса Христа.

В свете того, что Иисус говорит в прощальной речи на Тайной вечере, Святой Дух открывается новым и более полным образом. Он не только даяние для лица (для лица Мессии), но и как даяние сам есть лицо. Приход этого лица Иисус возвещает как приход "другого Утешителя", который как Дух истины "наставит" апостолов и Церковь "на всякую истину" (Ин. 16, 13). Это совершится на основании особой общности между Святым Духом и Христом: "Он... от Моего возьмет и возвестит вам" (Ин. 16, 14). Общность эта имеет свой исходный источник в Отце: "Все, что имеет Отец, есть Мое; потому Я сказал, что от Моего возьмет и возвестит вам" (Ин. 16, 15). Так как Святой Дух происходит от Отца, его посылает Отец (ср. Ин. 14, 26; 15, 26). Святой Дух вначале был послан как даяние для человекаорожденного Сына, дабы исполнить мессианские обетования. После "ухода" Христа, Сына, Святой Дух, согласно иоаннову тексту, придет непосредственно — это его новое послание, — чтобы завершить дело Сына. Так он станет Тем, кто приводит к полному свершению новую эру истории спасения.

23. Мы приблизились к порогу пасхальных событий. Новое, окончательное откровение Святого Духа как лица, которое есть целиком даяние, происходит именно тогда. Пасхальные события — страдание, смерть и воскресение Христа — суть также время обновленного прихода Святого Духа, теперь как Утешителя и Духа истины. Это — время "нового начала" в самосообщении триединого Бога человечеству во Святом Духе чрез дело Христа Спасителя. Это новое начало есть избавление мира: "Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего едиnorodного" (Ин. 3, 16). Уже в "отдаче" Сына, в даре Сына, проявляется глубочайшая сущность Бога, который — как божественная любовь — и есть неисчерпаемый источник дарения. В даре, который дает Сын, находят свое полное свершение откровение и дарение вечной любви: Святой Дух, который в неисследимых глубинах божества есть дар как лицо, по-новому приносится в дар через Сына, то есть через пасхальную тайну, апостолам и Церкви, а через нее — человечеству и всему миру.

24. Свое окончательное выражение тайна сия получает в день воскресения. В этот день Иисус из Назарета, который, как пишет апостол Павел, "родился от семени Давидова по плоти..., открылся Сыном Божиим в силе, по духу святости, чрез воскресение из мертвых" (Рим. 1, 3—4). Так что можно сказать, что "возвышение" Христа как Мессии достигает своей высшей точки в воскресении, в котором он открывает себя как Сына Божьего, "в силе". И сила эта, чьи источники kloкочут в неисследимой тройственной общности, проявляется прежде всего в том, что воскресший Христос исполняет и уже произнесенное устами пророка Иезикииля обетование Бога: "И дам вам сердце новое и дух новый дам вам... дух Мой" (Иез. 36, 26—27; ср. Ин. 7, 37—39; 19, 34), и собственное, данное апостолам обетование: "...если пойду, то пошлю Его к вам" (Ин. 16, 7). Это Дух истины, Утешитель, которого посылает Христос воскресший, дабы преобразить нас в его собственное подобие воскресшего (ср. Кирилл Александрийский. О Евангелии Иоанновом, кн. V, гл. 2).

В Евангелии говорится так: "В тот же первый день недели вечером, когда двери дома, где собирались ученики Его, были заперты из опасения от Иудеев, пришел Иисус, и стал посреди, и говорит им: мир вам! Сказав это, он показал им руки (и ноги) и ребра Свои. Ученики обрадовались, увидевши Господа. Иисус же сказал им вторично: мир вам! Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святого" (Ин. 20, 19—22).

Все подробности этого ключевого текста Евангелия от Иоанна имеют свою силу высказывания, в особенности когда мы читаем их в связи с теми словами, которые были произнесены в начале пасхальных событий в том же доме Тайной вечери. Отныне все события, *triduum sacrum*, три священных дня Иисуса, помазанного и посланного Отцом в сей мир, — приходят к своему свершению. Христос, который на кресте "предал дух" (Ин. 19, 30) как Сын Человеческий и Агнец Божий, тотчас после воскресения идет к апостолам, чтобы "вдунуть" в них ту силу, о которой говорит Послание к Римлянам (ср. Рим. 1, 4). Приход Господа наполняет присутствующих радостью: их "печаль... в радость будет" (Ин. 16, 20), как и было обещано им самим перед его муками. И прежде всего осуществляется главное обетование прощальной речи: восставший из мертвых Христос "приносит" апостолам, вводя тем самым новое творение, Святой Дух. Он приносит его ценой своего "ухода"; он дарует им этот Дух в известной мере чрез раны своего распятия: "...показал им руки и ребра Свои". В силу этого распятия он может им сказать: "Примите Духа Святого".

Так образуется тесная связь между ниспосланием Сына и ниспосланием Святого Духа. Нет послания Святого Духа (после первородного греха) без креста и воскресения. "Если Я не пойду, Утешитель не придет к вам" (Ин. 16, 7). Образуется и тесная связь между ниспосланием Святого Духа и ниспосланием Сына внутри спасения. Послание сына находит в некотором смысле свое "завершение" в спасении. "От Моего возьмет и возвестит вам" (Ин. 16, 15). Спасение окончательно и полностью совершается Сыном как помазанником, который пришел и исполнил свое деяние в силе Святого Духа, принеся, наконец, всего себя в жертву на деревянном кресте. Но это спасение в сердце и совести людей — в истории мира — совершается вместе с тем постоянно Святым Духом, "другим Утешителем".

7. Святой Дух и время Церкви

25. "Когда было свершено дело, которое Отец поручил Сыну выполнить на земле (ср. Ин. 17, 4), был послан в день Пасхи Дух Святой, дабы впредь всегда освящать Церковь и для того, чтобы верующие таким образом имели чрез Христа в Духе доступ к Отцу (ср. Еф. 2, 18). Он есть Дух жизни, источник влаги, бьющий для вечной жизни (ср. Ин. 4, 14; 7, 38—39); чрез него Отец оживляет умерших во грехе людей, чтобы воз-

будить наконец их смертные тела к жизни во Христе" (II Ватиканский собор. Догматическое установление о Церкви "Свет народов", 4).

Так Второй Ватиканский собор говорит о рождении Церкви в день Пасхи. Это событие образует окончательное откровение того, что уже происходило в пасхальное воскресенье в том же доме Тайной вечери. Воскресший Христос пришел и "принес" апостолам Дух Святой. Он дарует его им со словами: "Примите Духа Святого". То, что происходило тогда в трапезной, "за закрытой дверью", позже, в день Пасхи, выносятся наружу, на люди. Отворяются двери, и апостолы обращаются к жителям и к паломникам, присутствующим на празднике в Иерусалиме, чтобы в силе Святого Духа дать свидетельство о Христе. Таким образом сбывается обетование: "Дух истины... будет свидетельствовать обо мне; а также и вы будете свидетельствовать, потому что вы сначала со Мною" (Ин. 15, 26—27).

В другом документе Второго Ватиканского собора мы читаем: "Без сомнения, Дух Святой уже действовал в мире, прежде чем был прославлен Христос. Однако в день Пасхи Он сошел к ученикам, чтобы оставаться с ними всегда. Церковь была объявлена публично перед толпой, и распространение Евангелия среди язычников через возвешение получило свое начало" (Декрет о миссионерской деятельности Церкви "К народам", 4).

Время Церкви началось с "прихода", то есть с сошествия Святого Духа на апостолов, которые собрались в трапезной Тайной вечери в Иерусалиме с Марией, матерью Господа (ср. Деян. 1, 14). Время Церкви началось в тот момент, когда обетования и возвешения, столь отчетливо относившиеся к Утешителю, к Духу истины, начали со всей мощью и отчетливостью исполняться на апостолах и таким образом осуществлять рождение Церкви. Об этом подробно и во многих местах говорит история апостолов, из которой видно, что Святой Дух в сознании первообщины, взгляды которой воспроизводит Лука, взял на себя незримое — но и в некотором роде "воспринимаемое" — руководство теми, кто после ухода Господа Иисуса глубочайшим образом почувствовали себя оставленными сиротами. Теперь, с приходом Духа, они увидели, что оказались в состоянии исполнить доверенное им послание. Они почувствовали себя в силах. Именно это и содейл Святой Дух и совершает это в Церкви постоянно с их наследниками. Дар благодати Святого Духа, который апостолы передали наложением рук своим помощникам, вновь и вновь будет передаваться в рукоположении епископов. Епископы же, в свою очередь, подают в святых дарах духовную долю участия в этом даянии милости и пекутся о том, чтобы в святом причастии все, кто возрожден из воды и Духа, укреплялись в нем. Так пасхальная милость присутствует в Церкви в некотором роде постоянно.

Как пишет Собор, "Дух живет в Церкви и в сердцах верующих, как в храме (ср. 1 Кор. 3, 16; 6, 19), в них молится и свидетельствует об их усыновлении ею (ср. Гал. 4, 6; Рим. 8, 15—16, 26). Он вводит Церковь во всю истину (ср. Ин. 16, 13), соединяет ее в общину и в едином служении, готовит ее и руководит ею чрез различные иерархические и харизматические дары, и украшает ее своими плодами (ср. Еф. 4, 11—12; 1 Кор. 12, 4; Гал. 5, 22). Через силу Евангелия он в любое время омолаживает Церковь, обновляет ее вновь и вновь и ведет ее к совершенному соединению с ее Женихом" (Догматическое установление о Церкви "Свет народов", 4). Имеется целая патристическая и теологическая традиция о внутреннем единстве Святого Духа с Церковью; единство это иногда изображается по аналогии с отношением души и тела в человеке. Ср. Иринея. Против ересей, III, 24, 1; Августин. Поучение 267, 4, 4; Поучение 268, 2; Трактат о Евангелии Иоанновом, XXV13, XXVII, 6; Григорий Великий. Изложение семи покаянных псалмов, псалом V, 7; Дидим Александрийский. О Троице, II, 1; Афанасий. Речь III против ариан, 22, 23—24; Иоанн Златоуст. О Послании к Ефесянам, гомилия XI, 3. Фома Аквинский подвел итог всей предшествующей патристической и теологической традиции, представив Святой Дух как "сердце" и "душу" Церкви; ср. Сумма теологии,

III, 8, 1, 3; Изложение Символа апостолов, IX; О Третьей книге изречений, XIII, 2, 2, 3).

26. Приведенные выше места из соборного установления "Свет народов" говорят нам о том, что с приходом Святого Духа началось время Церкви. Они говорят нам также, что это время, время Церкви, продолжается. Оно продолжается через века и поколения. В нашем веке, когда человечество приближается уже к исходу второго тысячелетия от Рождества Христова, это время Церкви особо выразило себя на Втором Ватиканском соборе, как соборе нашего столетия. Ведь известно, что он был главным образом "экклесиологическим" собором — собором на тему о Церкви. С другой стороны, учение этого Собора является по своей сущности "пневматологическим": оно пронизано истиной о Святом Духе как душе Церкви. Мы вправе сказать, что II Ватиканский собор в своем содержательном учении бесспорно выражает все то, что "Дух говорит церквам" (Откр. 2, 29; 3, 6; 3, 13; 3, 22) применительно к современной фазе истории спасения.

Руководимый Святым Духом, вместе с ним дав свидетельство, Собор особым образом подтвердил присутствие Святого Духа Утешителя. В некотором смысле Собор заново "осовременил" его в нашу трудную эпоху. В свете этого убеждения становится понятней большое значение всех тех инициатив, которые имеют целью осуществление II Ватиканского собора, его учения, пастырского и экуменического следования ему. В этом смысле следует рассматривать и оценивать и последующие собрания епископских синодов, которые стремятся способствовать тому, чтобы плоды истины и любви — подлинные плоды Святого Духа — стали устойчивым достоянием народа Божьего в его земном странствии через столетия. Эта работа Церкви необходима, дабы отбирать и укреплять дарованные Собором спасительные плоды Духа. Ради этой цели надобно уметь прежде всего внимательно "отличать" их от того, что, в противоположность этому, прежде всего может происходить от "князя мира сего" (Ин. 12, 31; 14, 30; 16; 11). Это различие при осуществлении дела Собора тем более необходимо в условиях, когда Собор был столь открыт сегодняшнему миру, как это ясно видно из соборных установлений "Радость и надежда" и "Светоч народов".

В пастырском установлении мы читаем:

"Ибо собственное ее сообщество (учеников Христовых) образовано из людей, которые, будучи соединены во Христе, руководимы Духом Святым в их странствии к царству Отца и восприняли спасительную весть, каковую всем надлежит исполнить... Церковь хорошо знает, что Бог, которому она служит, есть единый ответ на глубочайшее томление человеческого сердца, никогда не могущее насытиться вполне дарами земли... Чудесное провидение (Духа Божьего) руководит течением времен и обновляет облик земли" ("Радость и надежда", 1; 41; 26). ●

Продолжение следует

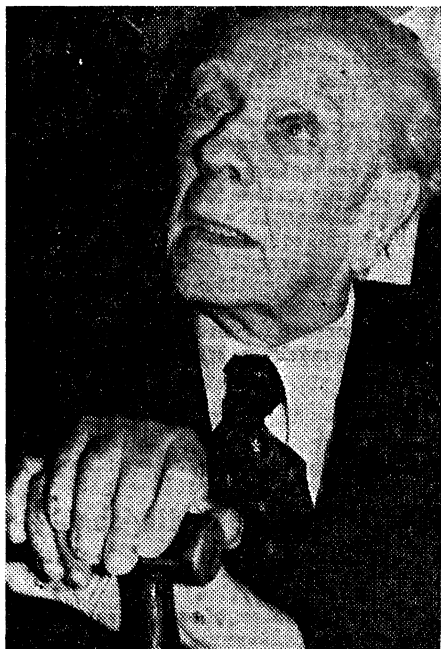
МЕЖДУ ПРОЧИМ

ПО КОМ ЗВЕНИТ БУДИЛЬНИК?

Осенью 1985 г. в Болгарии было введено новое правило: отныне каждый покупатель будильника обязан его официально зарегистрировать. При регистрации записывается номер будильника, имя и адрес владельца.

Причина этой необычной меры — участвовавшие взрывы на железных дорогах и в государственных учреждениях Болгарии (см. "Страна и мир", № 10, 1984 г.) В качестве часового механизма для самодельных "адских машин" террористы обычно используют будильники.

Похоже, что двенадцатый час для болгарского режима не пробьет, а прозвенит.

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ, МИФОЛОГИЯ ОКРАИН, ИГРЫ С ВРЕМЕНЕМ И ПРОСТРАНСТВОМ

Смерть
Хорхе Борхеса

События — удел его, Борхеса. Я бреду по Буэнос-Айресу и останавливаюсь — уже почти машинально — взглянуть на арку подъезда и решетку ворот; о Борхесе я узнаю из почты и вижу его фамилию в списке преподавателей или в биографическом словаре. Я люблю песочные часы, географические карты, издания XVIII века, этимологические штудии, вкус кофе и прозу Стивенсона; он разделяет мои пристрастия, но с таким самодовольством, что это уже походит на роль. Не стоит сгущать краски: мы не враги — я живу, остаюсь в живых, чтобы Борхес мог сочинять свою литературу и доказывать ею мое существование. Охотно признаю, кое-какие страницы ему удалось, но и эти страницы меня не спасут, ведь лучшим в них он не обязан ни себе, ни другим, а только языку и традиции. Так или иначе, я обречен исчезнуть, и, быть может, лишь какая-то частица меня уцелеет в нем. Мало-помалу я отдаю ему все, хоть и знаю его болезненную страсть к подтасовкам и преувеличениям. Спиноза утверждал, что сущее стремится пребыть собой, камень — вечно быть камнем, тигр — тигром. Мне суждено остаться Борхесом, а не мной (если я вообще есть), но я куда реже узнаю себя в его книгах, чем во многих других или в самозабвенных переборах гитары. Однажды я попытался освободиться от него и сменил мифологию окраин на игры со временем и пространством. Теперь и эти игры принадлежат Борхесу, а мне нужно придумывать что-то новое. И потому моя жизнь — бегство, и все для меня — утрата, и все достается забавенью или ему, другому.

Я не знаю, кто из нас двоих пишет эту страницу.

Автор этого текста, — мы цитируем его в переводе Б. Дубина, — аргентинский поэт, прозаик, автор психологических новелл, действие которых происходит на окраинах Буэнос-Айреса, среди бывших гаучо, в романтизированной полууголовной среде, но также и фантастических философских притч, блестящий стилист, сочетающий причудливую изысканность вымысла со строгой дисциплиной языка, благородным, сдержанным и прозрачным слогом, — Хорхе Луис Борхес — скончался в Женеве в субботу 14 июня с. г., не дожив двух месяцев до своего 87-летия. Борхес родился в Буэнос-Айресе, его отдаленным предком был конкистадор, женившийся на индианке; прадед был полководцем и сподвижником Боливара; одна из бабушек Борхеса была англичанка, в многочисленной "крови" писателя присутствовала и еврейская примесь. В 1921 году, вернувшись из Европы, где он провел, главным образом в Женеве, школьные годы, Хорхе Борхес стал во главе группы поэтов-"ультраистов", стремившихся — без особого успеха — перенести на аргентинскую почву приемы французского сюрреализма и немец-

кого экспрессионизма. После 1930 г. Борхес надолго оставляет поэзию, а в 1938 году в его творчестве наступает перелом, связанный с тяжелой черепно-мозговой травмой, которая едва не стоила ему жизни. Он рассказывает (в беседе с Хорстом Бинеком), что лежа в больнице он принял решение испытать себя в фантастической литературе. В последующие десятилетия вышли сборники "Вымыслы", "Алеф", "Новые расследования", "Лабиринты", "Делатель", "Доклад Броуди", "Книга песчинок", которые принесли ему международную славу. В стилизованных под ученые статьи, глоссы и трактаты рассказах Борхеса можно найти ссылки (частью вымышленные) на все что угодно, на эпос разных народов, Ветхий и Новый Завет, гностическую и оккультную литературу, на знаменитых и забытых философов, богословов, поэтов далеких и близких времен. На русских писателей, правда, он не ссылается. Борхес перевел на испанский язык Кафку, Вирджинию Вулф, Фолкнера. В возрасте около 55 лет он потерял зрение — исход хронического наследственного заболевания сетчатки. Многие годы Борхес занимал пост директора Национальной библиотеки в Буэнос-Айресе, в детстве он не вылезал, по его словам, из библиотеки своего отца; вне книг и манускриптов, длинных полок, уставленных фолиантами, вне Библиотеки, которая заключает в себе целый мир и с которой он сравнивал мир, его невозможно себе представить.

В прогремевшем романе итальянского семиотика Умберто Эко "Имя Розы", сюжет которого — загадочное происшествие, случившееся в средневековом аббатстве, появляется лукавый слепой старец, ученый библиотекарь отец Хорхе из Бургоса. Это Борхес.

Хосе ФРИДЛЬ САПАТА

БОРХЕС В ЯЗЫКЕ И ТРАДИЦИИ

Я познакомился с Хорхе Борхесом осенью 1971 года. Я много слышал о нем, о его загадочной манере выражаться, о том, что он не любит говорить о своих произведениях, о его застенчивости, ставшей притчей во языцех; слышал, конечно, и о его необычайно остром уме, об этой манере неожиданно переходить в разговоре от одной темы к другой, от политики к литературе, от Уота Уитмена к Верлену, от этимологии к шахматам. Все это подтвердилось. Передо мной сидел довольно тщедушный на вид старик с гладко зачесанными белыми волосами, с пустыми глазами, устремленными в никуда, держа на коленях узловатые руки, и почти мелодраматическим голосом, нараспев, говорил о немецкой, английской, скандинавской и, конечно, латиноамериканской литературе.

Ныне Борхес — модная тема споров, у него немало поклонников, но и критиков более чем достаточно. Их возмущают его взгляды, часто (и несправедливо) аттестуемые как реакционные, а еще больше — его произведения, которые кажутся многим слишком отстраненными, слишком далекими от жгучих проблем южноамериканского континента. Борхеса это мало задевает. Его упрекают в том, что он чересчур европеец, иностранец в своей стране. Борхес криво усмехается. На вопрос какого-то чилийского журналиста, считает ли он себя аргентинским писателем, он ответил: "No, señor, soy chino" (Что вы, сударь, я китаец). Для Борхеса не существует альтернативы: либо искусство для искусства — либо литература, которая "служит народу". Так называемая *literatura indígena*, почвенная словесность, для Борхеса — коренного аргентинца — малоинтересна уже потому, что на берегах залива Ла-Плата давно уже не осталось ни одного индейца, что же касается "литературы гаучо", которая кажется литературоведам истинно-нацио-

нальным достоянием Аргентины, то она для него попросту искусственный продукт, созданный в Буэнос-Айресе. *Argentinitismo* и *européismo*, с точки зрения Борхеса, — не противоположности. Напротив, аргентинский европеизм для него такая же часть аргентинской культуры, часть страны, как и пампа. Европа была и остается духовным прошлым Аргентины. Оттого Борхес так часто обращается к Старому Свету, отсюда его столь близкое нам творчество.

Этот писатель питает особую привязанность к жанру *сuento breve*, короткого рассказа, где сознательно приносится в жертву эпическая широта и обстоятельность. Тесное пространство новеллы дисциплинирует автора, заставляя его целиком сосредоточиться на действии. Но очень часто у Борхеса рассказчик не столько повествует, сколько рефлектирует, комментирует и подвергает сомнению то, о чем он ведет речь. Сжатая проза Борхеса тяготеет к медитативной эссеистике, а героями оказываются варианты, иносказания и отражения главной темы — созданного им образа вселенной.

В рассказе-эссе "Аналитический язык Джона Уилкинса" Борхес близок к представлению Юма о мире как творении несовершеннолетнего Бога, бросившего дело своих рук незаконченным.¹ Можно сказать, что философия Юма вместе с воззрениями гностиков наложили отпечаток на образ мира у Борхеса. Мир, сотворенный незрелым, неопытным и неосторожным Богом, мир, в котором нет высшего авторитета и единой точки отсчета, не может притязать на гармонию и порядок. А если порядок и существует, то он отвечает лишь божественным законам, непостижимым для человеческого рассудка. Человек обречен жить среди хаоса, он погружен в неупорядоченное бытие, и все усилия вырваться из хаоса никогда ни к чему не приведут. Подобно человеку Альбера Камю, однажды осознавшему абсурд существования и страстно восставшему против него, герой Борхеса вновь и вновь сшибается с бессмысленностью, с необъяснимостью мира — притом, однако, что для экзистенциалистов абсурд есть нечто абсолютное, а у Борхеса мир хаотичен лишь в глазах человека, но не с точки зрения Бога.

Это видение хаотически-неисчерпаемого мира бесконечно варьируется в произведениях Борхеса. То это пустыня, то это диковинный восточный дворец; то он оказывается некоторой головокружительной мыслью, увлекательно-завораживающей спекуляцией, то — библиотекой. Уже из первой фразы знаменитого рассказа "Вавилонская библиотека" мы понимаем, что эта библиотека, бесконечный и безвыходный лабиринт знания, — есть символ. "Вселенная — некоторые называют ее Библиотекой — состоит из..." Подобно миру, Библиотека не имеет границ, она представляет собой беспредельное экспериментальное поле для всех мыслимых комбинаций, ересей, спекуляций и комментариев по поводу комбинаций, спекуляций и ересей. Она напоминает замок Кафки или его же новеллу о кроте. Видимое выражение этого хаоса — лабиринт, "символ нашего изумления перед универсумом". Борхес описывает его как внутреннее помещение Библиотеки, но не горизонтальное, а вертикальное. Лабиринт открыт для поиска — не частных земных истин, но метафизической Реальности, единственного во всем неисчерпаемом книгохранилище тома, который содержит все существенное и первичное; обладание им сделало бы излишним чтение всех остальных томов, прочитавший его был бы уже не человеком, но всеведующим Богом. В хаотическом мире человек одержим желанием восстановить порядок; это безнадежное предприятие, собственно, и составляет смысл всей истории человечества на Земле. Но так как на самом деле упорядочить мир, постичь замысел божества и увидеть смысл в хаосе невозможно, человек решает осуществить это — в меру собственных сил и возможностей — в воображаемом, фантастическом универ-

¹ В рассказе приведена следующая цитата из "Диалогов о естественной религии" Д. Юма (1779): "Быть может, мир есть не что иное как примитивный набросок, проба сил какого-нибудь инфантильного Бога, который оставил свой недоделанный мир, устыдившись его несовершенства; мир создан Богом низшего порядка, и высшие боги потешаются над ним; мир наворочен кое-как дряхлым от старости божеством, которое уже успело с тех пор выйти на пенсию и скончаться". — Прим. переводчика.

суме. Он хочет доказать Богу, — которого, быть может, вовсе нет, — доказать, что и смертные существа способны сотворить мир по своим законам, в согласии с их собственными представлениями. Этот мир — Укбар, о котором рассказывается в новелле "Тлён, Укбар, Orbis Tertius", — изобретение тайного братства астрономов, биологов, инженеров, философов, химиков, поэтов, моралистов, алгебраистов и геометров. Они построили этот фиктивный мир со всей его историей и географией, с его языками и мифологией, гармоничный, законосообразный, благоустроенный в метафизическом смысле мир, отвечающий требованиям всех — в том числе противоречащих друг другу — умозрительных систем. В этом мире конкретная действительность существует лишь как идея, понятие пространства отсутствует, причины и следствия постоянно меняются местами. Истины нет, все, что происходит, происходит непредвиденно. Научное знание, развитие отдельных дисциплин в этих условиях лишено смысла, поэтому наук в нашем смысле слова в Тлёне нет, за исключением психологии. Зато здесь пользуются признанием многочисленные метафизические учения, например, концепция мира как священного текста, представление о том, что вселенная есть система символов, пантеизм, допускающий, между прочим, что человек может быть одновременно двумя существами, наконец, идеалистическая философия в духе Канта и Шопенгауэра ("мир есть мое представление о мире"), которая, по-видимому, ближе других к действительности Тлёна: в конце первой части своего рассказа автор сообщает, что вещи в его мире не только способны удваиваться, но "у них также есть тенденция меркнуть и утрачивать детали, когда люди про них забывают". Тлён, или Укбар, — это планета, на которую была бы похожа Земля, если бы субъективный идеализм был адекватным описанием действительности.

Мир как вымысел, родившийся в чьей-то голове, — другой излюбленный мотив Борхеса. Новелле-притче "Круги руин" предпослан эпитафия из "Зазеркалья" Льюиса Кэрролла: "And if he left off dreaming about you..." (А если он больше не будет видеть вас во сне...). Тем самым намечена тема рассказа. Человек добирается до сожженного храма, каменные руины которого, образующие несколько концентрических кругов, сохранились в пустынной болотистой местности. Гостя привело сюда "странное, но не невыполнимое намерение увидеть во сне человека, чтобы ввести его затем в реальный мир". В дальнейшем герой убеждается, что он сам — сновидение этого человека. Фантастическое "взаимосуществование" двух сновидцев в конечном итоге возвращает нас к буддийскому представлению о мире как иллюзии и к галлюцинаторному характеру вещей в духе субъективного идеализма; обе доктрины сходятся в философии Шопенгауэра, одного из любимых авторов нашего писателя.

В мире, где царит хаос, где человек может оказаться сном другого, может быть, сновидением Бога, центральной метафизической проблемой оказывается время. С точки зрения человека время — это мгновенная вспышка молнии на небе столетий, с точки зрения Бога — всего лишь ряд поколений, которые живут как бы все вместе. Если человек наблюдает вещи и явления последовательно, в их смене, то для высшего созерцателя все совершается одновременно. Писатель предлагает нам попытаться примирить в нашем сознании оба представления. Но что значить примирить? В "Бессмертном" освобождение от власти времени оказывается жестокой карой. В рассказе "Юг" герой живет одновременно в двух временах. Проблема времени, в свою очередь, приводит Борхеса к центральному понятию и центральной проблеме каждого писателя, в сущности неразрешимой: к языку. Язык кодирует действительность и вместе с тем противостоит ей; язык следует аристотелевской модели времени, переходя от того, что было сначала, к тому, что стало потом. Язык рассказывает. Но на самом деле событие или события могут происходить одномоментно. Если бы можно было выразить эту одновременность в одной фразе, в одном слове! Мечта эта так же неосуществима, как и желание упорядочить мир. И не этим ли объясняется снедающая Борхеса страсть к совершенствованию слога, не отсюда ли его стремление к максимальной объективности повествования и классической простоте.

К моменту, когда Борхес появился в литературе, испанский язык на латиноамериканской почве успел завершить длившийся более столетия процесс переформирования; кульминации этот процесс достиг у никарагуанского поэта Рубена Дарио, основоположника испаноамериканского литературного модернизма. Возвратившись в конце прошлого века в Латинскую Америку из Парижа, Дарио сумел выковать новый поэтический язык, найти собственный и типичный для испанского Нового Света способ выражения. Но язык модернистов был избыточным, разбухшим и ненатуральным, это был стиль, перегруженный метафорами, аллегориями, повторами. Можно считать почти законом, что за сугубо субъективным стилем романтизма следует объективная поэтика, для которой характерна почти естественнонаучная точность языка. Так произошло и в Латинской Америке, где реакцией на романтическое и модернистское пышнословие стало тяготение к обдуманной ясности, точности и простоте. Сколь ни многочисленны критики Борхеса, — идет ли речь о его личности, о его высказываниях на политические темы или о его книгах, — едва ли кто-нибудь будет отрицать, что без Борхеса появление многих выдающихся книг современной латиноамериканской литературы было бы немыслимо. Борхес поставил свое клеймо на прозе и поэзии всего континента. Видимое или невидимое присутствие этого патриарха ощутимо и у Эрнесто Сабато, и у Хулио Кортасара, и у Габриэля Гарсиа Маркеса, и у Хуана Карлоса Онетти.

Я уже говорил, что чаще всего Борхеса упрекали в том, что его литература чересчур европейская и, значит, недостаточно "коренная", недостаточно аргентинская или, еще шире, — не американская. Когда в 1921 году Борхес приехал из Мадрида в Буэнос-Айрес, возникшее там течение ультраистов избрало своим центром журнал "Martín Fierro" (по имени героя поэмы Хосе Эрнандеса, ставшей чем-то вроде национального эпоса Аргентины). Ультраизм стремился преодолеть экзотические игры Дарио и его последователей с помощью "креолизма", некоторого модернизированного почвенничества. Первый рассказ Борхеса "Муж Эскуины Росада" еще вполне отвечал этому устремлению. Но то, что за ним последовало, было уже в другом роде. Это не значит, что аргентинский элемент полностью и навсегда исчез из прозы Борхеса; исчезли поверхностные, нарочито-национальные приметы. В статье "Аргентинский писатель и традиция"¹ Борхес довольно язвительно высказывается против этого подчеркнуто патриотического местного колорита. Нечто подлинно аргентинское, реальность своей страны или хотя бы частицу ее реальности он выражает совершенно иными средствами, на языке символов.

Есть для него одна принципиальная разница между Старым и Новым Светом. Европейец взирает на мир как на космос, в котором каждому отведено его место и функция. Аргентинец видит во вселенной хаос. Судьбу жителя Рио де Ла-Плата определяет единственный закон — закон насилия, символ этого закона — нож. Я говорю о "реалистических", психологических новеллах Борхеса, той части его творчества, которую он называет "мифологией окраин". Нож, поединок — вот сгущенный образ судьбы героя в рассказе "Юг", о котором уже упоминалось. Дальман, так зовут этого человека, не может уклониться от вызова, ибо это — вызов рока. Слепой в своей жестокости закон жизни гаучо вырастает в слепой закон аргентинской истории и аргентинского общества. "Аргентинизм" Борхеса не есть музейно-патриотическое экспонирование национальных реликвий, но горькая правда аргентинской судьбы.

До начала тридцатых годов (точнее, до государственного переворота в сентябре 1930 г.) аргентинцы — Митре, Сармиенто, Авелланеда — ломали себе голову над вопросом, какой должна стать их страна. То были моралисты, возлагавшие великие надежды на свою родину в пору цивилизаторских грез и прогрессистских иллюзий. Кризис конца 20-х годов был жестоким пробуждением: цивилизация дрогнула перед натиском грубой силы. Теперь вопрос стал звучать иначе, не "какой должна быть Аргентина?", а "какова

¹ См. об этой статье "Страна и мир", 1985, 1-2, стр. 126. — Прим. переводчика.

она?" Борхес был одним из первых, кто заметил, что не силы разума и цивилизации, а энергия хаоса управляет страной.

...Мы расстались с Борхесом через несколько часов после того, как я вошел в его кабинет директора библиотеки. Мне вспомнились слова Дриё ла Рошеля, сказанные им в 1933 году, по возвращении во Францию из Буэнос-Айреса: "Borges vaut le voyage" (Борхес стоит того, чтобы туда съездить). Вспомнил я и характеристику, которую часто выдают Борхесу литературные критики: писатель для писателей. Тот, о котором идет речь, как будто и сам не возражает против этого; во всяком случае, в послесловии к сборнику "Делатель" говорится: "Жизнь меня щадила, зато я много читал". Но и к этой фразе надо относиться с осторожностью, как и ко многому, что Хорхе Луис Борхес сказал о самом себе. ●

В СТОРОНЕ ОТ ПАРФЕНОНА

Сойдя с Акрополя по юго-восточному склону, вы попадаете из воздушного великолепия Парфенона, из священной Эллады в совершенно другой мир: приземистые, почти без окон домишки с глухими внутренними двориками, узкие, кривые улочки, глинобитные ограды. Восток...

Да это и создано Востоком: квартал возник в XVI—XVIII веках, в эпоху турецкого владычества. Это сплетение ориентальных и античных эллинских элементов в самом сердце Афин знаменательно: оно пронизывает всю Грецию и особенно колоритно выглядит на островах и на юге Пелопоннеса.

Конечно, речь идет не только об архитектуре: в современном греке живет и много-страдальный "райя", вынесший всю тяжесть 400-летнего турецкого ига, научившийся молчать, надеяться и терпеть, и гордый "клефтис", противопоставивший мощи Оттоманской империи свое свободолюбие и отвагу, и далекий античный предок с его склонностью к философствованию, тягой к прекрасному, твердым духом и мудрой жизнерадостностью.

Прислушайтесь к греческой музыке: в ней звучит Восток — тягучие, печальные мелодии Эпира и Фессалии уносят вас на другой берег Средиземного моря. Да и гордые напевы островитян своей размеренной, ленивой неторопливостью перекликаются с арабскими песнопениями.

Характерна история песни "Дирланда", очень популярной в начале 80-х годов и получившей мировую известность (кажется, даже в Советском Союзе была выпущена пластинка). Народная мелодия была обработана греческим композитором. После того как песня стала широко известной, турки уверяли, что ее мотив заимствован из турецкого музыкального фольклора. С этим не согласились арабы: не в греческом и не в турецком народном творчестве следует искать первоисточник, а в арабском!

Несмотря на различные влияния, греческая народная музыка глубоко своеобразна: "Сиртаки", например, ставший музыкальным символом Греции, спутать ни с чем невозможно. Стоит отметить, что национальная музыка пользуется популярностью у молодежи. В дискотеках национальные мелодии слушают, под них танцуют наравне с современным "роком" — явление нечастое в нынешней Европе.

Но если в музыке старинные мотивы приятны, то в быту, в повседневной жизни они выглядят анахронизмом.

В деревне, где-нибудь на Крите, в Пелопоннесе, в глубинке греческих островов, подальше от туристских побережий, женщина все еще служанка. Загляните в крестьянский дом, вы увидите мать — домашнюю рабу, послушную воле своего господина.

Гнет бдительного родительского ока и бескомпромиссной общины гонит сельскую молодежь в город. В Афинах с пригородами живет сегодня около четырех миллионов человек из десятиллионного населения страны. Закостенелость жизненного уклада провинции — конечно, не единственная причина стремительного роста городов, однако она явно способствует этому.

Часам к шести вечера, после сиесты, миллионы греков совершают кофейный обряд. Обряд этот предусматривает не только священнодействие приготовления кофе, но и выяснение отношений за партией в нарды или в карты, и горячие дискуссии о мировой и

местной политике. На 50-граммовую чашечку кофе и непрменный стакан холодной воды требуется минимум полчаса (один знакомый поэт уверял меня, что вода служит катализатором обряда: запивая каждый глоток кофе водой, избегаешь притупления вкуса и в полную силу наслаждаешься ароматом и вкусом напитка).

Стати, о кофе, он появлялся в Греции во времена турецкого владычества, и способ его приготовления, распространённый в Средиземноморье, здесь, как и везде, называется турецким. Но если, приехав в Грецию, вы захотите насладиться ароматом божественного напитка, не просите "кофе по-турецки", а скажите лучше — "по-гречески". Официант непременно оценит ваше "по-гречески", и кофе, возможно, будет чуть крепче...

Тут дело не в национализме греков — по-моему, их трудно в этом обвинить. Установившееся мнение — скорее результат недоразумения: от греков ждут неприязни ко всему турецкому, и они иногда не прочь надеть соответствующую маску.

Конечно, проблем в греко-турецких отношениях немало. И кипрский узел, и разногласия по поводу морских границ в Эгейском море дружбе не способствуют. Но мне запомнились слова гречанки-киприотки из Никозии, хозяйки бензоколонки. Я удивился, что у нее работает подручный мальчик-турок, и вот ее ответ: "Нам с турками делить нечего. Киприоты — и греки, и турки — жертвы большой политики".

Эти слова выражают чувства многих в Греции. Времена Оттоманской империи для нынешних поколений — глубокая старина, как для русских татаро-монгольское иго. В обычаях, в культуре, в нравах — привнесенное растворилось в национальном. Национальное включает в себя привнесенное. Процесс завершился образованием того, что называют современной Грецией.

Сегодня Запад стремительно расчищает себе почву в Греции, даже в быту отсюда влияние Азии. Грек постепенно превращается в европейца, причем процесс этот заметно ускорился после вступления Греции в Общий рынок. Однако грек-европеец сохраняет свое лицо, свой темперамент, свою национальную самобытность; это распространяется на все сферы жизни и проявляется в страстном отношении грека к политике. Трудно сказать, в чем конкретная причина чрезмерной тяги к политике у современных эллинов: в уровне развития экономики страны или в некоторых особенностях новой истории Греции; как бы то ни было, идеология и партийность — важнейшая характеристика грека в глазах сограждан.

Все общество четко разделено на "правых", "левых" и "центр". Каждый может сказать, какой географический район каким цветом окрашен, какой профсоюз к какой политической партии тяготеет, в какой социальной среде популярен тот или иной политический лидер.

Идеологические различия пронизывают экономику, торговлю и даже частную жизнь. Помню, как удивился один американский журналист, обнаружив, что кофейни и таверны тоже делятся на "правые" и "левые" (в провинции это разграничение особенно заметно, но встречается оно и в больших городах). "Так что же: правого не пустят в левую таверну?" — спрашивал американец, не понимая, что в деревне никому и в голову не придет сунуться не в свою таверну.

Эта зависимость жизни рядового человека от идеологии и политики, вероятно, больше всего поражает (а подчас и раздражает) иностранца. Влияние политики распространяется чуть ли не на самые интимные области человеческих отношений. В провинции, особенно в деревне, все еще не столь часты браки между разномыслящими, а основным принципом подбора приятелей нередко служит идеология. Мне, впрочем, иногда кажется, что всякие там политические разговоры, митинги, демонстрации стали для молодежи формами флирта и знакомства.

Молодежные политические организации создаются при содействии партий уже на уровне начальной школы, причем все у них "по-настоящему": собрания, выборы правлений и советов, агитация, пропаганда, митинги и демонстрации, вплоть до стачек и забастовок (недавно бастовали ученики пятого класса одной афинской школы, протестуя против методов преподавания истории).

Предвыборная кампания в Греции отличается необыкновенной активностью и накалом страстей. Накануне выборов 1985 г. обе крупнейшие партии страны — консерваторы и социалисты — собрали на своих митингах в Афинах по миллиону сторонников.

Но, конечно, не предвыборные страсти привлекают в Грецию туриста. Античные древности, лазурь побережий — кто не мечтает, повидать все это? Есть и еще одно немаловажное обстоятельство: страна производит впечатление исключительно гостеприимной.

Греция — одна из самых отсталых западноевропейских стран — предлагает посетителям поразительно разнообразную и богатую ночную жизнь. Всю ночь открыты всевозможные таверны, рестораны, кафе, быстро, кабаре, закусовые. Всю ночь Афины полны спешащих машин и гуляющих пешеходов. В любой час вы можете выйти на площадь Омония, купить свежие газеты, обсудить с многочисленными зеваками последние футбольные матчи...

Для меня навсегда останется загадкой, каким образом умудряются не прогореть все эти бесчисленные таверны и ресторанчики. В греческой столице есть целые районы подобных заведений. Самый известный из них — Плака у подножья Акрополя, включающий и турецкие средневековые кварталы Афин. Плака — колоритное, шумное место с уютными подвальчиками, ресторанными столиками, спрятанными среди деревьев и ви-

ноградников, и полуразрушенными памятниками старины, сгруппированными вокруг двух основных точек — Диогенова фонаря и древней Агоры. Жизнь в Плаке не затихает никогда, а во время карнавалов туда просто не подступиться.

Для Греции характерно чрезвычайно активное участие художественной и литературной элиты в общественной и политической жизни. Актеры и певцы, композиторы, писатели, художники живо откликаются на актуальные события, часто выступают по радио, телевидению, в печати, участвуют в молодежных фестивалях, играют немалую роль в предвыборных кампаниях. Перед выборами широко практикуются совместные обращения деятелей литературы и искусства к народу с призывами голосовать за ту или иную партию.

В Греции несколько сот театров, большинство которых находится в столице. В репертуаре, кроме произведений греческой и мировой классики, постоянно есть спектакли на злобу дня. Быстрота реакции театров на события общественно-политической жизни поразительна: через несколько недель после парламентских выборов в театрах уже шли представления, отражающие результаты выборов.

Заговорив о сцене, я должен упомянуть о неизменной популярности русской темы. Классики русской литературы представлены на греческом языке работами лучших переводчиков и, как правило, в нескольких вариантах. Широко переводятся и современные русские писатели, так что греческому читателю доступны практически все более или менее известные авторы: и ортодоксы вроде Симонова и Шолохова, и своенравные — от Евтушенко до Стругацких, и, наконец, непослушные во главе с Солженицыным и Аксеиновым. Произведения Чайковского, Мусоргского, Шостаковича, Хачатуряна не сходят с афинских афиш. Греческие любители балета недурно разбираются в тонкостях русской балетной школы: артисты Большого театра часто гастролируют у нас. Однако считается делом чести посетить и все выступления Нуреева, выступающего в Афинах ежегодно и тоже, видимо, полюбившего Грецию: он часто приезжает сюда отдохнуть на острова.

В целом к России и к русским греки, несомненно, благоволят. Тут и обратное отражение любви русских к Элладе, и совместная борьба с фашизмом, и воспоминания о поддержке Россией греческой борьбы против турок в XIX веке. А сегодня выражения дружественных чувств к русским сопровождаются и подкрепляются явным антиамериканизмом — следствием активной пропаганды левых сил.

Более или менее широко известна история греческих поселений в России, в которых зародилось греческое освободительное движение и которые дали современному греческому государству первого президента — И. Каподистрию, бывшего до того министром в России.

О русской колонии в Греции известно гораздо меньше. Между тем эта колония возникла давно и резко увеличилась после революции. Среди русских, живших в Греции, можно назвать многих занявших видное место в общественной и культурной жизни страны: генерал Пиларов, инженер Гринько, художник-модельер Полатов, актер Коласин.

В Афинах и других крупных городах русскими были основаны культурные общества, созданы клубы. Но дети эмигрантов постепенно ассимилируются, и некогда оживленная русская колония постарела и поредела. Сейчас действуют лишь "Клуб русских понтийцев" и Русский старческий дом в Афинах; центром русской колонии в Афинах является русская церковь, где собираются по воскресеньям все активисты.

Существуют в Греции и русские монастыри на Афоне, но они живут особняком, их описание — тема особого разговора...

Однажды я решил провести Пасху на острове Сирос в Эгейском море. Раньше я здесь не бывал. Мы нашли недорогую гостиницу в центре уютной бухты с прекрасным безлюдным пляжем.

В ночь на Вознесенье мы с хозяином гостиницы отправились в ближайшую церквушку. Нам с трудом удалось протиснуться в середину. И тут начались чудеса: все казалось мне странным и непривычным. Скамьи, иконы, украшения на стенах, витражи, наконец, псалмы и даже поведение молящихся. Я стал себя упрекать: так редко хожу в церковь, все мне в ней уже кажется странным.

Тем временем литургия закончилась, свет погас и священник провозгласил: "Христос воскрес!". Мы зажгли свои свечи, поздравили друг друга и поцеловались, а затем стали поздравлять и целовать окружающих. В гостинице за праздничным столом я решил поделиться с хозяином своим сомнением насчет церкви. "Так это же католическая церковь", — объяснил тот. "А кто же вы?" — спросил я. "Православный!" — гордо ответил он.

Я недоумевал.

— Половина населения острова — православные, половина — католики, — пояснил хозяин. — Но остров населен негусто, церковей мало. Поэтому мы ходим в любую ближайшую церковь. Наши церкви празднуют Пасху дважды: и по-католически, и по-православному. И с другими праздниками то же самое...

Когда апостол Павел пришел в Афины учить слову Божьему, он нашел среди алтарей различных греческих богов и алтарь с посвящением Неизвестному Богу. Есть духовная связь поколений, которая хранит и сегодня мудрость и терпимость эллинского духа. В этом, мне кажется, залог веры в судьбу Эллады. ●

Янис Руссакис (Афины)

Иосиф БРОДСКИЙ (США)

МУЗА ПЛАЧА

Узнав, что несколько стихотворений его дочери вскоре должны появиться в одном из петербургских журналов, отец призвал ее к себе и, заметив, что в принципе он ничего не имеет против того, что она сочиняет стихи, попросил все же не компрометировать его доброе имя и воспользоваться псевдонимом. Дочь согласилась, вследствие чего вместо Анны Горенко в русскую литературу вступила Анна Ахматова.

Покорность эта была вызвана не сомнениями по поводу избранного ею занятия или отпущенной ей меры таланта, ни, тем более, предвидением преимуществ, возникающих для автора с отстранением его личного "я" от литературного. Анна Горенко пошла на это ради "соблюдения приличий", ибо в семьях, принадлежащих дворянскому сословию, — а Горенки были дворянами — профессия литератора рассматривалась скорее как неподобающая. Она приличествовала выходцам из сословий низших, у которых нет другого способа прославиться.

Требование отца, тем не менее, было несколько чрезмерным. Горенки, конечно, были дворянами, но все же не титулованными. С другой стороны, семья проживала в Царском Селе — летней резиденции царской фамилии, — и это топографическое обстоятельство оказало, по-видимому, определенное влияние на главу семейства. Для его семнадцатилетней дочери обстоятельство это имело, впрочем, иной смысл: в Царском находился Лицей, в чьих садах столетие тому назад "безмятежно расцветал" юный Пушкин.

Что касается псевдонима, выбор его был подсказан тем обстоятельством, что со стороны матери линия Горенок восходила к последнему хану Золотой Орды, хану Ахмату, прямому потомку Чингис хана. "Я из Чингизидов", — говорила она не без гордости; и в самом деле для русского уха "Ахматова" обладает азиатским, точнее, татарским призвуком. Поскольку в России имя с татарским звучанием воспринимается не столько с любопытством, сколько с предубеждением, понятно, что псевдоним выбирался не экзотики ради.

Так или иначе, пять открытых "а" Анны Ахматовой обладали гипнотическим эффектом и естественно поместили имени этого обладательницу в начало алфавита русской поэзии. В каком-то смысле имя это оказалось ее первой удачной строчкой, запоминающейся тотчас своею акустической неизбежностью, — с этими "ах", оправданными не столько сентиментальностью, сколько историей. Строчка эта свидетельствовала о неординарной интуиции и качестве слуха семнадцатилетней девушки, ставшей вскоре после первой публикации подписывать свои письма и официальные документы

тем же именем Анна Ахматова. Словно предваряя идею личности, возникающую от совпадения звука со временем, псевдоним обернулся пророчеством.

Анна Ахматова принадлежит к категории поэтов, не имеющих ни генеалогии, ни прослеживаемого "развития". Она принадлежит к типу поэтов "свершившихся", являющихся в мир с уже поставленной дикцией и присутствием им уникальным мироощущением. Она пришла в русскую поэзию полностью экипированной и ни на кого не похожей. Характерно, что ни одному/одной из ее бесчисленных эпигонов никогда не удавалось сколь-нибудь убедительно ее имитировать; дело всегда кончалось тем, что друг друга они напоминали более, чем автора.

Это наводит на мысль, что ахматовская идиома была вызвана к жизни чем-то куда менее постижимым, нежели хитроумные стилистические изыски; она ставит нас перед необходимостью уточнения второго компонента знаменитой формулы Бюффона: "Стиль — это человек".

Помимо общих возвышенных аспектов данной субстанции, в ахматовском случае уникальность удостоверялась ее физическим обликом. Высокая, темноволосая, со светлыми серо-зелеными, как у горного барса, глазами, тонкая и невероятно гибкая, она на протяжении полувека служила моделью художникам, которые рисовали, писали, лепили, гравировали и фотографировали ее, начиная с Амедео Модильяни. Что до стихов, ей посвященных, их количество далеко превосходит ее собственное собрание сочинений.

Все это свидетельствует о том, что *видимая* оболочка этой субстанции производила захватывающее впечатление; а тот факт, что содержащаяся в оболочке этой сущности ей более чем соответствовала, подтверждается стихотворениями, совмещающими оба эти аспекта с убедительностью живой плоти.

Вышеупомянутое целое отличалось благородством и сдержанностью. Ахматова — поэт строгой метрики, точных рифм и кратких предложений. Ее синтаксис прост и свободен от сложно-подчиненных построений, центробежные завихрения которых ответственны за большую часть русской литературы; фактически, своей упрощенностью ее синтаксис напоминает английский. С самого начала своей литературной деятельности до самого конца она оставалась внятной. Среди своих современников она напоминала Джейн Остин. Если ее речь временами оказывалась темна, это было вызвано не грамматикой.

В эпоху, отмеченную обилием технических экспериментов в поэзии, она подчеркнуто сторонилась авангарда. Более того, ее технические средства обладают внешним сходством с тем, что в начале века породило волну новаций как в русской поэзии, так и повсеместно: со строфикой символистов, вездесущей, как трава. Это внешнее сходство соблюдалось Ахматовой сознательно: она стремилась не к упрощению, но к усложнению задачи. Ей попросту хотелось вести игру честно, не уклоняясь и не изобретая собствен-

ных правил. Иными словами, и в стихотворении она стремилась к соблюдению приличий.

Ничто так не демонстрирует слабости поэта, как традиционный стих, и вот почему он повсеместно избегаем. Заставить пару строк звучать непредсказуемо, не порождая при этом комического эффекта и не производя впечатления чужого эха, есть предприятие крайне головоломное. Традиционная метрика наиболее придирчива по части этого эха, и никакое перенасыщение строчки конкретными физическими деталями от него не спасает. Ахматова звучит так независимо именно потому, что она с самого начала знала, как эксплуатировать источник опасности.

Ей удавалось это благодаря технике, если угодно, коллажа, разнообразящего содержание. Часто в пределах одной строки она вводит в круг действия множество на первых взгляд не имеющих друг к другу отношения вещей. Когда человек на одном дыхании говорит о глубине своих чувств, о цветении крыжовника и о надевании на правую руку перчатки с левой руки, это как бы компрометирует самое дыхание — что в стихотворении есть его ритм, — причем компрометирует до такой степени, что читатель забывает об этом дыхании родословной. Эхо, иными словами, подчиняющееся разноголосице предметов, в итоге приводит их к единому знаменателю; оно перестает быть формой и оборачивается нормой речи.

Рано или поздно это всегда происходит с эхом, так же как и с отличием самих предметов друг от друга — в русском стихосложении это случилось благодаря Ахматовой, точнее, благодаря тому "я", которому принадлежало это имя. Трудно отделаться от ощущения, что в то время как скрытая часть ее "я" слышит, как посредством рифм язык склоняет к близости несовместимые вещи, внешняя ее часть смотрит на это с высоты своего реального роста. Ей как будто только и оставалось знакомить, сводить во едино тех и то, что было уже связано самым языком и обстоятельством ее существования, то есть обручено, так сказать, самими небесами.

Отсюда благородство ее дикции, ибо она не претендовала на авторство своих открытий. Ее рифмы ненастойчивы, размер ненавязчив. Иногда она опускает слог или два в последней или предпоследней строчках строфы, чем создается ощущение пресекающегося голоса, невольной неловкости, вызванной эмоциональным перенапряжением. Но это — примерно предел того, что она себе позволяет, ибо она чувствует себя как дома в рамках классического стиха, как бы намекающего, что терзания и откровения ее героини не заслуживают экстраординарных формальных средств для их выражения, что они не более значительны, чем оные же у ее предшественников, прибегавших к тем же размерам прежде.

Разумеется, все это было не совсем так. Никто не впитывает прошлое полное, чем поэт, хотя бы потому, что он опасается изобрести уже изобретенное. (Вот почему, кстати, поэт часто оказывается, что называется, "впереди своего времени" — занятого, естественно, пережевыванием клише.) Поэтому независимо от того, что поэт собирается изложить, в момент речи он точно знает, что по отношению к теме он — наследник. Великая литература прошлого приучает к скромности не столько в силу своего качества, сколько вследствие прецедента тематики. Причина же, заставляющая поэта

говорить о, например, своем горе сдержанно, состоит в том, что с точки зрения горя как такового он, в сущности, есть Вечный Жид. В этом смысле Ахматова была прямым производным петербургской традиции русской поэзии, основоположники которой, в свой черед, имели за плечами европейский классицизм, не говоря уже о его греко-римских оригиналах. Ко всему прочему и сословное их происхождение было одинаковым.

Ахматовская сдержанность частично объясняется именно этой невольной ролью носительницы наследия ее предшественников в искусстве XX века. То было лишь естественной данью уважения к ним, так как именно это наследие сделало ее поэтом своего столетия. Она попросту считала себя, со всеми своими драмами и откровениями, как бы постскриптумом к их творчеству, к тому, что они засвидетельствовали о своем бытии. Бытие было трагичным, таким же оказались и свидетельства. Постскриптум, в свою очередь, представляется трагичным потому, что свидетельства были усвоены полностью. Если при этом она не позволяла себе срывать в крик и не посыпала голову пеплом, то это потому, что и они обходились без этого.

Таковы были тон и ключ, в которых она начинала. Первые сборники принесли ей успех как в глазах критики, так и у публики. Вообще говоря, заботиться об отклике критики на творчество поэта следует в последнюю очередь. Тем не менее успех Ахматовой достаточно знаменателен, если учесть его хронологию, особенно второй и третьей книг: 1914 (начало Первой мировой войны) и 1917 (Октябрьская революция). С другой стороны, возможно, этот оглушающий фон мировых событий обусловил тот факт, что голосовое тремоло молодой поэтессы оказалось внятным и столь необходимым. Опять-таки в самом начале ее творческого пути уже содержалось подобие пророчества о том, с чем ей пришлось потом иметь дело на протяжении полувека. Ощущение пророчества усиливается тем, что на русское ухо, об эту пору заложенное бурей мировых катаклизмов, напластывалось в добавление непрерывное и достаточно бессмысленное бормотание символизма. В итоге оба эти шума слились в единый угрожающе-механический гул новой эры, на фоне которого ей суждено было говорить до конца своих дней.

В первых сборниках "Вечер", "Четки", "Белая стая" естественно преобладает любовная тематика — *de rigueur*¹ раннего творчества. Стихотворениям этих книг присуща дневниковая интимность и непосредственность; они описывают не более одного подлинного или психологического события и, как правило, коротки — от шестнадцати до двадцати строк в лучшем случае. Будучи таковыми, они усваиваются памятью практически мгновенно (что продолжает происходить с ними из поколения в поколение по сей день).

Однако не столько сжатость их формы или их тематика ответственны за желание памяти немедленно их присвоить; подобными качествами квали-

¹ Здесь: неизбежный спутник (франц.)

фицированного читателя не удивишь. Новым в этих стихотворениях оказался способ мироощущения, выразившийся в обращении автора с темой. Преданной, мучимой ревностью или чувством вины, исстрадавшейся героине этих стихотворений свойственно скорее обвинять себя, нежели кого-то вовне; она прощает красноречивее, чем негодует, в голосе ее слышна скорее мольба, чем вопль. В ахматовской лирике этого периода сказалась вся эмоциональная тонкость и психологическая усложненность русской прозы XIX века со всеми теми достоинствами, каковым поэзия того же столетия эту прозу обучила. Помимо того, в этих стихотворениях содержится изрядная доля иронии и самоотстранения — сугубо личных свойств автора, оказавшихся скорее производными ее метафизики, чем формой подслащивания той или иной горькой пилюли.

Нет нужды говорить, что именно эти качества ее произведений оказались в глазах читательской публики весьма своевременными. Поэзия — более, чем другие виды искусства, — есть способ воспитания чувств, и заучиваемые наизусть ахматовские строчки закаляли сердца и сознание читателей, чтобы выдержать натиск пошлости новой эры. Осознание метафизической природы драмы личной увеличивает шансы индивидуума при столкновении с драмой исторической. Именно это, а не эпиграмматическое очарование ее строк, приковало к ним бессознательно читательскую массу. Реакция эта была инстинктивной; инстинкт же был инстинктом самосохранения, ибо гул приближающейся истории стремительно нарастал.

Ахматова во всяком случае различала его чрезвычайно отчетливо. Высокий накал чисто личного лиризма "Белой стаи" окрашен нотой того, чему суждено было стать ахматовской спецификой: нотой контролируемого ужаса. Механизм, предназначенный сдерживать эмоции романтического характера, продемонстрировал свою состоятельность применительно и к смертельному страху. Резко возрастающая взаимосвязь последнего с первым обернулась в итоге эмоциональной тавтологией; "Белая стая" свидетельствует о начале этого процесса. На страницах этого сборника русская поэзия столкнулась с "некалендарным, настоящим Двадцатым веком" и в этом столкновении уцелела.

По крайней мере, можно утверждать, что Ахматова оказалась подготовленной к означенному столкновению лучше, чем большинство ее современников. Ко времени революции ей было двадцать восемь лет, из чего следует, что она была не настолько молода, чтобы поверить в нее, ни слишком "умудрена", чтобы ее оправдать. Более того, она была женщиной, и ей представлялось в равней степени неподобающим превозносить или проклинать случившееся. Еще менее была она склонна рассматривать изменение социального порядка как призыв к изменению метрики или к разрушению ассоциативных связей. Искусство не подражает жизни хотя бы из одного только отвращения к клише. Ахматова оставалась верной своей дикции, своему личному тембру, более преломляя, чем отражая, действительность сквозь призму своего собственного сердца. Только функция детали, служившей прежде для переключения внимания с эмоциональной перегруженности содержания, постепенно отказывается от роли громоотвода и оборачивается своей противоположностью.

Она не отвергала революцию: демонстративно-горделивая поза тоже была не для нее. Говоря современным жаргоном, она усвоила ее, приняла ее к собственному сведению. Она просто восприняла ее тем, чем та и была: гигантской национальной катастрофой, означающей непомерное увеличение объема страдания на долю каждого индивидуума. Понимание этого далось ей не только потому, что ее собственная доля возросла чудовищно, но прежде всего благодаря своему ремеслу. Поэт есть прирожденный демократ не только из-за шаткости его социального статуса, но в силу также того, что он служит целой нации, пользуется ее языком. То же можно сказать и о трагедии, и отсюда их родство. Ахматовой, чьи стихи всегда тяготели к просторечию, к идиоматике фольклора, легче и естественней было отождествлять себя с народом, нежели тем, кто "в данный исторический момент" был занят литературным самоутверждением или достижением каких-либо иных целей; просто она узнала — на слух и в лицо — трагедию.

Более того, утверждать, что она отождествляла себя с народом, означало бы — прибегать к рациональной тавтологии, не имевшей места в ее сознании. Ахматова была частью целого: и псевдоним ее только усиливал ее социальную анонимность. Помимо всего прочего, она всегда относилась с предубеждением к некоторому оттенку превосходства, заключающемуся в понятии "поэт". "Я вообще не понимаю этих "больших" слов, — говорила она, — поэт, биллиард". Это диктовалось не избытком скромности, но трезвостью отношения к своему положению в обществе. Самая настойчивость любви как темы ее поэзии указывает на ее чисто человеческую обыкновенность. От своей аудитории она отличалась главным образом отсутствием склонности приспособлять свои этические принципы к историческим обстоятельствам.

Во всем остальном она была как все. Да и самое время не располагало большим разнообразием. Если ее стихотворения — не vox populi, то только потому, что народ никогда не говорит в один голос. В то же время то не был и голос сливок общества, уже хотя бы потому, что он начисто лишен столь присущей русской интеллигенции тоски по народу. "Мы", которым она начала пользоваться в этот период времени в качестве самозащиты против внеперсональной боли, причиняемой историей, расширилось до лингвистических пределов этого местоимения не ею, но массой тех, для кого русский язык был родным. Принимая во внимания качество будущего, этому "мы" суждена была долгая жизнь — как и авторитету, это "мы" употреблявшему.

Во всяком случае нет психологической разницы между ахматовскими "гражданскими" стихотворениями времен Первой мировой войны и революции и теми, что написаны добрых тридцать лет спустя, во время Великой Отечественной войны. Если бы не конкретные числа, проставленные ею, такие стихотворения, как "Молитва", и в самом деле могли бы быть датированы практически любым моментом русской истории этого столетия — что оправдывает, в частности, заглавие этого стихотворения. Помимо доказательства чуткости ее поэтического слуха, это доказывает также, что исторические условия России последних восьмидесяти лет в значительной степени упростили задачу поэта; настолько, во всяком случае, что поэт с долей пре-

зрения относится к пророческой роли, предпочитая простое описание факта или ощущения.

Отсюда назывной характер ахматовской строки в целом, в описываемый период в особенности. Она понимала не только то, что эмоции ее и ее открытия достаточно заурядны, но также и то, что Время, верное своему принципу повторяемости, возведет их в ранг общечеловеческих. Она сознавала, что у истории, так же как и у ее жертв, вариантов не так уж много. Более существенно, однако, то, что "гражданские" стихи были щепками в общем ее лирическом потоке, превращавшим их "мы" в практически неотличимое от употреблявшегося чаще, эмоционально-насыщенного "я". Благодаря их постоянному наложению оба местоимения сильно прибавляли в достоверности. Поскольку имя потоку было "любовь", стихотворения о родине и об эпохе оказывались пронизанными ощущением почти неуместной интимности; и наоборот, стихи о сильных чувствах как таковых приобретали эпический оттенок. Последнее означало расширение лирического потока.

Гораздо позднее, десятилетия спустя, Ахматова часто негодовала по поводу попыток критиков и исследователей свести значимость ее творчества к рамкам любовной лирики 10-х годов. Негодование ее абсолютно справедливо, ибо произведения последующих сорока лет перевешивают первую декаду ее творчества и количественно, и качественно. В подобном отношении критиков и исследователей, однако, нет ничего удивительного, так как после 1922 года до ее смерти в 1966 году Ахматова не имела возможности опубликовать авторского, то есть составленного ею самой, сборника, и критикам приходилось иметь дело только с тем, что было доступно. Существовала еще, по-видимому, и другая причина, менее очевидная и менее осознаваемая, привлекавшая этих критиков и исследователей к ранней Ахматовой.

На всем протяжении его жизни Время обращается к человеку на разных, так сказать, языках: на языке невинности, любви, веры, опыта, истории, усталости, цинизма, вины, распада и т. д. Из всех этих наречий язык любви, судя по всему, есть *lingua franca*¹. Его словарь вмещает в себя все другие языки, а высказывания на нем осчастливливают любой предмет, сколько бы неодушевленным он ни был. К тому же отмеченный данного языка вниманием предмет приобретает священное, заповедное почти значение, подтверждая как характер отношения к объектам наших страстей, так и истинность библейского указания на предмет того, что есть Бог. Любовь, в сущности, есть отношение бесконечного к конечному. Обратное ему порождает либо веру либо поэзию.

Ахматовская любовная лирика была, естественно, прежде всего — про-сто стихотворениями. Помимо всего прочего эти стихотворения обладали такими замечательными чисто повествовательными качествами, что читате-

¹ универсальный жаргон, волапок (лат.).

лю, проводившему время, вычисляя разнообразные пертурбации и события жизни их героини, не угрожала скука. (Некоторых только это и интересовало, и на основании этих стихотворений воспаленному читательскому воображению представлялись романтические отношения автора как с Александром Блоком, выдающимся поэтом данной эпохи, так и с Его Императорским Величеством, несмотря на то, что она была лучшим поэтом, чем первый, и на добрых пятнадцать сантиметров выше последнего.) Полуавтопортрет — полумаска, их лирическая героиня усугубляет реальную драму фатальностью, свойственной театру, испытывая, таким образом, как собственные свои, так и присущие самой боли пределы. Темы более счастливые подвергаются такой же разработке. Реализм, говоря короче, употребляется ею как средство передвижения к метафизическому пункту назначения. И тем не менее все это могло бы быть сведено к одушевлению традиции жанра, к осовремениванию его, — если бы не самое количество стихотворений, посвященное вышеуказанной теме.

Количество их исключает как биографический, так и психоаналитический подход, ибо оно перехлестывает возможную конкретность адресатов, сводя их, в сущности, до уровня повода для авторской речи. Общность искусства и эротики состоит в том, что оба они являются сублимацией одной и той же — творческой — энергии, уничтожающей возможность какой-либо между ними иерархии. Почти маниакальная настойчивость ранних любовных стихотворений Ахматовой предполагает не столько повторяемость страсти, сколько частоту мольбы. Соответственно, сколько бы различны ни были воображаемые или реальные их прототипы, стихотворения эти являют собою стилистическое единство, ибо любовь как тема обладает склонностью к ограничению формальных приемов. То же свойственно религии. В конечном счете способов для демонстрации сильных чувств и впрямь не так уж много — что, в итоге, и объясняет ритуалы.

Именно эта тоска конечного по бесконечному и объясняет повторяемость любовной темы в ахматовских стихотворениях, а не конкретные перипетии. Любовь и на самом деле стала для нее языком, кодом для регистрации сообщений Времени или, по крайней мере, для выражения их тональности и частоты: она просто отчетливее различала их в этом контексте. Ибо предметом ее интереса была не ее собственная жизнь, но именно Время как таковое и воздействие его монотонности на человеческую психику вообще и на ее собственную дикцию в частности. Если она и сопротивлялась попыткам свести ее творчество к раннему периоду, то это происходило не оттого, что ей не нравился статус вечно-влюбленной девочки, но оттого, что ее дикция, а с нею и самый код, постепенно претерпевали значительные изменения, позволяя различить монотонность, присущую бесконечному, более отчетливо.

Действительно, монотонность эта становится достаточно внятной уже в "Anno Domini MCMXXI" — ее пятой и практически последней книге. В некоторых стихотворениях этого сборника упомянутая монотонность сливается с авторским голосом до такой степени, что автору приходится заострять конкретные детали или образы, спасая их, а с их помощью и собственный разум от бесчеловечной нейтральности метрики. Их слияние или, лучше

сказать, подчинение первого последнему, пришло позднее. Пока же она пыталась сохранить свои представления о действительности от захвата их представлениями, подсказываемыми ей просодией: ибо просодия знает о Времени куда больше, чем склонен учитывать человек.

Столкновение вплотную с этим знанием, точнее, с этой памятью о реорганизованном Времени, приводит в результате к невероятному ускорению мышления, которое отнимает у открытий, порождаемых реальностью, их новизну, если не самую значимость. Ни одному поэту не дано преодолеть этот разрыв; но если он добросовестен, он может понизить высоту тона или приглушить интонацию, чтобы уменьшить степень своего отстранения от реальности. Иногда это делается из соображений чисто эстетических: дабы убрать из голоса излишнюю театральность, лишая его бель-канто. Чаще же целью подобного камуфляжа является опять-таки сохранение разума, и Ахматова, поэт строгой метрики, пользовалась этим средством неуклонно. Чем тверже она придерживалась его, тем неумолимее голос ее приближался к безликой тональности Времени, пока они не слились в нечто, что заставляет вздрагивать пытающегося разгадать — как в "Северных элегиях", — кто там прячется за местоимением "я".

Выпавшее на долю этого местоимения выпало и другим частям речи, то уменьшающимся, то увеличивающимся в порожденной просодией перспективе Времени. Ахматовскому творчеству присуща чрезвычайная конкретность, но чем конкретнее были ее образы, тем более вневременными они становились из-за сопровождающего их размера. Не существует стихотворений, написанных одного сюжета ради, как и не бывает жизни, прожитой ради некролога. То, что называется музыкой стихотворения, есть, в сущности, процесс реорганизации Времени в лингвистически-неизбежную запоминающуюся конструкцию, как бы наводящую Время на резкость.

Звук, иными словами, является в стихотворении воплощением Времени — тем задником, на фоне которого содержание приобретает стереоскопический характер. Сила ахматовских строк заключается в ее способности выразить безликий эпический размах музыки, каковой более чем совпадал с их содержанием поэтическим; в особенности начиная с 20-х годов и далее. Действие, оказываемое ее инструментальной на содержание, сходно с ощущением человека, предполагавшего, что его ставят к стенке, и неожиданно обнаружившего за спиной линию горизонта.

Вышесказанное следует иметь в виду иноязычным читателям Ахматовой, поскольку горизонт этот начисто пропадает в переводе, оставляя на странице пусть и насыщенное, но все же единовременное содержание. С другой стороны, иноязычный читатель может утешиться тем, что и отечественной аудитории приходилось иметь дело с ее творчеством в чрезвычайно искаженном виде. Цензуру с переводом сближает их общий принцип "по возможности"; следует, однако, заметить, что языковые барьеры зачастую оказываются не ниже, чем воздвигаемые государством. Ахматова окружена обоими, и только первые показывают признаки того, что они поддаются.

"Anno Domini MCMXXI" был ее последним сборником: в последующие сорок четыре года она была лишена возможности опубликовать самостоя-

тельно составленную книгу. В послевоенный период, строго говоря, появилось два тощих сборника ее произведений, составленных преимущественно из перепечаток ранней лирики плюс сугубо патриотических стихов военного времени и раешников, приветствующих наступление мира. Эти последние были написаны ею с целью вызволения из лагеря сына, где он, тем не менее, провел в общей сложности восемнадцать лет. Эти публикации ни в коей мере не могут рассматриваться как ее собственные, ибо они составлялись редакторами госиздательств, чьей целью было убедить публику, особенно зарубежную, что Ахматова жива-здора и лояльна. В них вошло примерно около пятидесяти стихотворений, имевших весьма немного общего с тем, чем она занималась на протяжении четырех десятилетий.

Для поэта такой величины, как Ахматова, это было равносильно погребению заживо с парой слов на плите, указывающих, чья это могила. Погребение это было результатом нескольких сил, по преимуществу исторических, чье основное свойство — вульгарность и чей непосредственный инструмент — государство. Тем более, что к МСМХХI, то есть к 1921 году, новое государство уже было на ножах с Ахматовой, муж которой, поэт Николай Гумилев, был расстрелян органами госбезопасности — по слухам, по прямому приказу В. И. Ленина. Порождение принципа "око за око", новое это государство не могло ожидать от Ахматовой ничего иного, кроме ответного удара, — особенно принимая во внимание ее пресловутую склонность к автобиографичности.

Такова, судя по всему, была логика государства на протяжении полутора десятка лет, последовательно уничтожившего почти полностью все ее окружение (включая ближайших друзей, поэтов Владимира Нарбута и Осипа Мандельштама). Кульминацией этого явился арест ее сына, Льва Гумилева, и ее третьего мужа, искусствоведа Николая Пунина, вскоре умершего в тюрьме. Затем грянула Вторая мировая война.

Эти пятнадцать лет, предшествовавшие войне, были, по всей видимости, наиболее черными во всей русской истории; безусловно таковыми были они и в жизни самой Ахматовой. Именно материалу, составившему этот период, вернее, жизням, в этом промежутке отнятым, она обязана своим прозвищем: Муза Плача. Эпоха эта попросту заменила частоту стихотворений о любви частотой стихотворений *in memoriam*. Смерть, призываемая ранее для избавления от тех или иных переживаний героини, обернулась реальностью, исключавшей подобные переживания. Из фигуры речи она превратилась в фигуру, дара речи лишавшую.

Если Ахматова не умолкла, то, во-первых, потому, что опыт просодии включает в себя среди всего прочего и опыт смерти; во-вторых, из-за чувства вины, что ей удалось выжить. Стихотворения, составившие "Венок мертвым", являются попыткой дать возможность тем, кого она пережила, найти приют в просодии или, по крайней мере, стать ее частью. Дело не в том, что она стремилась "обессмертить" погибших, большинство из которых уже и тогда были гордостью русской литературы, тем самым обессмертив себя самостоятельно. Она просто стремилась справиться с бессмысленностью существования, разверзшуюся перед ней с уничтожением носителей его смысла, одомашнить, если угодно, невыносимую бесконечность, засе-

ляя ее знакомыми ей тенями. Кроме того, обращение к мертвым было единственным средством удержания речи от срыва в вой.

Отголоски воя, однако, различимы в ахматовских стихотворениях этого периода, как, впрочем, и впоследствии. Они возникают либо в форме крайне перегруженной рифмы, либо непоследовательной на первый взгляд, нарушающей в целом внятное повествование, строки. Впрочем, стихотворения, относящиеся к чьей-то конкретной гибели, свободны от вещей такого рода, как если бы автор боялся оскорбить адресата своими эмоциональными эксцессами. Этот отказ от последней возможности навязать себя кому-либо проистекал, несомненно, из ее лирики. Продолжая обращаться к мертвым, как если бы они были живыми, не приспособливая свою дикцию "к случаю", она отказывалась от возможности эксплуатировать мертвых в качестве абсолютных собеседников, каковых каждый поэт ищет и обретает среди мертвецов или ангелов.

Как тема смерть всегда служит лакмусовой бумажкой для этики поэта. Жанр стихотворений *in memoriam* часто используется для упражнений автора в жалости к самому себе либо как приглашения к метафизическому путешествию и свидетельствует о подсознательном превосходстве спасшегося над жертвой, большинства (живых) над меньшинством (мертвых). Ахматовой подобная практика абсолютна чужда. Она конкретизирует своих умерших, а не обобщает их, поскольку она обращается именно к меньшинству, с которым ей во всяком случае естественнее себя отождествить. Она продолжает обращаться к ним по-прежнему, как к людям, которых она знала и которым, она это чувствовала, было бы неприятно, чтобы ими пользовались в качестве отправных точек, как бы заманчив ни был пункт назначения.

Естественно, стихи подобного рода не могли быть опубликованы, ни даже переписаны или перепечатаны на машинке. Их могли только запомнить наизусть автор и шесть-семь доверенных лиц, поскольку автор не мог полагаться на свою собственную память. Время от времени она встречалась с каждым из них по отдельности и просила прочитать вполголоса тот или иной цикл, как бы в порядке инвентаризации. Эта предосторожность не была излишней: люди исчезали навсегда из-за меньших провинностей, нежели клочок бумаги с несколькими строчками. К тому же она страшилась не столько за собственную жизнь, сколько за жизнь сына, находившегося в лагере, освобождения которого она безуспешно пыталась добиться в течение восемнадцати лет. Клочок бумаги с несколькими строчками мог дорого стоить — и более ее сыну, чем ей самой, рисковавшей потерей разве только надежды или рассудка.

Дни обоих, впрочем, были бы сочтены, если бы власти предержавшие обнаружили "Реквием", цикл стихотворений, описывающих удел женщины, чей сын арестован, женщины, которая часами простаивает у стен тюрьмы с передачей и обивает пороги инстанций, пытаясь узнать о его участи. На этот раз стихотворения действительно были автобиографическими, однако сила "Реквиема" состоит в том, что подобная биография была слишком типичной. "Реквием" оплакивает плакальщиц: матерей, потерявших детей, жен,

обреченных на вдовство, порой тех и других, как в случае с автором. Это трагедия, где хор погибает раньше героя.

Степень страдания, пронизывающего многоголосье этого реквиема, может быть объяснена только православной верой автора; степень же понимания и всепрощения, наполняющая эти стихи пронзительным, почти непереносимым лиризмом, — уникальностью ее сердца, ее "я", и тем, как ощущает это "я" свое Время. Никакое вероучение не позволило бы понять, ни тем более простить, ни даже просто пережить это двойное вдовство от руки государства, судьбу сына и сорок лет замалчивания и остракизма. Анна Горенко с этим бы не справилась. Анна Ахматова выдержала, словно заранее знала, выбирая псевдоним, что ему предстоит самостоятельное существование.

В определенные периоды истории поэзия — и только она — оказывается способной иметь дело с действительностью, придавая ей форму, позволяющую ее осознать и удержать в сознании. В этом смысле вся нация взяла псевдоним Ахматовой — что объясняет ее популярность и, что более существенно, позволило ей не только говорить от имени всей нации, но и сообщить нации нечто, о чем та не имела представления. Она была, в сущности, поэтом человеческих связей: лелеемых, интенсивных, прерывных. Она продемонстрировала их эволюцию — сначала через призму индивидуальной души, затем через призму истории, которая выпала на долю ее и ее народа. Этим, похоже, возможности оптики и исчерпываются.

Совмещение этих перспектив в четкий фокус осуществлялось посредством просодии, которая, по сути дела есть хранилище времени в языке. Отсюда, кстати, ахматовская способность прощать, ибо прощение не есть добродетель, постулируемая верой, но свойство времени как в повседневном, так и в метафизическом смысле. Потому ее стихам и суждено было выжить, опубликованным или нет: благодаря просодии, благодаря тому, что они заряжены временем — в обоих означенных смыслах. Им суждено выжить потому, что язык старше, чем государство, и потому, что просодия всегда переживает историю. В принципе, просодия едва ли нуждается в истории; в ком она нуждается, так это в поэте. Анна Ахматова им и была.

Перевод с английского
М. Темкиной

Ольга МАКСИМОВА (Монреаль)

Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ, НО ТЫ МНЕ НЕ ПРАВИШЬСЯ

О стихах Иосифа Бродского

*Нет несчастней того,
Кто при жизни с душою расстался,
А кругом — все чужое,
А кругом ему все незнакомо.
Он идет как слепой,
Прежней местности не узнавая.
Он смешался с толпой,
Но страшит суета неживая,
И не те голоса,
Все чужое, чужое, чужое...*

Мария Петровых

Все началось со спора на кухне, когда мой собеседник стучал кулаком по столу и кричал, что нет такого поэта Бродского, а те, кто, как я, его любят, просто люди лишенные вкуса. Но поскольку к категории этих людей относилась и Ахматова, считавшая его стихи волшебными, я на своего энергичного оппонента не обиделась. Однако Ахматова знала только раннего Бродского. Мы же можем проследить эволюцию поэта в течение 25 лет. За это время в поэзии Бродского произошли большие изменения.

Юрий Карабчиевский в своей книге о Маяковском заметил, что Бродский — прямое и логическое завершение линии, начатой "лучшим, талантливейшим поэтом нашей эпохи", линии, ведущей, как ему кажется, в пустоту ("Воскресение Маяковского", Мюнхен, 1985).

Довольно часто можно слышать и такое мнение: Бродский — поэт печальный, и печаль его связана с эмиграцией, которая для всех нелегка, а для поэта почти непереносима.

Ни одно из этих мнений не удовлетворило меня. Захотелось разобраться в собственных взглядах на уникальное явление русской поэзии, именуемое Иосиф Бродский. Предупреждаю: это взгляд не профессионала, не специалиста, а всего лишь читателя.

Любое творчество, а поэтическое в особенности, есть брошенное в океан письмо в бутылке. Адресат его тот, кто не только прочтет, но и поймет. Со стороны поэта это поиски со-чувствия, со-переживания, со-размышления, со-существования, в конечном счете благодати, по выражению Тютчева. Адресат — Человек, иногда Бог и Человек. В поэзии мы, читатели, особенно представители русскоязычной культуры, для кого она — хлеб и воздух, ищем себе подтверждения, помощи, утешения, оправдания... и находим.

Находили и в ранних стихах Бродского. Была в них нежность, тоска, любовь, открытость людям и жизни и, сверх того, поразительное мастерство, легкость, с которой он оперировал словом.

Плывет в глазах холодный вечер,
дрожат снежинки на вагоне,
морозный ветер, бледный ветер
обтянет красные ладони,
и льется мед огней вечерних,
и пахнет сладкою халвою,
ночной пирог несет сочельник
над головою.

(“Рождественский романс”, 1962)

...Все двери
настежь будут вам всегда. Но не
грустно эдак мне слыть нищу:
я войду в одне. Вы – в тыщу.

(“Послание к стихам”, 1967)

Перелом в творчестве Бродского с достаточной долей точности можно отнести к 1965 году, когда впервые вышли на поверхность, легли в стихотворные строки ростки того, что стало определяющим для него на многие годы, — глубочайшей мизантропии.

1965 год — конец ссылки поэта и конец большой, может быть, главной в жизни любви. В это время было написано стихотворение “О, как мне мил кольцеобразный дым”:

За что нас любят? За богатство, за
глаза и за избыток мощи.
А я люблю безжизненные вещи
За кружевные очертанья их.

Одушевленный мир — не мой кумир,
Недвижимость — она ничем не хуже.

Пытаясь анализировать творчество поэта, мы можем говорить лишь о магистральной линии развития, от которой всегда были, есть и будут какие-то отступления. Анализ всегда остается неким упрощением, тем более когда речь идет о таком сложном поэте и человеке, как Иосиф Бродский. В тот же год, когда было написано “одушевленный мир — не мой кумир”, и позднее, были созданы и другие стихотворения, полные нежности к этому миру. Можно было бы посчитать эту строку всего лишь “проходной”, случайным всплеском настроения. Но именно этот росток постепенно развился и разветвился в его поэзии.

Как говорил сам поэт (в предисловии к “Избранной прозе” Цветаевой, Нью-Йорк, 1979): “Всякое сказанное слово требует какого-то продолжения. Продолжить можно по-разному: логически, фонетически, грамматически, в рифму. Ибо то, что сказано, никогда не конец, не край речи...” Логическим продолжением “кольцеобразного дыма” стала строка стихотворения 1966 года: “Сумев отгородиться от людей...” В 1971 году уже

Кровь моя холодна.
Холод ее лютей
реки, промерзшей до дна.
Я не люблю людей.

(“Натюрморт”)

В 1975 году —

Скушно жить, мой Евгений. Куда ни странствуй,
всюду жестокость и тупость воскликнут: "Здравствуй,
вот и мы". Лень загонять в стихи их.
Как сказано у поэта: "на всех стихиях..."
Далеко же видел, сидя в родных болотах.
От себя добавлю: на всех широтах.

(“К Евгению”)

В 1985 году, в прозе: "В определенном возрасте человек устает от себе подобных, устает засорять свое сознание и подсознание. Еще один — или десяток — рассказ о жестокости? Еще десяток — или сотня — примеров человеческой подлости, глупости, доблести?" ("Путешествие в Стамбул", 1985). (Заметьте себе эту "доблест", стоящую на последнем месте, после подлости и глупости). Или еще, из того же "Путешествия в Стамбул": "И если вы уже не в том возрасте, когда можно вытащить из ножен меч или вскарабкаться на трибуну, чтобы проорать морю голов о своем отвращении к прошедшему, происходящему и имеющему произойти, если таковая трибуна отсутствует или если море пересохло, — все-таки остается еще лицо и губы, по которым может еще скользнуть вызванная открывающейся как мысленному, так и ничем невооруженному взору картиной — улыбка презрения".

Презрение поэта к толпе, к черни, к массе, наконец, к читателю, который не есть соучастник творчества, всегда существовало, но презрение к Миру во всей его целостности — явление уникальное, во всяком случае, в русской поэзии. А это именно презрение к Миру в целом, к Человеку как таковому и к самому себе как человеку (при одновременном понимании своей отдельности, особенности, значимости как поэта, о чем дальше). В 1972 году были написаны "Строфы" — обращение к утраченной любимой:

Вот конец перспективы
нашей. Жаль, не длинней.
Дальше — дивные дивы
времени, лишних дней,
скачек к финишу в шорах
городов и т. п.
лишних слов, из которых
ни одно о тебе.

Люди и мир достойны презрения не только потому, что они жестоки и тупы, но потому, что они — пища Времени, всепожирающего Ничто. Вот несколько наудачу выбранных цитат из стихотворений 1970—1975 годов:

Я из бездонных мозеровских блюд
так нахлебался варева минут
и римских литер,
что в жадный слух,
который прежде не был привередлив,
не входит щebet или шум дерев —
я нынче глух.

(“Разговор с небожителем”)

Я могу молчать,
но лучше мне говорить.
О чем? О днях, о ночах,
Или же ничего.
Или же о вещах.

О вещах, а не о
людях. Они умрут.
Все. Я тоже умру.
Это бесплодный труд.
Как писать на ветру.

(“Натюрморт”)

...А земли и волны длинной
лишь вереница дней.

И ночей. А дальше – туман густой,
рай, где ангелы, ад, где черти.
Но длинной стократ вереницы той
мысли о жизни и мысли о смерти.
Этой последней длинной в сто раз
мысль о Ничто...

(“Колыбельная Трескового мыса”)

”Все... исчезло... как будто наша комната с половиной была разбомблена. Не нейтронной бомбой, которая оставляет хотя бы мебель нетронутой, а бомбой времени, разбивающей вдребезги самую память. Дом еще стоит, но место наше пусто, и новые жильцы, а не войска, вселяются, чтобы занять его. Это и есть бомба времени.” Так пишет он в эссе “In a Room and Half” (“В комнате с половиной”, 1986).

Ужас бездны Времени, ужас Ничто заставляет искать спасения. В этом смысле примечательна статья Бродского об Одене “To Please a Shadow” (“Угодить тени”, 1986). Долго, умно и блестяще говорит он об одной строке американского поэта: “Время преклоняется перед языком и прощает его служителей”. Он действительно считает, что если кого-то пощадит беспощадное Время, то только их, избранных, – жрецов языка. Позиция эта весьма отлична от позиции, например, Ахматовой, тоже писавшей о бренности всего сущего:

Ржавеет золото и истлевают сталь.
Крошится мрамор. К смерти все готово.
Всего прочнее на земле – печаль
И долговечней – царственное слово.

Слово, но не его служители. Себе она не ждет пощады и собственную непрочность принимает, хотя и с трепетом:

...как нам быть с тем ужасом, который
Был бегом времени когда-то наречен?

Более того, несмотря на это, несмотря на всю трагичность собственной судьбы и трагизм судьбы человечества, ей, как всем настоящим поэтам, свойственна благодарность за то, что нам было дано видеть этот мир, жить в нем, даже страдая:

В промежутке между грозами
Мрачной яркостью богатые
Над притихшими березами
Облака стоят крылатые,
Чуть гроза на запад спрячется
И настанет тишь чудесная,
А с востока снова катится
Колесница поднебесная.

У Бродского этот мир вызывает лишь улыбку презрения. Но когда жизнь превращается в “скачку к финишу в шорах городов”, творчество поэта перестает быть диалогом “поэт–читатель”. Творчество превращается в воровство, манипулирование блестящими, но мертвыми словами в кумирне злого и беспощадного божка – Времени, в надежде вымолить у него пощады, и невольно вспоминается Манделштам:

...беден тот, кто сам полуживой,
у тени милостыни просит.

А ведь это именно полужизнь, когда все, кроме далекого прошлого, — все вызывает в душе только чувство тоски и цинического неприятия, отталкивания.

...ибо легче вспомнить
то, что отсутствует, чем восполнить
это чем-то иным снаружи.

(“Прощайте, мадемуазель Вероника”, 1968)

О цинизме Бродского стоит поговорить отдельно. Анализируя творчество этого крупнейшего из ныне живущих русских поэтов, Михаил Крепс (“О поэзии Иосифа Бродского”, Энн-Арбор, 1984) отмечает, среди прочих особенностей, “недискриминативность его поэтического словаря” — сознательное смещение языковых пластов, особо останавливаясь на нецензурных выражениях, часто встречающихся в его стихах.

Непристойными выражениями пользовались поэты и до Бродского, Пушкин и Лермонтов в их числе, и все же, как справедливо замечает исследователь, “жанр философской лирики до Бродского не имел прецедентов вкрапления сниженного словаря, во всяком случае, у его лучших представителей... К сочетанию философского и сексуального русский читатель не был подготовлен и не мог понять самый смысл такого сочетания, ибо автор ведь писал в общем не “об этом”. Почему в контексте о театре нужно сказать о балерине “красавица, с которою не ляжешь”?”

В самом деле, почему? И так ли уж нужно? Представьте себе на минутку Плисецкую, танцующую “Кармен-сюиту”, и человека, который, глядя на это, скажет: “Красавица, с которою не ляжешь”. Становится бесконечно жаль — не балерину, конечно. Жаль автора.

“Недискриминативность словаря”, действительно, у Бродского существует, но внутри нее, если можно так выразиться, есть очень четкая дискриминация. Во-первых, количество слов “сниженного словаря” идет в творчестве поэта по нарастающей, и, во-вторых, когда он пишет, например, о *своей* любимой, о той, для него главной, но утраченной, он никогда их не употребляет. Вот отрывок из “Двенадцати сонетов к Марии Стюарт” (1974):

...Мари, ты не ждала,
что немец, закусивши удила,
поднимет старое, по сути, дело:
Ему-то вообще какое дело,
кому дала ты или не дала?

А вот из стихотворения “Ты забыла деревню” (1975):

А зимой там колют дрова и сидят на репе,
И звезда моргает от дыма в морозном небе.
И не в ситцах в окне невеста, а праздник пыли,
да пустое место, где мы любили.

Не где “дала” или “не дала”, а “где любили”. Вот из “Конца прекрасной эпохи” (1969):

...Красавице платье задрал,
видишь то, что искал, а не новые дивные дивы.

А это из “Песен счастливой зимы” (1963):

Здесь, от снега чисты,
воздух секут кусты,
где дрожит средь ветвей
радость жизни твоей.

Песни счастливой зимы
на память себе возьми.
То, что спрятано в них,
не отыщешь в иных.

О чужом внебрачном сыне, сводном брате императора Василия II, мимоходом: "кастрация царского выbledка, о которой нам повествует Пселл..." ("Путешествие в Стамбул"), и о своем сыне: "среди самых больших потерь в жизни — память, отчизна, сын" ("Лагуна"). Не правда ли, разница словаря бросается в глаза?

Одновременно бросается в глаза и другое: лучшие лирические стихотворения Бродского — это всегда крик (или шопот) о потере, констатация — "больше нет" и никогда — благодарное "было". Точка зрения Жуковского ему, в общем, чужда:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию: были.

Слово "благодарность" редко попадает в стихах Бродского. Можно привести всего несколько примеров, среди которых будет и последняя из "Римских элегий", где это слово соседствует все с тем же вечным врагом — Ничто, пустотой, и с определением, данным самому себе: "обломок".

Несмотря на уверения М. Крепса в бесконечном экспрессивном богатстве "сниженных" выражений, приходится признаться, что когда малограмотный мужик на улице говорит: "А я, бля, ему, бля, сказал, бля...", то это бляение — всего лишь свидетельство корчей безъязыкой улицы, утомительное, но даже не оскорбительное. У человека нет слов, и он заполняет пустое место пустым звуком, в большинстве случаев не помня в момент произнесения о его первоначальном смысле. А когда поэт с умом и образованием говорит:

Заморозки на почве и облысение леса,
небо серого цвета кровельного железа.
Выходя во двор нечетного октября,
ежась, число округляешь до "ох, ты бля",

то делается и скверно, и грустно. И снова спрашиваешь себя: а зачем? Зачем нужно было это "ох ты бля"? Для чего понадобилось превращать 28-строчное стихотворение "Башня" (1970) в прозаическую пьесу "Мрамор" (1984) на 55 страницах, полную грубых жаргонных выражений и грязных сексуальных рассуждений, перемешанных с философией? Углубили ли эти рассуждения смысл того, что было сказано без них в поэтическом тексте? Ни в коей мере. Они лишь заставили вспомнить просьбу человека, обнаружившего волос в тарелке с супом: "А можно волосы отдельно, суп отдельно?"

Здесь, пожалуй, будет уместно напомнить высказывание Цветаевой, которое сам Бродский цитирует в своем предисловии к двухтомнику ее прозы: "Чтение — есть соучастие в творчестве". Но если поэт имеет право требовать, ждать читателя-соучастника, то читатель имеет право сознательно отказаться от соучастия, если это — соучастие в мизантропическом поругании Мира, что в своеобразной форме и сделал мой пылкий и несправедливый собеседник, о котором шла речь в начале статьи.

Часто поэзию сравнивают с музыкой. Выражение "музыка стиха" кажется мне естественным. Если считать поэзию родственницей музыки, то Бродский, особенно поздний, теперешний, — пожалуй, действительно "не поэт", потому что музыки в его стихах нет или почти нет.

Но возможны и другие параллели. Если уж сравнивать стихи Бродского с чем-то из области искусства, то скорее можно говорить о скульптуре. Не о всякой, конечно. Мы читаем и восхищаемся тем, что он может *вылепить* из слов. Это то же чувство, какое вызывают подвижные конструкции американского скульптора Александра Кальдера —

чудо инженерного расчета из ярко раскрашенных металлических труб и лопастей. Искусство ли скульптуры Кальдера? Да. Очень современное, в материале, к которому мы еще не привыкли относиться так, как относимся, предположим, к мрамору. Но это безусловно созидание, а не разрушительство, творчество, а не надругательство над ним, как у многих абстракционистов.

И, однако, созерцание кальдеровских мобилей — удовольствие чисто интеллектуальное, душу нашу оно не затрагивает. Того внутреннего подъема, которое мы испытываем, глядя на Pietá Микельанджело или богтичеллиеву Венеру, нет и быть не может. Это не означает, что работы Кальдера "не искусство", нет, это "другое" искусство, новое, нами не обжитое, но отрицать его нельзя.

Красота инженерного расчета, точность работы интеллектуальной машины роднит творчество Бродского с мобилями Кальдера. Но есть и огромная разница, ибо Кальдер совершенно новыми средствами, новыми методами пытается выразить хрупкую гармонию окружающего нас мира, толкует о приятии его. Бродский же с помощью тоже новых, технически великолепных средств пытается убедить нас в его (мира) абсолютной бессмысленности и пустоте.

И все же техника поэта безукоризненна, понимание глубинных возможностей слова поразительно. Это — "хрусталь формы", без которой нет поэзии!

Есть еще один художник, творчество которого приходит на память при чтении Бродского. Иногда даже кажется, что он мог бы быть иллюстратором поэта. Это голландец Морис Эшер. Графика его бесконечно пессимистична, достаточно вспомнить его "Бельведер", место преклонения перед мудростью и красотой бытия, абсолютно недоступный реализации, стоящий на фундаменте-тюрьме. Или его водопады, падающие никуда и ниоткуда, бессмысленное направленное в никуда кружение его персонажей по перспективам и лестницам. И все же есть у него ощущение, понимание красоты и величия мироздания. Бродский оказывается более цельным (или более узким) : в его взгляде на мир нет такой точки света, только мрак, заключенный в великолепную форму.

Этот формальный, конструктивный блеск творчества Бродского, пожалуй, не вызывает сомнений. Но есть и другая его сторона, менее очевидная. Пушкин в список сделанного, совершенного в жизни включил "чувства добрые я лирой пробуждал". Думается, о каждом большом поэте можно так сказать, это как бы входит в самую суть понятия "поэзия". На первый взгляд, мизантропическая, миро- и человекоотрицающая поэзия Бродского не в состоянии пробудить никакого иного чувства, кроме глубочайшего отчаяния. Но это не совсем верно.

С одной стороны, у тех из нас, кто не забыл Восьмой псалом Давида, чтение стихов Бродского вызывает желание кинуться на помощь, трясти за плечи, стараться разбудить, вынуть из сердца осколок дьявольского зеркала, который, как герою андерсеновской сказки, мешает ему видеть то, что видел великий псалмопевец. А ведь желание придти на помощь — это доброе чувство, так что таким, несколько опосредствованным способом поэзия Бродского делает свое дело. Согласимся, что это необычный способ, ведь мы привыкли ощущать силу, высоту поэта и поэзии. Бродский и в этом уникален — он заставляет нас почувствовать *нашу* силу, что тоже немало.

С другой стороны, если, как сам он говорит, "то, что сказано, никогда не конец, не край речи...", то всегда остается надежда, что дальше, в продолжении, которого требует каждое слово, мы увидим продление не только того, что есть, но и того, что было в его ранних стихах:

Значит, нету разлук.
Существует громадная встреча.
Значит, кто-то нас вдруг
в темноте обнимает за плечи...

("От окраины к центру", 1962?)

И последнее. Еще Цветаева говорила:

А может, лучшая победа
над временем и тяготеньем
промчаться, не оставив следа,
промчаться, не оставив тени...

Сама она не последовала своему призыву, оставила глубокий след и в русской поэзии, и в нас. Не может отвернуться окончательно от мира, несмотря ни на что, и Бродский. Об этом говорит, собственно, уже то, что он публикует свои стихи. Ведь не потому же это делается, что бог Времени понимает только по-печатному. Вероятно, где-то в самой глубине души поэта есть место для этого Мира. Ведь было же у него когда-то:

Сверни с проезжей части в полу-
слепой проулок и, войдя
в костел, пустой об эту пору,
сядь на скамью и, погодя,
в ушную раковину Бога,
закрытую для шума дня,
шепни всего четыре слога:
— Прости меня.

МЕЖДУ ПРОЧИМ

ПОЭТ ЮРИЙ АНДРОПОВ

*Ликуй, парнасский бог! Прутков
уж нынь пишет...*

К.Прутков

Только что закончился VIII съезд писателей СССР. Выступившая на съезде поэтесса Екатерина Шевелева сказала:

"...В моем поколении был истинный поэт, пожертвовавший литературной славой ради партийного и государственного дела. Он мог бы и подборки своих стихотворений печатать, и несколько книг издать. Но он отвергал такие предложения. Его звали Юрий Владимирович Андропов. Пусть строки поэта Юрия Андропова хотя бы один раз прозвучат на писательском съезде:

...Мы бренны в этом мире под луной:
Жизнь — только миг, небытие — навеки.
Кружится во Вселенной шар земной.
Живут и исчезают человеки...

Но сущее, рожденное во мгле.
Неистребимо на пути к рассвету,
Иные поколенья на Земле
Несут все дальше жизни эстафету."

(Литературная газета" от 2 июля 1986 г.)

Воистину наше поколение — свидетель небывалого расцвета литературы и искусства. Сколько ярких имен! Литературный критик В.Ленин. Публицист Ф.Дзержинский. Окультист лирик Г.Гиммлер. Поэты И.Сталин и Мао Цзедун. Романисты Б.Муссолини и Й.Геббельс. Музыкальный критик и пианист А.Жданов. Художник А.Гитлер. Мастера исторической прозы, отмеченные высокими наградами, — лауреат Ленинской премии по литературе Л.Брежнев и Герой Советского Союза Ф.Кастро.

Теперь к этой плеяде прибавилось новое имя доселе малоизвестного поэта, удачно наступившего на горло собственной песне во имя более высоких и вдохновенных трудов, ради партийного дела. В славных органах, где, как выразился сам поэт, "исчезают человеки..." ●

Если бы я владел знанием, то шел бы по большой дороге. Единственная вещь, которой я боюсь, — это узкие тропинки. Большая дорога совершенно ровна, но народ любит тропинки.

Если дворец роскошен, то поля покрыты сорняками и хлебохранилища совершенно пусты. Знать одевается в роскошные ткани, носит острые мечи, не удовлетворяется обычной пищей и накапливает излишние богатства. Все это называется разбоем и бахвальством.

Когда правительство спокойно, народ становится простодушным. Когда правительство деятельно, народ становится несчастным. О несчастье! Оно является опорой счастья. О счастье! В нем заключено несчастье. Кто знает их границы? Они не имеют постоянства...

Когда растут законы и приказы, увеличивается число воров и разбойников. Когда в стране много запретительных законов, народ становится бедным.

Хорошее войско — средство, порождающее несчастье, его ненавидят все существа...

Благородный правитель во время мира предпочитает быть уступчивым в отношении соседних стран и лишь на войне применяет насилие. Войско — орудие несчастья, поэтому благородный правитель не стремится использовать его, он применяет его, только когда его к этому вынуждают. Главное состоит в том, чтобы соблюдать спокойствие, а в случае победы себя не прославлять. Прославлять себя победой — это значит радоваться убийству людей. Тот, кто радуется убийству людей, не может завоевать сочувствия в стране. Благополучие создается уважением, а несчастье происходит от насилия.

Слева строятся военачальники флангов, справа стоит полководец. Говорят, что их нужно встретить похоронной процессией. Если убивают многих людей, то об этом нужно горько плакать. Победу следует отмечать похоронной процессией...

Кто служит главе народа посредством *дао* (естественного закона), не покоряет другие страны при помощи войск, ибо это может обратиться против него. Где побывали войска, там растут терновник и колючки. После больших войн наступают голодные годы.

Искусный полководец побеждает и на этом останавливается, и он не осмеливается осуществлять насилие. Он побеждает и себя не прославляет. Он побеждает и не нападает. Он побеждает и не гордится. Он побеждает потому, что к этому его вынуждают. Он побеждает, но он не воинствен.

Пусть государство будет маленьким, а население — редким. Если в государстве имеются различные орудия, не надо их использовать. Пусть люди до конца своей жизни не уходят далеко от своих мест. Пусть соседние государства смотрят друг на друга и слушают друг у друга пение петухов и лай собак.

СПОР О ПОЛЬШЕ —

В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ